

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)
[Все книги автора](#)
[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

О Царствовании Юстиниана

Агафий Миринейский

- [Введение](#)
- [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
- [КНИГА ВТОРАЯ](#)
- [КНИГА ТРЕТЬЯ](#)
- [КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
- [КНИГА ПЯТАЯ](#)

- [Сноски](#)

Агафий Миринейский О Царствовании Юстиниана

Введение

Прекрасным и счастливым приобретением являются победы и трофеи в войнах, основание и восстановление городов и всякие тому подобные великие и достойные памяти дела. Эти деяния доставляют известность, славу и наслаждение творцам их и, когда они [творцы] умирают и уходят отсюда, совершенно не желают за ними следовать. Наступающее потом забвение скрывает и извращает истинный ход дел. Когда знающие о них [этих делах] умирают, с ними уходит, исчезает и знание их. Поэтому одна память представляет нечто текучее и непрочное и не может сохраняться долго. И я полагаю, что иные не решились бы подвергаться опасности ради отечества и переносить другие труды, если бы хорошо знали, что вместе с ними погибнет и умрет вся их слава, рассчитанная только на одну их жизнь, какие бы славные дела они ни совершили. Однако некий божественный промысел, укрепляя слабость нашей природы, даровал блага истории и вытекающие из нее надежды. Я думаю, что победители на Олимпийских играх обнажаются на арене не ради масличного венка или венка из селлеря, что храбрые воины в сражениях подвергаются открытым и очевидным опасностям не только ради добычи и наживы. Те и другие добиваются прочной и бессмертной славы, которой они не могут насладиться, если их не обессмертит история, не такой [славы], как установления Замолксиса¹¹ или готическое безумие, но божественной и бессмертной, единственной какая смертные дела превращает в бессмертие.

Отнюдь не легко обозреть и перечислить все блага, которыми история наполняет человеческую жизнь. Короче сказать я думаю, что она [история] отнюдь не может быть расцениваема ниже философии. А может быть она приносит и большую пользу. Ибо она, как некий непоколебимый и неподкупный учитель, распоряжается и указывает, чему следовать и чего надлежит избегать, как бы примешивая принуждение к убеждению. Пользуясь величайшим очарованием и как бы приправляя наставления разнообразием примеров и представляя наглядно, в чем люди, пользуясь благоразумием и справедливостью, прекрасно вели дело, а в чем погрешали против должного вследствие или неправильного суждения, или по произволу судьбы, она незаметно и тихо приобщает душу к

добродетели, ибо приятное и предоставленное для свободного выбора легче в нее внедряется и ею усваивается. Думая об этом, я всегда считал достойным удивления и прославления в качестве общественных благодетелей тех, кто трудится в этой области. Мне казалось, что я не должен приниматься за этот труд, а вначале думалось, что я не должен и пытаться браться за это. С детства я больше всего увлекался героическим ритмом и весьма упивался сладостью поэтических тонкостей. Мною написаны в гекзаметрах маленькие стихотворения, которые называются «Дафниака», украшенные эротическими мифами и наполненные разными волшебными сказками. Далее мне казалось достойным хвалы и не лишенным прелести собрать новые и свежие эпиграммы, еще не обнародованные и разбросанные. Я собрал их, насколько это возможно, в одно целое и списал по одной, приведя их в систему. Тогда мною были написаны многие другие произведения не ради пользы, а ради удовольствия. Ведь поэзия действительно является делом священным и божественным. В ней, сказал бы мудрый сын Аристона^[2], души проникаются энтузиазмом и порождают поистине прекрасное, действительно наполненное музами и проникнутое страстью. Я и решил заниматься этим и никогда не думал добровольно оставить эти юношеские приятные занятия и следовать известному дельфийскому предписанию «познать самого себя». Но в мое время повсеместно и неожиданно вспыхнули великие войны, совершились переселения многих варварских народов, [наблюдались] неожиданные исходы тайных и невероятных событий, беспорядочные капризы судьбы, гибель народов, порабощение городов, переселение жителей, и как будто весь род человеческий пришел в движение. Когда происходили такие события, я начал бояться, позволительно ли обойти молчанием и остановить без описания такие великие, достойные удивления и могущие принести пользу события. Поэтому показалось мне не бесполезным попытаться описать их каким-нибудь образом, чтобы не вся моя жизнь прошла в занятиях баснями и бесполезными забавами, но принесла кое-что и необходимо нужное. Многие из моих близких людей советами и понуждением возбудили и укрепили мое усердие в этом, и среди них молодой Евтихиан. Первым в этом увещании был он, человек, занимающий первое место среди императорских секретарей^[3], безупречный и благоразумный и в других отношениях, сам отличного образования и представляющий лучшее украшение рода Флоридов. Этот муж очень заботился о моих делах, о моей славе и моих выгодах. Не переставая меня побуждать к этому и внушать добрые надежды, он утверждал, что это дело нельзя считать слишком трудным и невыполнимым, что не следует бояться неиспробованного на опыте так, как незнакомый с морем боится мореплавания. Более того, он утверждал, что история немногим отличается от поэзии. Они родственны и близки и отличаются друг от друга, можно сказать, только ритмом. Он требовал с бодрым духом идти на это, как бы переселяясь из дома в дом, и со всем жаром приниматься за дело. Повторяя это, он легко склонил и убедил меня, уже самого пожелавшего стать историком. Так пришел я к этому. Пусть мне удастся сделать что-нибудь достойное моего желания и как можно ближе подойти к величию описываемых деяний.

Прежде всего нужно показать, кто я и откуда, как это обычно для историков. Итак, мое имя – Агафий, отечество – Мирина, отец – Мемноний, занятие – римские законы и судебные споры. Мириной же называю не фракийский городок или какой другой в Европе и Ливии, но в древности основанный эолийцами в Азии, расположенный у устья реки Пифика, вытекающей из Лидийской страны и впадающей в самое отдаленное русло Элайдского залива.^[4] Пусть мне будет дано, когда это будет возможно, полностью отблагодарить его за воспитание и описать точнейшим образом все славные деяния моей родины. Теперь же пусть он благосклонно и благожелательно примет мои чувства. Мне нужно обратиться к величайшим государственным деяниям. Я буду писать историю не так, как это делается теперь другими (ибо есть теперь и другие, пришедшие к этому же занятию). У них меньше всего заботы об истине и о том, чтобы описывать события, как они происходили в действительности. Наоборот, они так ясно изобличаются в снискании милостей у многих сильных и лести, что им не верят, даже когда они говорят правду. Опытные в этих делах авторы говорят, что подобает одной похвалой возвеличивать, насколько возможно, блага, которыми кто-либо одарен. История же, хотя и не отказывается полностью от похвалы тех, кто совершил что-нибудь прекрасное, но, думаю, желает иметь не только эту цель и намерение. Какую бы похвалу или позор ни вызывали события, все же не подобает насилловать историю и прикрашивать случившееся. Они обещают писать историю, и обещание это выставляется в заголовке. На деле же они изобличаются в извращении названия. Еще живущих, если это императоры или другие именитые люди, не только восхваляют за совершенное – в этом мало погрешают, – но для всех делают очевидным, что они и заботятся только о том, чтобы хвалить и восхищаться сверх необходимого. Умерших же, каковы бы они ни были, или называют наихудшими и грабителями общественного достояния, или – что, во всяком случае, менее странно – так их презирают, что не достаивают никакого внимания. Итак, они считают, что

позаботились наилучшим образом о настоящих делах, всегда прислуживая сильным и заботясь о своих выгодах, не уяснив, что даже тем, которых они осыпают похвалами, это не очень нравится, так как те понимают, что явная лесть не будет достаточной опорой их славы. Но пусть они пишут по своему нраву и обычаю, а мне предначертано следовать истине, насколько ее можно постигнуть. Я буду касаться все го, что у римлян и большинства варваров совершилось в это время, и говорить не только о тех, кто еще, может быть живет, но еще больше о тех, которые уже умерли, и ничего не опущу из того, что достойно упоминания. Поэтому возьмусь за написание истории с того времени, с какого Юстин Младший получил императорскую власть по смерти Юстиниана. Но я коснусь и более раннего времени, и что никем другим не было сделано, то я сделаю.

Большинство событий в царствовании юстиниана, детальнейшим образом описанных Прокопием Кесарийским, должно быть обойдено мною, так как о них рассказано достаточно полно. Он начал свою историю со смерти Аркадия, рассказал, как опекуном сыну его Феодосию был назначен Исдигерд, и о том, что произошло с Варараном и Перозом, каким образом избранный царем Кавад был лишен царства и затем снова возвратил его, каким образом Амида была взята им при Анастасии, императоре римлян, и какие усилия снова в этом деле предпринял Юстин Старший. Затем описаны персидские войны, происходившие против Кавада и Хосрова в Сирии, Армении и в пределах лазов при императоре Юстиниане. Все это узнаешь наилучшим образом из рассказов Прокопия: рассказ о вандальском Гелимере и городе Карфагене и всей стране афров, оторванной некогда отпадением Бонифация и Гензериха и спустя долгое время подчиненной Юстиниану и снова ставшей частью Римской державы. За этим идет истребление вандалов и то, что мавританские племена совершили и претерпели в Африке, сталкиваясь с римлянами, и как Стотца и Гонтарис, будучи римлянами, превратились в тиранов, стали виновниками величайших бедствий и возмущений в Африке, и бедствия прекратились только тогда, когда оба эти мужа были умерщвлены. Но и это почти все найдешь в истории Прокопия: каким образом внутренний мятеж в Византии был поднят против императора и, приняв размеры величайшего бедствия, поразил общество; набеги гуннов, которые в это время вторглись и причинили Римской империи величайшие бедствия, опустошив Иллирик, Фессалию и большую часть Европы и даже часть Азии, когда они перешли Геллеспонт; как самым плачевным образом были опустошены Хосровом Сурон, город, в Сирии, Веррия и Антиохия у реки Оронта, равным образом, как происходила осада Эдессы. Можно в ней найти также описание столкновения эфиопов и амиритов, узнать, какие причины вражды были между этими народами. Много также он [Прокопий] писал о жесточайшей чуме, каково было ее начало и как она внедрилась о человеческий род, и что необычайное произошло в это время. Затем можно прочесть, что было совершено войском лазов у крепости Петры против Хориана и Мермероя и персидских войск. Когда же [Прокопий] перешел [к описанию событий] на западе, то поведал, каким образом умер Теодорих, король Готский, а Амалазунта, его дочь, была убита Теодатом. Исследовал [он] все причины, почему разгорелась готская война; далее, как Витигес, ставший после Теодата во главе готского племени, был взят в плен полководцем Велизарием после множества сражений; наконец, каким образом Сицилия, Рим и Италия по изгнании варваров снова были украшены отечественными законами и обычаями. Здесь можно узнать, как евнух Нарзес, назначенный императором верховным главнокомандующим, был послан в Италию и провел наилучшим образом славные войны против Тотилы; как после него Тейя, сын Фредигерна, получив власть над готами, немного спустя и сам был уничтожен. Все это произошло до двадцать шестого года правления Юстиниана. И Прокопий на этом, как я полагаю положил конец своей истории. Я же, как и предполагал вначале, приступаю к делу, описывая ближайшие за тем события.

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Тейя, вождь готов после Тотилы, собрав войско и возобновив всеми силами войну против Нарзеса и римлян, был совершенно разгромлен и погиб, сражаясь в бою. Уцелевшие готы, так как римляне их преследовали безостановочно, гонимые ими наступлением и окруженные в безводном месте, заключили мирный договор с Нарзесом, по которому они оставались беспрепятственно жить на своих землях и подчинялись в дальнейшем императору римлян как подданные. После этого всем казалось, что все войны кончились в Италии. На деле же это оказалось прелюдией к другим войнам. Полагаю, – никогда наш век не будет свободен от них и они навсегда останутся в полной силе, пока остается той же человеческая природа, так как с самого начала они, так сказать, присущи жизни, и поэтому вся поэзия, вся история наполнена войнами и сражениями, и не найдешь в них ничего другого, так подробно описанного. Причиной войн, полагаю, не являются, как говорят многие, движения звезд или

судьба и противный разуму рок. Если бы предначертанное судьбой торжествовало во всем, то была бы отнята у людей свободная воля и право выбора, и мы считали бы напрасными и бесполезными всякое наставление, искусства и обучение: оказались бы беспомощными и бесплодными надежды людей, живущих наилучшим образом. И божество, как думаю, нельзя полагать причиной убийств и сражений. Я и сам бы не сказал и не поверил бы никому, утверждающему, что высшее благо, изгоняющее всякое зло, радуется сражениям и войнам. Души людей добровольно впадают в корыстолюбие и несправедливость и наполняют все войнами и смятением, и отсюда происходят многие бедствия и гибель народов и порождаются бесчисленные другие несчастья. Так и теперь: готы, заключив мир, разделились, и одни из них жившие раньше южнее реки Пада,^[5] отправились в Тусцию и Лигурию и куда кто захотел; другие же, переправившись по ту сторону, расселились, как и раньше, около Венеции и тамошних укреплений и городов. Когда они оказались в таком положении, надлежало им подтвердить договор делами, находясь в безопасности, освободиться от непрерывных угроз и хотя бы немного передохнуть от бедствий. Но они, переждав очень короткое время, снова захотели перемен и начали сеять семена новой войны. Считая себя не в силах теперь же вступить в войну с римлянами, они немедленно обращаются к франкам, полагая, что их дела улучшатся и они получают величайшую выгоду, если, заключив союз с соседями и родственниками, поскорее возобновят войну.

2. Племя франков является ближайшим соседом Италии. Несомненно, что они принадлежат к так называемым истари германцам. Живут вокруг Рейна – реки и [на] прилегающей к нему территории, владеют и большей частью Галлии, которая раньше им не принадлежала, а занята позднее. Владеют они также городом Массалией, колонией ионийцев, так как ее некогда заселили фокееане, изгнанные из Азии мидянами в царствование Дария, сына Гистаспа. Теперь она [Массалия] из эллинской сделалась варварской и, отбросив отечественное устройство, пользуется законами своих господ, но и теперь ее положение немногим хуже прежнего. Ибо франки не номады, как многие из варваров, но в большинстве случаев пользуются римскими гражданскими порядками и теми же законами, равным образом одинаково мыслят о договорах, браке и божественной службе. Все они христиане и придерживаются вполне христианской веры. [Франки] имеют в городах и правителей, и священников. Праздники совершают так же, как и мы, и для варварского племени [они] представляются мне очень благопристойными и культурными, ничем от нас не отличаясь, кроме варварской одежды и особенностей языка. Я поражаюсь другим свойственным им добрым качествам, в особенности справедливому отношению друг к другу и согласию. Много раз и раньше и в мое время власть у них делилась то между тремя правителями, то между большим числом, но никогда, как известно, они не начинали войны между собой и не оскверняли отечество кровью сограждан. Когда сталкиваются крупные равные или почти равные силы, тогда естественно возникают жестокие и высокомерные помыслы, соперничество, стремление к первенству и прочие бесчисленные страсти, рождающие смуты и волнения. Однако у них, если они и бывают разделены между многочисленными правителями, не случается ничего подобного. А если у властителей возникает какой-нибудь конфликт, все выстраиваются как для сражения, вооруженные, и затем собираются в одно место. Обе стороны, лишь увидят друг друга, тотчас прекращают вражду, приходят к соглашению и требуют от вождей разрешить спор, основываясь больше на праве, чем на силе. Если же те отказываются, требуют, чтобы они сами сражались и подвергались опасности. Ибо не пристойно и не со ответствует отечественным установлениям, чтобы ради част ной их вражды получало бы ущерб и потрясалось дело общественное. Тотчас же они [рядовые франки] выходят из военных рядов, складывают оружие, и восстанавливаются мир и дружба, безопасные посещения друг друга и сношения, и таким образом исчезают опасности. [Вот как] у них подданные склонны к справедливости и любят родину. Вожди же в нужных случаях благожелательны и доступны убеждениям. Поэтому и живут они, сохраняя прочное могущество, и пользуются теми же законами, ничего не теряя из своего и приобретая очень многое. Там, где внедрены справедливость и согласие, там государство счастливо и неуязвимо для врагов.

3. Так франки, живя наилучшим образом, управляют собой и повелевают соседями, причем дети наследуют власть отцов. В то время, когда готы послали к ним послов, у них было три правителя. Не будет бесполезным, мне кажется, начать немного раньше, рассказав весьма кратко о роде правителей и событиях, происходивших раньше. Закончу же теми, которые повелевали в то время. Были братья Хильдиберт, Хлотар, Теодорих и Хлодомер. По смерти отца Хлодоэя они разделили царство на четыре части, равным образом города и народы, так я думаю, чтобы каждый из них получил одинаковую часть.^[6] Немного спустя Хлодомер повел войско против бургундов (это готское племя, живущее своими трудами и отличное в военном деле) и погиб в сражении, пораженный копьем в грудь. Когда он лежал на земле, бургунды, увидев его длинные развевающиеся волосы,

простирающиеся до спины, тотчас поняли, что они убили неприятельского правителя.^[7] Ибо запрещено правителям франков когда-либо стричься, и они остаются с детства нестриженными как можно видеть, волосы их сзади красиво падают на плечи, и спереди посредине разделены пробором, а не так, как у турок и аваров, – не причесаны, запущены или некрасиво заплетены. Они [правители франков], наоборот, моют их разными снадобьями и за ними очень ухаживают. Это считается как бы некоторым знаком и величайшей прерогативой чести королевского рода. Подданные же стригутся в кружок, и иметь им длинные волосы отнюдь не разрешается. Итак, бургунды, отрезав голову Хлодомера, когда показали ее войскам, бывшим с ним, тотчас внушили им великое смятение и отчаяние, и дух тех упал от боязни так, что они отказались от продолжения в дальнейшем войны. Война была прекращена, и победители по своему усмотрению, как им показалось лучше, установили условия мира. Уцелевшие же из франкского ополчения с радостью возвратились домой. Когда Хлодомер таким образом погиб, тотчас его братья (он не имел детей) разделили между собой его удел. Немного спустя Теодорих скончался после болезни, оставив Теодиберту, сыну, кроме разных других благ, и достоинство власти.^[8]

4. Теодиберт, получив отцовское наследство, подчинил алеманнов и другие соседние народы. Был он чрезвычайно отважен, беспокоен и чрезмерно любил опасности. Итак, когда у римлян началась война с Тотилой, вождем готов, Теодиберт принял решение и с величайшей тщательностью готовился, собрав храбрейшие и сильнейшие войска, проникнуть в страну Фракии и, опустошив ее всю, перенести войну к самой столице Византии, в то время как Нарзес и войско будут заняты боевыми операциями в Италии. Свое желание он осуществлял так деятельно, а приготовления так основательно, что посылал послов к гепидам, лангобардам и другим соседним народам, чтобы и они приняли участие в войне. Он считал нетерпимым, что император Юстиниан в императорских эдиктах называется франкским и алеманнским, гепидским и лангобардским и другими подобными наименованиями, как будто он поработил все эти народы. Поэтому и сам тяжело переносил эту обиду и других возбуждая к негодованию, как оскорбленных. Я же так полагаю, что если бы он предпринял эту экспедицию, его дерзость не принесла бы ему ничего хорошего, но если бы он пришел во Фракию или Иллирик, он наткнулся бы на римские полки и погиб бы бесславно. Но уже то, что он задумал такой план, горячо желал его осуществить и все свое достояние затратил на это, лучше всего характеризует, как он был жесток и заносчив и как безумие и безрассудство принимал за храбрость. Если бы смерть не предупредила начинания, он, несомненно, начал бы поход. Но когда он однажды отправился на охоту, огромный бык с великолепными рогами, не похожий на какого-нибудь укрощенного или рабочего быка, но лесной и горный, уничтожающий рогами все противостоящее, бросился на него. Я полагаю, эту породу называют бубалами.^[9] Их во множестве порождает эта страна. Ибо в ней густые леса, страшные горы и весьма холодный климат. Всем этим привыкло услаждаться животное. Теодиберт, завидев этого быка, выскочившего из какого-то ущелья и бросившегося на него, остановился, искусно соскочил с лошади, чтобы встретить копьём. Тот же, оказавшись вблизи, наскочил со всего размаха на дерево средней величины, ударил его лбом и сломанное дерево рухнуло на обоих. Случайно самая большая из ветвей так сильно ударила Теодиберта по голове, что, получив тяжелую и смертельную рану, он тотчас упал на землю и, с трудом унесенный своими домой, умер в тот же день.^[10] Теодибальд, его сын, наследовал его власть. Хотя он был еще совершенно юн и находился под попечением и присмотром своего учителя, однако отечественный закон призвал его на царство.

5. Итак, в то время, когда Тейя умер и готы нуждались в посторонней помощи, королями франков были этот юноша Теодибальд, Хильдигерт и Хлотар – [двоюродные дяди] мальчика, – по определению римских законов. Но к ним, как живущим очень далеко, готы не сочли нужным ходить, а к Теодибальду они открыто отправили посольство – не весь народ, но одни те, кто жил севернее Пада. Остальные, конечно, тоже приветствовали бы всякое изменение существующего положения, но в то время были подавлены, сомневаясь в будущем, опасаясь изменчивости судьбы и с взволнованными, колеблющимися мыслями следили за событиями, намереваясь идти за сильнейшими. Послы же первых, прибыв на место и став пред лицом правителя и всех, имеющих власть, просили не презирать их, притесняемых римлянами, но предпринять в союзе с ними войну и оказать поддержку соседнему и дружественному народу, который в противном случае стоит перед угрозой окончательной гибели. Указали далее, что и для них величайшая выгода не позволять римлянам слишком усилиться; наоборот, они должны помешать всячески их усилению. «Ибо если те уничтожат весь народ готский, то тотчас же, – говорили ораторы, – поведут войска на вас и возобновят старые войны. У них не будет недостатка в законных поводах для прикрытия своей жадности. Они будут доказывать, что справедливо напали на вас, перечисляя разных Мариев, Камиллов и большинство императоров,

которые некогда вели войны против древних германцев и заняли все по ту сторону Рейна. Поэтому будут прикидываться не насильниками, а ведущими справедливую войну, не ищущими чужого, но возвращающими владения своих предков. Такое именно преступление они приписали нам [готам], а именно, что так как наш Теодорих, некогда правитель и вождь колонии, несправедливо овладел Италией, то они лишили нас нашей собственности, перебили большую часть народа, а женщин и детей, наиболее видных наших людей бесчеловечно поработили, хотя Теодорих овладел Италией, не захватив ее силой, а с согласия правившего у них раньше императора Зинона, не отняв ее у римлян (ибо они уже были лишены ее), а уничтожив Одоакра – чужеземца, тирана – и овладев его достоянием по праву войны. Но после того как у них появилась большая возможность действовать насильственно, они ничего не делали по праву, но, разгневавшись раньше на Теодата из-за Амалазунты и использовав его как причину и предлог к войне затем до настоящего дня не перестают насильственно грабить все – эти мудрые и богобоязненные люди, которые хвалятся, что они одни справедливо могут управлять государством. Пусть не застигнет вас позднее раскаяние за беспечность, когда вы будете поражены подобным же злом. Необходимо предупредить врагов; не нужно пренебрегать настоящей благоприятной возможностью, а следует послать против них боеспособное войско и поставить во главе его полководца, опытного в военном деле, который, закончив наилучшим образом войну против римлян, изгонит их как можно скорее и возвратит нам наши земли. Совершив это, вы окажете величайшее благодеяние готскому народу, выступая как спасители и освободители от зол, и одновременно обезопасите себя, поскольку со стороны соседей вам не будет угрожать ничего враждебного. К этому у вас прибавятся и огромные богатства, не только захваченные у римлян, но и мы сами доставим вам свои».

6. Когда послы это сказали, Теодибальд – юноша трусливый и невоинственный, к тому же совершенно больной вследствие разных телесных недугов – был совершенно не на стороне послов и полагал, что не следует ради чужих несчастий обременять самих себя. Левтарис же и Бутилин, хотя это совершенно не отвечало желаниям их короля, вступили в военный союз с ними.^[11] Эти мужи были родными братьями, из племени алеманнов, но достигли величайшего могущества у франков, так что они предводительствовали этим народом, причем полномочия были предоставлены им раньше Теодибертом. Алеманны, если верить Азинию Квадрату,^[12] мужу италийскому, который описал германские дела самым тщательным образом, представляют смешанный род людей, и это показывает само их название. Теодорих, овладев всей Италией, первый сделал их данниками и подчинил все племя. Когда же он умер и величайшая война вспыхнула между Юстинианом, самодержцем римлян, и готами, готы, лстя франкам, снискали их дружбу и благосклонность всевозможными способами, вследствие чего лишились многих территорий и среди них оставили территорию алеманнского племени. Они полагали, что нужно отовсюду стягивать свои силы и освобождать подданных, которые казались излишними и не доставляли больших выгод, так как им предстояла борьба уже не за власть и славу, но за самую Италию, и они подвергались крайней опасности. Поскольку они представляли и предвидели мысленно будущую опасность, то и свои планы приспособляли к необходимости. Тот же Теодиберт подчинил своей власти освобожденное от них племя алеманнов. По смерти его, как выше сказано, они перешли к его сыну Теодибальду с прочими подданными.

7. У них [алеманнов] есть некоторые отечественные установления; в управлении же общественными делами они следуют франкским законам и только в том, что касается божества, различаются верою, ибо почитают некоторые деревья и реки, холмы, ущелья и им, как бы совершая благочестивое, приносят в жертву лошадей, быков и множество других животных, отсекая им головы. Но связь с франками, оказывая на них благотворное влияние, улучшает их в этом отношении и это уже отразилось на наиболее разумных, и в короткое время, я надеюсь, скажется и на всех. Безрассудство и безумие подобных верований, я полагаю, сознается даже теми, кто их придерживается, если только они не совершенно глупы, и легко может быть устранено. Уклоняющиеся от истины заслуживают скорее сострадания, чем гнева. Не добровольно они ошибаются и падают, но стремясь к добру, а затем, введенные в заблуждение какой-нибудь идеей, упорно держатся усвоенных взглядов, какого бы рода они ни были. Не знаю, можно ли словами прекратить безумие и жестокость жертвоприношений, совершаемых в священных рощах, как это делается у варваров или в честь тех богов, каких хочет иметь обрядность эллинов. Я же думаю, нет никакой радости в жертвенниках, обгаряемых кровью, и в зверском умерщвлении животных. Если же кто привык к этому, того нельзя называть добрым или кротким, а скорее следует признать диким и безумным, вроде Ужаса, которого понапрасну прославляют поэты, и Атэ, и Эриды, которую сами они признают страшной.^[13] Прибавь к этому, если желаешь, и так называемого Аримана у персов и из земных привидений все самое кровожадное и вредоносное. Это [отклонение] кому-нибудь может

показаться совершенно не соответствующим моему плану, излишним и чуждым моей теме. Мне же весьма желательно предавать гласности все мною узнанное и полезные деяния восхвалять, а бесполезные порицать, так как если исторические труды не будут включать этого, чтобы оказать больше пользы человеческой жизни, но будут состоять из простого неосмысленного пересказа событий, то они будут немногим лучше тех басен, которые рассказываются в гинекеях во время прядения шерсти. Итак, пусть думает об этом каждый, как ему будет угодно. Мне же нужно идти по тому пути, по которому пошло мое повествование. Когда Левтарис и Бутилин начали собирать войско против римлян, они оба, не довольствуясь настоящим, были преисполнены надеждами на будущее. Они полагали, что Нарзес не выдержит даже первого их натиска, что вся Италия вместе с Сицилией станет их достоянием. Говорили, что они удивляются готам, как они могли испугаться этого человека, прислужника женских покоев, ведущего изнеженный образ жизни, лишенного всякого признака мужественности. Опьяненные такими мыслями, горделиво подготавливая поход, они собрали из алеманнов и франков большое войско в 75 тысяч храбрых мужей, чтобы немедленно вторгнуться в Италию.

8. Военачальник римлян Нарзес, хотя еще не знал точно этого, но, отличаясь величайшим благоразумием, желая всегда предупреждать планы врагов, тотчас же решил употребить все силы для подчинения тех городов Тусции, которые еще были во власти готов. Ибо этот муж, не кичась свыше меры победой, не превозносился гордыней и не предавался после трудов покою и удовольствиям, как это случается с другими, но тотчас, собрав войско, со всей быстротой поспешил к Кумам.^[14] Этот чрезвычайно укрепленный италийский город, который с трудом мог бы быть взятым неприятелем, расположен на крутом и трудно доступном холме и представляет как бы сторожевую башню Тирренского моря.^[15] На берегу моря стоит большая скала, о подножие которой разбиваются морские волны, а вершину опоясывают стены, сильнейшим образом укрепленные башнями и брустверами. У Тотилы и Тейи, прежних королей готов, наиболее ценное и важное имущество сохранялось в этой крепости, как сильнейшей. Как только Нарзес явился туда, он всеми силами стремился поскорее овладеть и городом и ценностями, чтобы готы не имели больше опорного стратегического пункта и чтобы, овладев этим городом, добиться полной и окончательной победы. Алигерн же, младший брат предводителя готов, Тейи, находился внутри города и, собрав вокруг себя войско, какое только мог, не желал никакого мира, хотя уже достоверно знал и то, что Тейя убит в сражении, и то, что сила готов подорвана и уничтожена. Все же он отнюдь не падал духом и не страшился ударов враждебной судьбы. Положение местности и изобилие продовольствия делало его дерзким и гордым, способным защищаться, если на него кто-нибудь нападет.

9. Нарзес, быстро воодушевив своих, повел войско к городу. Оно с великим трудом поднялось на возвышенное место и, приблизившись к стенам, тотчас начало метать дротики на [людей], стоящих на укреплениях. Луки звучали от непрерывного метания стрел, в воздухе неслись пращи, осадные орудия были приведены в действие. Окружавшие же Алигерна, собравшись между башнями стены, не менее деятельно сражались, отстреливаясь дротиками и стрелами, бросая руками огромные камни и бревна... и все, что было под руками; пользовались также орудиями и оборонительными средствами, и ничего не было упущено [для защиты]. Стрелы Алигерна в особенности обращали на себя внимание римлян. Они неслись с огромным свистом и быстротой и, если попадали в камень или другой твердый и крепкий предмет, разрушали его целиком силой полета. Так, Алигерн, увидев известного Палладия – он был на хорошем счету у Нарзеса как командир римского войска и почитался одним из лучших таксиархов^[16], – закованного в железо и потому приблизившегося к стене с большой уверенностью, пустил в него стрелу с высоты и тотчас пронзил насквозь этого человека через щит и панцирь. Так он превосходил силой многих и настолько сильна для стрельбы из лука была его рука. В течение многих дней сряду происходила подобная перестрелка и ни у одной из сторон не сбывались ожидания. Римлянам казалось позорным отступать прежде, чем крепость не будет взята, но было ясно, что готы осадой не будут вынуждены к сдаче.

10. Стратиг^[17] Нарзес чрезвычайно болезненно переживал это и беспокоился, что римляне тратят столько времени у незначительной крепости. Когда Нарзес все обдумал и взвесил, он, наконец, решил попытаться взять укрепление следующим образом. На восточном склоне скалы находилась одна пещера, со всех сторон закрытая и весьма обширная внутри, имеющая естественный вход – широкую и глубокую, как пропасть, впадину. В ней, говорят, некогда обитала италийская сивилла, вдохновляемая Фебом, предсказывавшая вопрошающим будущее. Говорят, что, когда Эней, сын Анхиза, пришел к ней, сивилла ему рассказала все, что потом совершилось. Над этой пещерой стояла и нависала часть стены. Когда это заметил Нарзес, то решил использовать это обстоятельство и тотчас, введя внутрь пещеры как можно больше людей, принесших с собою орудия, приспособленные

для тесания камней и подкапывания стен, постепенно высек и вырубил свод пещеры, на котором держалась стена. Он настолько высек свод и очистил основание постройки, что обнажился даже нижний слой фундамента. Под него были подставлены рядами прямые бревна, которые выдерживали всю тяжесть стены, чтобы постройка не начала рушиться и постепенно рассыпаться, и готы не догадались, что замышляется. Ибо в таком случае, собравшись здесь своевременно и исправив повреждения, они затем охраняли бы это место заботливейшим образом. Итак, чтобы не стало известно им это предприятие и чтобы не был услышан шум вырубаемой скалы, римское войско с величайшей силой произвело нападение на верхнюю стену с громкими криками и стука оружием. Поднялся великий шум, больший, чем нужно, и велась яростная атака. Когда же стена на всю длину пещеры была подрыта, нависала сверху и поддерживалась густо уставленными бревнами, тогда кучи сухих листьев и всякий другой легко возгорающийся сухой материал, какой был под руками, подожгли, и все вышли из пещеры. Немного спустя от выжженного пламени эти устои воспламенились, обуглились и не выдержали тяжести. Та часть стены, которая на них держалась, внезапно оторвавшись, обрушилась. Башни, на ней стоявшие, и брустверы внезапно оторвались от других и обрушились в пропасть. Самые ворота, расположенные в этой части стен, были заперты весьма прочно в виду наличия неприятелей, и ключи хранились у сторожей. Эти ворота, вырванные со своими засовами и крюками, обрушились на морской берег и морские скалы. Одновременно было унесено все, что к ним примыкало: столбы, карнизы, верхние перекладки, дверные петли, прилаженные к воротам. Когда это совершилось, проникнуть в город римлянам казалось легко, и они презирали уже неприятеля. Однако надежда оказалась ошибочной. Разные расщелины и обрывы, совершенно крутые и недоступные как на самом холме, так и на внутреннем обводе, простирающемся на большое расстояние, не меньше, чем раньше, затрудняли доступ в город. Нарзес дважды всеми силами делал приступ к городу, намереваясь захватить его сразу. Но так как готы сосредоточились здесь и отчаянно защищались, он был отражен и ничего не мог больше сделать.

11. Так как Нарзесу не удалось взять город ни осадой, ни силой, то он решил не задерживать все войско на этой трудной осаде, но двинуться немедленно к Флоренции, Центумцеллам и другим городам Тосканы и, упорядочив все здесь, предупредить прибытие врагов. Ему уже было сообщено, что Левтарис и Бутилин вместе с войском франков и алеманнов появились южнее Пада. По этой причине он с максимальной быстротой направил туда большую часть войска. А так как Филимут, вождь следовавших за ним герулов, умер от болезни несколькими днями раньше и было принято, чтобы они подчинялись собственному вождю из этого же племени, то он немедленно поставил во главе их Фулкариса – их соплеменника, племянника Планитея, и приказал ему вместе с Иоанном, сыном Виталиана, Валерианом, Артабаном и другими стратигами и таксиархами, с большой и сильнейшей частью войска, обойдя Альпы, которые поднимаются между провинциями Тосканой и Эмилией, дойти до реки Пана, там расположиться лагерем и, заняв укрепленные места, отражать набеги врагов. И если он может их окончательно прогнать, то будет иметь за это благодарность судьбы, если не в состоянии будет этого сделать вследствие превосходства численности [врагов], то замедлит их движение и не допустит, чтобы они смело и неустрашимо продвигались вперед, а наоборот, причинив им наибольший страх, задержит их как можно дольше, пока сам в походе не устроит все, что нужно, по своему плану.^[18] Они отправились с этими приказаниями. В Кумах же он оставил значительное войско, чтобы, заняв все местности вокруг, добить врага, запертого в городе непрерывной осадой. Оно окружило крепость валом и контролировало все выходы, чтобы захватить фуражиров. Полагали, что у противника, осажденного уже в течение года, все средства продовольствия израсходованы. Нарзес же, подойдя к городам [Тосканы], большую часть их без труда подчинил своей власти. Флорентийцы, выйдя навстречу, заручившись клятвой, что они не потерпят ничего худого, добровольно сдали себя и все свое. То же сделали Центумцеллы^[19], так же поступили жители Волатерры^[20], Луны^[21] и пизанцы. Так ему все счастливо удавалось и на пути он все себе подчинял.

12. Только жители Лукки медлили и не сдавались, днем раньше они заключили договор с Нарзесом, выдав заложников и обязавшись клятвой, что если пройдет 30 дней и не подоспеет помощь, способная не только для сражения с башен и стен, но и для полевого сражения, то тотчас сдадут город. Они надеялись, что франки скоро придут на помощь. Уверенные в этом, они заключили договор с Нарзесом. Впрочем, когда установленное время уже прошло и никакие вспомогательные войска не появились, они и тогда не признали нужным выполнить договор. Обманутый Нарзес, естественно, был разгневан и готовился к осаде города. Некоторые из его окружения полагали, что нужно умертвить заложников, чтобы горожане, охваченные скорбью, понесли наказание за свое вероломство. Но Нарзес все делал благоразумно и не позволил себе поддаться гневу настолько, чтобы

жестоко умертвить за преступления других тех, кто сам не совершил никакого преступления. Он придумал следующее: вывел их на середину одного за другим со связанными за спиной руками, с опущенными вниз головами. В таком жалком состоянии он показал их горожанам, угрожая немедленно убить, если условия договора не будут выполнены. У заложников же сзади от шеи и вдоль спины были привешены короткие доски, покрытые кожей, – чтобы враги не наметили этого издали. Когда жители Лукки не подчинились и теперь, он приказал немедленно обезглавить всех по порядку. Оруженосцы, выхватив мечи, поражали с величайшей силой, как бы желая отрубить головы. Удар, однако, падал на дерево и оставлял их невредимыми. Но они, как им было приказано, стремглав падали на землю, бились по ней к конвульсиям и притворялись умирающими. Когда это увидели горожане и за дальностью расстояния не могли разобрать истины, а видели только представление, тотчас же подняли громкий плач и совершившееся приняли как несчастье. Эти заложники ведь были не простыми и неизвестными, но благородными и знатными. Когда они увидели, что лишились таких людей, то подняли громкий плач, и долго и далеко были слышны частые стенания и жалобные голоса. А многие женщины, царапая себя ногтями и разрывая одежды, побежали на передовые укрепления. Это были или матери тех, которые считались убитыми, или дочери, или же как-либо с ними связанные. Все они яростно осыпали Нарзеса ругательствами, называя его бродягой и преступником, говоря, что он на деле показал себя насильником и кровожадным и что он лживо похваляется славой благочестия и богопочитания.

13. Когда они это кричали, Нарзес сказал: «Разве не вы были причиной их гибели? Жертвуй и продавая их, вы и сами о себе не позаботились разумно, дав клятву и затем позорно нарушив договор. Но однако и теперь, если вы желаете вернуться к благоразумию и подтвердить самим делом договор, то не получите никакого вреда. Ибо и заложники ваши оживут, и мы не причиним никакого ущерба вашему городу, а если откажетесь, то вам нужно будет оплакивать не только их, но и самих себя, и позаботиться, чтобы и вы сами не потерпели того же». Когда лукканцы услышали это, то решили, что он обманывает их и морочит воскрешением мертвых. И, конечно, слова его были обманом, но не в том, в чем они его подразумевали. Тем не менее немедленно снова обещали и клялись, что они сдадутся и предадут свой город на волю Нарзеса, если увидят заложников живыми. Так как им казалось невероятным воскресение мертвых, то они считали, что этим наилучшим образом снимут с себя обвинение в преступлении и сделают свое дело правым. Тогда Нарзес немедленно приказал тем встать и выставил для обозрения горожанам здоровых и невредимых. Они, увидев их, естественно были поражены неожиданностью зрелища, но даже и теперь не все считали нужным выполнить договор. Немало было и отказывающихся. Ибо после того, как увидели своих уцелевшими и здоровыми, то от скорби и горя, как свойственно толпе, быстро перешли к бодрой надежде, вернулись к прежнему и победило вероломство. Когда они охвачены были этим безумством, стратиг Нарзес, отличаясь большим благоразумием, тотчас отпустил заложников и отослал их к своим, не получив никакого выкупа и не истребовав никаких обязательств с города. Когда лукканцы удивлялись и недоумевали, зачем он это сделал, он сказал: «Не свойственно мне заниматься шутовством и обольщаться пустыми надеждами. Я уверен, что и без них, если вы немедленно не сдадитесь, сумею покарать вас этим». Говоря это, он показывал меч. Итак, отпущенные и возвращенные своим согражданам заложники, смешавшись с толпами людей, превозносили Нарзеса высшими похвалами и восхваляли гуманность, с которой были приняты. Везде они рассказывали, насколько он кроток и как величие свое умеряет справедливостью. Эти речи в короткий срок должны были сделать больше, чем оружие, заставить замолчать желающих продолжения вражды и весьма многих колеблющихся побудить предпочесть римлян [варварам].

14. Когда Нарзес еще был занят осадой, войска римлян, посланные в Эмилию, были расстроены одним событием и, естественно, впали в сильное малодушие. Когда они пришли туда, куда были посланы, вначале во всем действовали благоразумно и упорядоченно и если шли для разграбления какого-нибудь враждебного селения или местности, то выступали прекрасно организованным строем и не проникали в набегах дальше, чем следовало. Возвращались они не беспорядочно, а в порядке. Арьергард оставался на должном месте. Войско выстраивалось четырехугольником. Вся добыча ставилась в середину для наилучшей охраны. Так они вначале опустошали неприятельскую местность. Но затем все стало наоборот и пошло к худшему. Фулкарис, вождь герулов, был, конечно, храбр и не привык бояться врагов, но вместе с тем дерзок и беспорядочен и совершенно не усвоил должным образом своих обязанностей. Он считал, что обязанность стратига и вождя не устраивать боевой порядок и руководить им, а самому в сражении отличиться, опережать других, с жаром нападать на врага и сражаться с врагом в рукопашную. Это он считал для себя похвалой и этим гордился. А затем, впадая в большее безрассудство, совершил набег на город Парму (ибо Парма была уже занята неприятелем). Ему следовало сначала выслать разведчиков, чтобы они заботливо

разузнали замыслы врагов, а затем после разведки в порядке вести войско. Он же быстро двигался, полагаясь только на скорость и безрассудный натиск, ведя в беспорядке войско герулов и римские полки, какие следовали за ним, не подозревая никакой беды. Когда об этом узнал Бутилин, вождь франков, он спрятал отряд наиболее сильных и храбрых воинов в амфитеатре, построенном недалеко от города (он был предназначен для тех, кто в присутствии народа сражался со зверями) и, искусно приготовив сильнейшую засаду, наблюдал и выжидал благоприятный случай. Когда Фулкарис и герулы уже проникли в место расположения врагов, тогда по данному сигналу франки вырвались и яростно набросились на идущих беспорядочно и беззаботно и всех встречных, подавленных внезапностью и неожиданностью, почти что окруженных, без разбора избивали мечами. Большинство, с трудом уяснив, в какую беду попало, искало недостойного и позорного спасения. Показав спины врагам, они бежали стремглав, забыв о всякой доблести и постоянной привычке к опасностям.

15. Когда войско разбежалось, Фулкарис, вождь герулов, оставшись один со своими оруженосцами, отнюдь не считал для себя возможным бежать, подобно другим, полагая, что поступит лучше, предпочтя славную смерть бесчестной жизни. Поэтому он утвердился как можно безопаснее у одной гробницы, прикрывающей его сзади, убил многих из врагов, то стремительно на них нападая, то понемногу отступая назад лицом к врагам. Ему еще и теперь представлялась весьма легкая возможность бежать и его слуги советовали так сделать. «Но как я перенесу речи Нарзеса и его упреки в безрассудстве?», – отвечал он, боясь таким образом, как кажется, порицания больше, чем вражеского меча. Он остался на месте и не переставал сражаться, пока, окруженный множеством врагов и раненый многими дротиками в грудь, наконец, пал, уже борясь со смертью, рухнув на щит, пораженный топором в голову. Около него все остальные, оставшиеся с ним или добровольно, или вынужденные неприятелем, были перебиты поголовно. Итак, Фулкарис, избранный вождем герулов, недолго обладал этим званием, но, на короткое время воспользовавшись счастьем, как мимолетной радостью во сне, быстро закончил как свое командование, так и жизнь. Это поражение, нанесенное римлянам, придало франкам много бодрости и силы. Ибо готы, населяющие Эмилию и Лигурию и ближайшие места, раньше заключившие непрочный и неискренний мир и военный союз с римлянами, скорее уstraшенные, чем добровольно теперь немедленно перешли к варварам, будучи связаны с ними общностью нравов и быта. Войска же римлян, которыми, как мной уже было сказано, управляли Иоанн, сын Виталиана, и Артабан, и те, что спаслись бегством из герульского ополчения, тотчас отступили к городу Фавенции.^[22] Стратиги полагали, что у них уже нет возможности задерживаться у Пармы, куда собрались неприятельские ополчения, и что неожиданно осчастливленные, они еще не пользовались счастьем умеренно. Ибо города готов открывались для врага и, получая сильные гарнизоны, намеревались, как можно было предполагать, всеми силами напасть на них. Поэтому стратиги решили подойти как можно ближе к Равенне и там отбиваться от врагов, так как они считали себя уже неспособными сражаться с ними в открытом поле. Когда об этом был поставлен в известность Нарзес, он скорбел и тяжело переносил заносчивость варваров, и то, что Фулкарис так внезапно погиб, человек недюжинный и выдающийся, необычайно храбрый, прославленный многими победами, который никогда не был бы побежден врагами, если бы соединял благоразумие с храбростью. Поэтому он чрезвычайно скорбел и жаловался, но не падал духом и не страшился, как многие. Увидав свое войско подавленным неожиданным поражением, он решил выступить перед ними с ободрительной речью на общем собрании, чтобы призвать к мужеству и устранить страх.

16. Нарзес был чрезвычайно благоразумен и деятелен и удивительно легко приспособлялся к любой обстановке. Он не очень отличался образованием и не гордился красноречием, но славился прямоотой натуры и был в состоянии словом выражать свои мысли, и это – евнух, воспитанный в изнеженности в императорском дворце. Он был низкого роста, сухощав, но выработал такое мужество и ловкость в делах, которые кажутся невероятными. Отсюда ясно, что кому присущ свободный и благородный дух, тому ничто и ни в каком деле не может помешать достичь первенства и стать наилучшим. Поэтому Нарзес, выступив в середину войска, сказал следующее:

«У привыкших постоянно побеждать врагов и всегда добиваться успеха если случайно и на короткое время выпадает неудача, то тотчас отнимается радость и погасают надежды. Я же полагаю, что благоразумные люди в благоприятных обстоятельствах никак не должны превозноситься, и так как очень возможна всегда перемена обстоятельств, то и мы должны быть готовы ко всяким случайностям. Для тех, которые придерживаются такого образа действий, счастье является, конечно, приятным, но не очень огорчает их, если они и потерпят что-либо неожиданное. Я вижу, что вы, мужи, более огорчены, чем требует этого случай, и это происходит только по тому одному, что вы

сверх меры хвалились привычкой побеждать и думали, что вы никогда не можете потерпеть неудачу. А если, отбросив это, разберете случившееся само по себе, то оно покажется не таким ужасным и важным, как вы почему-то считаете. Если стратиг Фулкарис, к тому же варвар, безрассудно пренебрегая всяким порядком, бросился против такого множества врагов, то он и получил по справедливости соответствующее своему безрассудству. Но вам, о мужи, не подобает ни так падать духом в настоящем, ни откладывать ранее решенное. Стыдно, что остатки готов, когда почти весь народ уничтожен, приобретают себе союзников, создают нам большие трудности и еще не отчаялись в спасении, мы же только потому считаем себя побежденными, что не всегда побеждаем, теряем славу предшествующих деяний, отбрасываем усердие, хотя нам больше подобает радоваться случившемуся. Ибо этим устранена чрезмерная благосклонность судьбы, и мы избегаем чрезмерной зависти, которой подвержены, и поэтому нам подобает вступать в сражение с бодростью и уверенностью, что мы снова начнем побеждать. Ибо если враги кичатся и хвастаются численностью, то воинским благоустройством, если будем благоразумны, мы их далеко превосходим. Мы сражаемся против людей пришлых, естественно нуждающихся в самом необходимом, тогда как мы всем хорошо снабжаемся. Многие укрепления и города доставят нам безопасность, если понадобится. Они же этого лишены. Будет помогать нам и божество, так как мы справедливейшим образом защищаем свое; они же грабят чужое». Поэтому не иметь прочных и радостных надежд или бояться чего-либо противоречило бы рассудку. Этим же лукканцам мы не дадим никакой передышки в осаде, и каждый из вас с величайшей заботливостью и усердием должен приготовиться к ожесточенной битве».

17. Сказав это, Нарзес быстро ободрил войско и стал более упорно теснить лукканцев. Но он гневался на прочих стратигов за то, что они, оставив удобные для обороны места, собрались в Фавенции и совершенно нарушили его планы. Он ведь полагал, что войска, которыми он командовал, должны быть расположены около города Пармы для защиты в качестве стены и тем помешать неприятелям продвигаться дальше. Сам же он, устроив наилучшим образом все дела в Тоскане, затем присоединился бы к ним. Но так как они далеко отступили отсюда, получалось, что войско, бывшее с Нарзесом, первое подвергалось ударам врага. Считая это совершенно недопустимым, он немедленно послал к стратигам одного из близких к себе людей, которому было имя Стефан, отечество же Эпидамн, город Иллирика, чтобы он упрекнул их в трусости и объявил бы их предателями государства, если они не вернуться на прежние места. Стефан, взяв с собою двести храбрейших всадников, хорошо вооруженных, двинулся в путь быстрыми переходами, но совершал его с большими трудностями и бессонными ночами. Некоторая часть франков бродила по этой местности частью ради фуража, частью из-за добычи, похищаемой из деревень. Итак, в большинстве случаев римляне совершали путь ночью сомкнутым строем и по очереди сменяясь в арьергарде, чтобы их не застали неготовыми, если придется сражаться. Слышались вопли земледельцев, мычание угоняемых быков, треск при рубке леса. В их ушах еще непрерывно раздавались эти зловещие звуки, когда они с трудом, наконец, добрались до Фавенции и до войска. Представ перед стратигами, Стефан сказал: «Что за несчастье постигло вас, о мужи? Где же слава прежних деяний и гордость столькими победами? Каким же образом Нарзес мог и Лукку взять и подчинить все по ту сторону Альп, а вы не только как бы по договору дали проход врагам, но и предоставили им возможность идти, куда пожелают. Я ничего не скажу вам оскорбительного. Но всякий другой ваши поступки истолкует как трусость и пренебрежение общественным благом. Если вы не поспешите как можно скорее возвратиться в Парму, Нарзес не перестанет гнаться на вас в будущем, если с ним случится какое-нибудь несчастье. Остерегайтесь также, добрые люди, чтобы и император не прогневался на вас».

18. Услышав это, стратиги, зная, что он послан Нарзесом, не могли сказать, что он несправедливо их обвиняет, но представили разные извинения и причины, по которым, вынужденные необходимостью, они оставили свою стоянку, а именно, что на прилегающих к Парме местностях не могли добыть достаточно провианта воинам, и не было там Антиоха спаржа, который должен был об этом заботиться, и даже обычное жалованье им не выплатили. Поэтому Стефан, с величайшей быстротой прибыв в Равенну, препроводил отсюда к воинам и стратигам епарха и, устранив, насколько возможно, все трудности, убедил всех возвратиться прежним путем и раскинуть лагерь у Пармы. Совершив это, он возвратился в Лукку и сообщил Нарзесу, чтобы он был спокоен и энергично брался за дело, – что враги его не потревожат и их набеги будут задержаны, так как римские полки снова будут подстерегать их там, где должно.

Итак, Нарзес, полагая, что отнюдь нельзя терпеть намерения лукканцев, сравнительно слабо осажденных, держаться еще долго, бесстрашно подходит к стенам, придвигая к ним боевые башни, [\[23\]](#) а на вражеские башни бросая огненосные стрелы. Появившихся же на брустверах поражали камнями и стрелами. Стены были уже частично разрушены, и различные виды бедствия постигали

город. Прежние заложники много делали в пользу римлян, и если бы дело зависело от них, то скоро весь город был бы склонен к сдаче. Но коменданты Франков, которые находились внутри города для его охраны, настойчиво требовали от них продолжения войны и попыток оружием заставить врага снять осаду. Поэтому быстро открывались ворота, делались внезапные нападения на римлян с расчетом победить их таким образом. Но, как оказалось, они причиняли ничтожный вред врагам, а сами несли большие потери. Очень многие лукканцы, уже убежденные действующими внутри агентами Нарзеса, намеренно сражались вяло. Из многих попыток [вылазок] поэтому ничего не вышло. Потеряв множество своих, они вынуждались к позорным и постыдным отступлениям и, снова загнанные в стены, еще строже держались взаперти, как бы лишённые уже возможности выхода. Тогда только, так как у них не было уже другой надежды на спасение, они по необходимости изменили свои взгляды на мир и пожелали правильно поступить в настоящем. И, получив обещание, что Нарзес не будет питать никакого гнева на них за случившееся, они немедленно сдали город и охотно впустили в него войска, пробыв три месяца в осаде, и снова сделались подданными римского императора. [\[24\]](#)

19. После завоевания Лукки, когда ничего не стояло у него на пути, Нарзес отнюдь не считал возможным проводить там время и хоть сколько-нибудь отдохнуть от трудов. Он оставил там Бона, – стратига из Мезии, расположенной у реки Истра, человека выдающегося ума и весьма опытного в военных и гражданских делах, – передав ему значительное войско, достаточное, чтобы одержать верх над варварами, там находящимися, если бы те пожелали перемен. Устроив так дела, он поспешил прямо в Равенну, чтобы находящиеся там войска послать на зимовку. Так как осень уже кончилась и дело происходило около зимнего поворота солнца, он не считал возможным воевать в это время. Он считал, что это было бы в пользу франков, которым жар вреден и доставляет большое неудовольствие, и никогда летом они не воюют охотно. Они чувствуют себя здоровее и сильнее от холода и охотнее тогда переносят военные тяготы. Естественно, что из-за холодов своего отечества они приобрели такие свойства, что им как бы врождено легко переносить холод. Ради этого он решил медлить и перенести военные действия на будущий год. Разделив войска между лохагами и таксиархами, он приказал зимовать по ближайшим городам и крепостям, которые находились под его властью; с наступлением же весны идти в Рим и собираться там, чтоб готовиться к бою всеми силами, и они отправились согласно приказанию. Нарзес же привел в Равенну своих домашних служителей и оруженосцев и тех, кто входил в состав его оффиция [\[25\]](#) и кому было вверено попечение о его резиденции как ради прочего благоустройства, так и чтобы не было возможности каждому, кому вздумается, проникать к нему. У римлян есть обычай называть их по характеру выполняемой ими работы «решеточниками» (a cancellis). [Нарзес] имел при себе же Зандала, начальника домашних слуг и прочих постельничьих – евнухов. В сопровождении свиты в целом из 400 человек он пришел в Равенну.

20. В это время Алигерн, сын Фредигерна, брат Тейи, о котором мы раньше вспоминали, говоря об осаде Кум, когда франки появились в Италии и к ним уже перешли готские дела, один оказался тогда понимающим полезное и предвидящим будущее. Обдумывая положение дел, он пришел к выводу, что франки, конечно, используют имя союзников, делая от этого предлог и удобное оправдание, а именно, что пришли они по приглашению готов. То же, чего они хотят действительно, представляется другим. Если даже они победят римлян, то не пожелают возвратить готам Италию, но на деле прежде всего поработят их самих, которым на словах пришли на помощь, поставят над ними начальниками франков и лишат их отечественных законов. Когда он часто вдумывался в это и одновременно был тесним осадой, то решил лучше передать город и ценности Нарзесу и на склоне лет жизни стать римским гражданином, распрощившись с опасностями и варварским способом жизни. Казалось ему справедливым, если уже готы не могли владеть Италией, пусть ею владеют старые ее хозяева, и [таким образом, пусть] исконные жители [окажутся] не навсегда лишёнными своего. Так он решил поступить сам и дать всем своим соплеменникам пример благоразумия. Он сначала объявил осаждающим римлянам, что желает свидания со стратигом и, когда это было разрешено, отправился в Классис, где, как знал, находился Нарзес. Эта крепость расположена в окрестностях Равенны. [\[26\]](#) Представ пред ним, он передал ему собственноручно ключи от Кум и предложил всякие добрые услуги. Тот благодарил его за сдачу и обещал отдарить большими благами. Тотчас же приказал войску, расположенному лагерем у Кум, вступить в крепость, овладеть городом и ценностями и оберегать все в безопасности. А остальному войску приказал разойтись по разным городам и укреплениям и там зимовать. Так все и было сделано. Герульское же ополчение вторично было лишено вождя. В нем было два знаменитых мужа, конкурирующих между собой. Войско поделилось между ними сообразно мнениям о них. Часть их выше всего ценила Арута, и, по их мнению, все

изменилось бы к лучшему, если бы он был вождем. Другие же предпочитали Синдуала, как весьма деятельного и опытного в военном деле. Присоединился к ним и Нарзес, назначив его их вождем, и послал туда, где они могли перезимовать наиболее удобно. Алигерну же приказал идти в город Цезену с поручением, придя туда, подняться на стены, показаться открыто, чтобы всем можно было узнать, кто он. Приказал он это для того, чтобы франки (они должны были проходить мимо) могли видеть его как добровольного перебежчика и отказались от похода на Кумы и от надежды на добычу, а может быть, и от дальнейшей войны, так как все крепости уже были заняты раньше их прихода. Видя проходящих франков, он осыпал их оскорблениями с высоты и осмеивал, говоря, что напрасно они торопятся, что они опоздали, что все богатство готов уже захвачено римлянами, так же как все инсигнии готской власти, так что если кто в дальнейшем и будет объявлен королем готов, то не будет иметь знаков отличия и достоинства, но должен надевать простую воинскую одежду и по внешнему виду оставаться простым человеком. Франки в ответ оскорбляли его и называли предателем своего народа, но все же стали колебаться в мнениях о положении дел, так что начались совещания, следует ли продолжать войну. Победило, однако, мнение не изменять решения, а идти туда, куда они направились раньше.

21. Между тем Нарзес, находившийся в Равенне с тамошними войсками, устроив все должным образом, перешел в город Аримин с теми, которые за ним следовали и раньше. Так как Ваккар из племени варнов,^[27] человек выдающийся и воинственный, немного раньше умер, тотчас сын его Февдибальд (такое имя было у мальчика) вместе со следующими за ним варнами перешел на сторону римского императора и пришел в Аримин, чтобы там встретиться с Нарзесом. Ради этого и тот туда пришел, чтобы, одарив их всех щедро деньгами, сделать как можно более прочными союзниками. Когда он был занят этим, до двух тысяч франков смешанного состава: конных и пеших, посланных своими начальниками для опустошения и разграбления страны, оказавшись вблизи города, опустошали поля, уводили рабочих волов и тащили все беспрепятственно, так что и сам Нарзес мог наблюдать происходившее, сидя в высоком помещении, откуда открывался вид на равнину. Он, считая позорным и неблагородным не защищаться при подобных обстоятельствах, быстро вышел из города, вскочив на коня, послушного и быстрого, который не только мог должным образом прыгать и скакать, но был обучен атакам и отступлениям, приказал следовать за собой и тем из своей свиты, которые имели хоть какой-нибудь опыт в военном деле. Они, вскочив на лошадей (их было около 300 человек), последовали за ним и бросились прямо на врагов. Те, увидев их выход, уже не бродили рассеянно и, думаю, уже не заботились о добыче, а собрались все в одно место, конные и пешие, и построились в фалангу, не очень глубокую (как возможно было ее построить, когда их было немного). Отряды же всадников окружали пеших, сомкнутых и прикрытых щитами. Когда римляне приблизились на расстояние полета стрелы, то признали совершенно бесполезным вступать в рукопашный бой с врагами, выстроенными в боевой порядок и пытались, гарцуя на лошадях, стрельбой из луков и метанием копий расстроить первый ряд врагов и разорвать густоту их боевого порядка. Но те, хорошо защищаясь щитами, стояли твердо и непоколебимо, отнюдь не нарушая непрерывности строя. Когда же достигли густого леса, то использовали деревья, как укрытия, и там оборонялись метанием копий, которые на их языке назывались ангонами.

22. Когда они [враги], таким образом, не потерпели никакого ущерба, он [Нарзес] применил некую варварскую военную уловку, особенно употребляемую гуннами: приказал своим, повернув назад, беспорядочно отступать, как будто они охвачены паникой и бегут, и тем завлечь варваров как можно дальше от леса на равнину. А он уже позаботится об остальном. И они сделали так и побежали. Франки же, обманутые притворным бегством и вообразив, что паника настоящая, тотчас беззаботно нарушают фалангу и, выскочив из леса, начинают их преследовать. Первыми вылетают всадники, а за ними следуют сильнейшие и быстрее из пеших и все, не щадя себя, несутся, чтобы поскорее захватить самого Нарзеса и с малой затратой сил положить желанный конец войне. Так они, забыв о всяком порядке, беспорядочно и без всяких предосторожностей неслись вперед, радуясь и обольщая себя надеждой; римляне же, бросив поводья, бежали все дальше. Можно было сказать, что они бежали, действительно объятые паникой. Когда же варвары оказались рассеянными по равнине и удалены от леса на значительное расстояние, тогда внезапно, по сигналу, данному Нарзесом, римляне, повернув лошадей, бросились на своих преследователей и начали гнать назад беспощадно и истреблять приведенных в замешательство неожиданностью. Так, бегство превратилось в преследование. Конные варвары, поняв нависшую над ними опасность, поспешно бежали снова в лес, в свой лагерь и к своей радости спаслись. Пешие же бесславно истреблялись, не будучи в состоянии даже протянуть руку для своей защиты, подавленные внезапной переменой обстановки и как бы обезумевшие. Итак, все полегли разбросанно, подобно стаду свиней или овец, изрубленных жалким

образом. Когда таким образом было убито свыше 900 храбрейших людей, остальные отступили и вернулись к своим вождям, считая, что они отнюдь не будут в безопасности, прежде чем они не присоединятся к остальному войску. Нарзес же, вернувшись в Равенну и устроив там все наилучшим образом, перешел в Рим и перезимовал там.

КНИГА ВТОРАЯ

1. С наступлением весны военные силы собирались там, где было им назначено. Нарзес же приказал как можно больше обучать их военному делу и укреплять их дух ежедневными упражнениями, принуждая их бегать и в порядке вскакивать на лошадей, кружиться в пиррихе, некоем военном танце,^[28] и быстро при звуке трубы издавать военный клич, чтобы они, живя безопасно на зимовке, не отвыкли совершенно от войны, а затем не ослабели и в самой битве. В это время варвары медленно продвигались [вперед] и на своем пути все грабили и опустошали. Далеко обойдя город Рим и всю его округу, они двигались дальше, направо имея Тирренское море, а налево перед ними расстилались скалистые берега Ионического залива. Когда же они пришли в Самниум – так называется страна, то там разделились на два отряда. Бутилин с большим сильнейшим войском отправился к Тирренскому побережью, опустошил большую часть Кампании, вступил в Луканию, а затем вторгся в Бруттиум и дошел до самого пролива, который разделяет остров Сицилию и Италию. На долю же Левтариса, ведущего остальное войско, выпало разграбление Апулии и Калабрии. Дошел он до города Гидрунта, который расположен у побережья Адриатического моря, откуда начинается Ионический залив. И те, кто были природными франками, проявляли большое почтение и благочестие по отношению к святыне, так как, я уже сказал, они имели правильное представление о божестве и почитали те же святыни, что и римляне. Все же алеманнское племя – у него другие верования – грабило храмы беспощадно и лишало украшений, похищая священные сосуды, многие золотые кропильницы, кубки и сосуды для хранения благовонных курений и все, предназначенное для совершения священных таинств, превращало в собственное имущество. Но им и этого было не достаточно. Они разрушали крыши священных храмов и подрывали основания. Кровью орошали святыни и оскверняли посевы, так как везде были разбросаны непогребенные трупы. Но немного спустя их постигло возмездие. Одни погибли на войне, другие от болезни, и никто не осуществил своих надежд. Несправедливость и пренебрежение к богу всегда пагубны и должны быть избегаемы, особенно же во время войн и сражений. Ибо защищать отечество и отечественные учреждения, противиться стремлениям их разрушить, всеми силами отражать врагов – справедливо и высоко благородно. А те, кто ради наживы и безрассудной ненависти, без всякой разумной причины, нападают на соплеменников, обижают тех, от кого они сами не получали никакой обиды, то поистине безумны и преступны, не знают правды и не боятся мщения божества. Поэтому их ожидает великое возмездие. Предприятия их кончаются полными, непоправимыми катастрофами, если даже некоторое время они и кажутся преуспевающими. Так было и с варварами Левтариса и Бутилина.

2. Когда совершились эти дела и собрано было много добычи, уже прошла весна и наступило летнее время, Левтарис, один из вождей, желал возвратиться домой и использовать [награбленное] богатство. Поэтому послал к брату гонцов сказать, чтобы и он как можно скорее возвращался назад, распрошавшись с войной и превратностями судьбы. Бутилин, однако, даже клятвою обязался готам, что он будет воевать с ними против римлян, и потому они его чтили и даже обещали выбрать своим королем. Он решил, что нужно оставаться и условленное довести до конца. Итак, он остался и приготавливался к войне. Левтарис же со своим ополчением немедленно отправился обратно с тем намерением, что, когда он безопаснейшим образом вывезет добычу и вернется домой, тотчас же пошлет войско обратно предохранить его от опасности. Но ему не пришлось осуществить задуманное и брату он также совершенно не мог оказать помощи. Когда он возвращался домой, завершая обратный путь, до страны Пиценума нигде не было встречено сопротивления. Когда он пришел туда, то расположился лагерем у города Фана и по обыкновению выслал немедленно разведчиков и наблюдателей до трех тысяч человек, которые должны были разведать не только дальнейший путь, но и отразить врагов, если бы те где-нибудь появились. Артабан же и Улдах-гунн вместе с римским и гуннским войсками оказались в сборе в городе Пизавре и расставили засады в проходе. Заметив разведчиков на самом побережье Ионического залива и их продвижение по побережью, они вышли из города и набросились всеми силами на них, прекрасно построившись, и многих убили, изрубив мечами. Некоторые [из алеманнов], взобравшись на обрывистые вершины побережья, а затем сброшенные с покатости, стремительно падали в море и погибали, уносимые шумящими волнами. Морской берег здесь поднимается и образует как бы холм, не во всех частях проходимый и

доступный, который для тех, кто поднялся на его вершину, отнюдь не представляет легкого спуска, но большей частью является скользким, обрывистым и наклонным к скалистому берегу. Другие, увидев множество так погибающих, естественно, обратились в беспорядочное бегство и, с громким криком и воем добравшись до своего войска, наполнили все шумом и смятением, как будто римляне уже ворвались [в лагерь]. Левтарис, приготавливаясь к сражению, поднял войско, и, тотчас схватив оружие, франки построились в огромную и растянутую в длину фалангу. Когда они так стояли и ничего другого им не приходило в голову в данный момент, большинство пленных, оставленных без охраны, воспользовались должным образом бездеятельностью неприятелей. Они быстро разбежались по ближайшим крепостям и из добычи, сколько было возможно, захватили.

3. Так как Артабан и Улдах считали, что они недостаточно сильны и не двинули войск вперед, то и франки вышли из боевого строя, вернулись обратно и, осмотревшись, увидели, как много они потеряли. Чтобы не испытать другого бедствия показалось им наилучшим, выступив как можно скорее из города Фана, продолжать путь. Тотчас же они и выступили, оставив справа Ионический залив и весь приморский песчаный берег. Они направились к подошве Апеннинских гор. И так, идя прямо к Эмилии и Коттийским Альпам, с трудом перешли Над. Заняв страну венетов, они сделали остановку в городе Кенета, им подвластном, оказавшись здесь в безопасности. Там они скорбели, испытывали недовольство и их охватила величайшая печаль. Причина заключалась в том, что у них осталась слишком незначительная часть добычи, и казалось, что они претерпели напрасный и бесполезный труд. Однако этим не закончились их несчастья. Немного спустя вспыхнувшая болезнь – чума – истребила множество [людей]. Одни считали, что плохой воздух является причиной этой болезни; другие полагали, что, пройдя длинный путь в обстановке непрерывных военных действий, они внезапно перешли к изнеженному образу жизни и причиной считали перемену обстановки. Истинную же и основную причину бедствий они совершенно не понимали. Она же заключалась, как я думаю, в их несправедливости и в том, что они бесчеловечно надругались над божескими и человеческими законами. Сам вождь представил яркое доказательство, что его постигла божественная кара. Он оказался помешанным и бесновался открыто, как безумный и одержимый. Он находился в непрерывном движении, испуская тяжелые вопли. То он падал на землю головой ниц, то на один, то на другой бок, выпуская изо рта обильную пену. Глаза стали страшными и отвратительным образом перекошенными. Несчастный дошел до такого безумия, что не удержался от кусания собственных членов. Кусал зубами руки и, разрывая тело, пожирал его наподобие животного, проливая кровь. Таким образом, пожирая себя и понемногу слабея, он погиб жалким образом. Умерли во множестве и прочие. Эпидемия отнюдь не уменьшалась, пока не погибли все.. Но огромное большинство, мучимое горячкой, погибало в здравом уме. Некоторые были сильно разбиты параличом, другие страдали от головной боли, третьи от сумасшествия. Разнообразны были посланные им болезни, но все они вели к смерти.

Такой гибельный конец имел поход Левтариса и тех, кто за ним следовал.^[29]

4. Пока это происходило в Венеции, Бутилин, другой вождь, опустошив почти все городки и укрепления до Сицилийского пролива, немедленно начал обратный поход быстрее переходами прямо на Кампанию и Рим. Ибо он услышал, что Нарзес и многочисленные императорские войска собираются там. Он решил не медлить и не странствовать дольше, но, выстроившись всем войском походным порядком, рискнуть покончить все сразу, так как отнюдь не малая часть и его войска была поражена эпидемией и погибла.

Так как лето кончилось и начиналась осень, виноградники были отягчены плодами. Они же за недостатком другого продовольствия (мудрой предусмотрительностью Нарзеса все было уничтожено), срывая виноградные гроздья и выдавливая руками сок, наполняли себя перебродившим вином, собственноручно изготовляя вино с приятным запахом. Через это они страдали от сильного расстройства желудка, и часть их умерла немедленно. Были, однако, и выжившие. Прежде чем болезнь охватила всех, решили дать сражение во что бы то ни стало. Поэтому, придя в Кампанию, он [Бутилин] расположился лагерем недалеко от города Канун на берегах реки Касулина.^[30] Она берет начало в Апеннинских горах и, извиваясь по тамошним равнинам, впадает в Тирренское море. Разместив там войско, он окружает его сильным валом, полагаясь на природу местности. Река, протекая от него справа, казалось, служила вместо укрепления, чтобы кто-нибудь не напал с той стороны. Затем он соединил друг с другом рядами колеса повозок, которые он во множестве вез с собой, прикрепил к земле, засыпав землей до ступиц, так что возвышались и были видны только верхние полукружия. Окружив все войско этими и другими деревянными заграждениями, он оставил один не очень широкий выход, свободный от заграждений, чтобы этим путем при желании можно было совершать вылазки против неприятелей и возвращаться. А чтобы не остался без охраны мост

через реку и не потерпеть через это какого-нибудь вреда, он его заблаговременно занял, построив там деревянную башню, и поместил на ней самых боевых, насколько это было возможно, и хорошо вооруженных людей, чтобы они его [мост] защищали из безопасного места и мешали попыткам переправы со стороны римлян. Устроив так все, он полагал, что все требуемые обстановкой приготовления им сделаны, как будто от кого зависело начать битву и как будто сражение обязательно начнется не раньше, чем он этого пожелает. Он еще не знал случившегося с братом в Венеции, хотя удивлялся, что тот не посылает ему войска согласно договоренности, хотя и подозревал, что тот не медлил бы так долго, если бы с ним не случилось какого-нибудь крупного несчастья. Тем не менее он считал, что и без него он одержит победу над неприятелем, намного превосходя его численностью. Оставшееся у него войско исчислялось больше чем в тридцать тысяч вооруженных людей. Римские же силы с трудом в тот момент доходили до восемнадцати тысяч.

5. Поэтому и сам он имел прекрасное настроение и всему войску объявил, что в предстоящем сражении будут решаться немаловажные дела, но «или будем обладать Италией, ради чего и пришли, или же бесславно умрем. Мы, благородные мужи, должны желать, конечно, первого, а не второго, так как от нас зависит, если мы окажемся храбрыми в сражении, получить все, чего желаем». Бутилин не переставал ободрять массу этими и подобными словами. Они же [воины Бутилина] преисполнились надеждой и готовили оружие, как каждому хотелось. Таким образом, точилось множество секир, а также домашние копьа – ангоны; в другом месте поправлялись поломанные щиты, чтобы они снова годны были к употреблению, и приготовления шли успешно. Ибо вооружение у этого народа простое и не нуждается в многочисленных ремесленниках, но, я думаю, нужное может быть легко приготовлено всяким, если что-нибудь будет поломано.

Они не знают панцирей и поножей. Большинство [из них] не защищают головы. Немногие сражаются, надевая шлемы.

С голой грудью и спиной, они ходят только в штанах, льняных или кожаных. Лошадьми не пользуются, за исключением весьма немногих; зато они хорошо обучены искусству пешего боя, которое для них привычно и передается по наследству.

Меч у них висит на бедре, а щит с левой стороны. Они пользуются не луками, стрелами и другими метательными орудиями, а обоюдоострыми секирами и ангонами, которые особенно часто употребляют. Ангоны – это копьа не очень маленькие, но и не очень большие, которые можно метать, если понадобится, а также применять в рукопашном бою, начиная наступление. У них большая часть обложена железом со всех сторон, так что внизу видна только ничтожная часть дерева, из железа почти весь наконечник копьа. Выше же оконечности копьа выдвигаются с каждой стороны кривые острия, как крючки удочки, загнутые вниз. В сражении обычно франкский воин бросает этот ангон и, если попадает в тело, то острие, естественно, проникает внутрь; тогда ни сам раненый и никто другой не может легко вытащить копье. Мешают острия, проникшие внутрь тела и причиняющие жестокую боль, так что если неприятель получает даже не смертельную рану, то он все же погибает от нее. Если же попадает в щит, то повисает на нем и болтается, верхней своей частью тащась по земле, и, пораженный, не может ни вытащить копье из-за засевших в щите остриев, ни отрубить мечом, так как ему не достать дерева из-за прикрывающих его железных полос. Когда же франк это увидит, то он выдвигает ногу и наступает на конец копьа и оттягивает щит вниз так, что утомляется рука несущего щит и обнажается его голова и грудь. Когда же увидит его не защищенным, то легко убивает или поражая секирой голову, или пронзая гортань.

Таково у франков вооружение, так они готовятся к сражениям.

6. Когда Нарзес узнал об этом, то римский полководец тотчас вывел все войско из Рима, разбил лагерь недалеко от врагов, откуда можно было слышать все и рассматривать укрепления. Когда таким образом оба войска могли видеть друг друга, начались с обеих сторон построения войск в боевом порядке, расстановка караулов, бодрствование и смотр воинских рядов полководцами. Надежда и страх, различные перемены настроения и всякие неожиданные страсти, которые могут появиться у готовящихся к решительному сражению, поочередно охватывали то одних, то других. Все италийские города находились в волнении и колебались, не зная, к какой стороне примкнуть. В то же время франки грабили и открыто вывозили из них продовольствие. Когда Нарзес это заметил, он решил, что это его бесчестит, и негодовал, что у фуражиров врагов есть возможность так свободно разъезжать по ближайшей местности, как будто они не видят никакого врага. Он решил в дальнейшем не позволять этого и препятствовать всеми силами. Харангис, родом из Армении, являлся римским таксиархом, был чрезвычайно храбр и благоразумен и, когда нужно, охотно шел на опасности. Этому Харангису (его палатка разбита была на краю лагеря, очень близко к неприятелю) Нарзес приказывает напасть на водителей повозок и причинить им вред, какой только сможет, чтобы они никогда больше не осмеливались перевозить сено.

Тот немедленно повел за собой немногих всадников из своего отряда, захватил все повозки, а возчиков убил. Одну же из них, нагруженную сухим деревенским сеном, подвозит к башне, которую франки выстроили на мосту, как мною указано раньше, и, придвинув к ней повозку, бросает огонь в сено. Когда поднялось внезапно огромное пламя, вся башня, построенная из дерева, легко загорелась. Поставленные же на карауле люди из варваров, так как не только не могли защищаться, но и сами подвергались опасности сгореть, решили бросить мост и, с трудом выбравшись оттуда, убежали к своему войску. Римляне же овладели мостом. Когда это случилось, франков тотчас, естественно, охватило смятение и они схватились за оружие. Кипя от гнева и неистовствуя, они не могли сдержать себя, но стали чрезмерно смелыми и дерзкими, решив, что больше нельзя оставаться бездеятельными и медлить, а нужно тотчас же вступить в сражение, хотя алеманнскими прорицателями им было сказано, что не должно в этот день вступать в сражение, в противном случае пусть знают, что они все погибнут без остатка. Я же думаю так, что если бы битва произошла на следующий день или позднее, то они потерпели бы то же, что случилось с ними в тот день. Перемена дня не помогла бы им избежать возмездия за свое безбожие. Произошло ли это так или действительно алеманнские предсказатели каким-то способом проведали будущее, как бы то ни было, это для многих оказалось не пустым и не напрасным. Мною позже будет рассказано подробно все происшедшее, насколько это в моих силах.

7. Итак, народ франков был охвачен воинственным порывом и уже взялся за оружие. Нарзес также вооружил римлян и вывел из лагеря на середину между двумя лагерями, где нужно было их построить в фалангу. Во время движения войска, когда стратиг сел на коня, ему объявили, что некий герул, не из рядовых и неизвестных, но очень знатный, умертвил жестоко одного из своих служителей за какое-то упущение. Тотчас, сдержав поводьями коня, он приказал вывести убийцу на средину, считая неблагочестивым вступать в сражение, прежде чем преступление не будет наказано и искуплено. Допрошенный им варвар признался в своем преступлении. Он не только не запирался, но, наоборот, говорил, что позволено господам делать со своими рабами, что они пожелают, чтобы и другие знали, что они получают то же, если не будут выполнять свои обязанности. Он не только не раскаивался в своем преступлении, но был дерзок и заносчив и, казалось, даже гордился этим. Нарзес приказал оруженосцам умертвить этого человека. И он умер, пораженный мечом в пах. Толпа же герулов, как свойственно варварам, была обижена, негодовала и решила воздержаться от сражения. Нарзес же, искупив таким образом скверну преступления и мало заботясь о герулах, двинулся в расположение войска и объявил во всеуслышание, что кто желает быть участником победы, пусть следует за ним. Так он был уверен в божьей помощи, что спешил на дело, как бы уже предрешенное. Синдуал же, вождь герулов, считал позорным и неблагородным, если он и его отряд будут обвинены в дезертирстве, когда завязывается такое сражение. Они покажутся тогда как бы напуганными врагом и расположение к умершему выставляющими только как предлог и прикрытие своей трусости. Не вынося бездеятельности, он предложил Нарзесу оставаться на месте, так как сам скоро придет со своими. Нарзес ответил, что оставаться нельзя, но он позаботится, чтобы и они нашли свое место в строю, хотя и придут немного позже. Итак, герулы, хорошо вооруженные, двинулись медленно и в порядке.

8. Нарзес же, дойдя до места, где должно было произойти сражение, тотчас выстроил и расположил войско в фалангу. Всадники были расставлены по краям с обеих сторон, вооруженные копьями и легкими щитами, мечами и луками, некоторые имели сариссы. Сам же он стоял на правом крыле. Зандалас, начальник свиты, и те из рабов домашних, которые были знакомы с военным делом, стояли там же. По краям же стояли люди Валериана и Артабана, которым было приказано на короткое время укрыться в чаще леса и, когда нападут враги, внезапно броситься на них из засады и теснить с обеих сторон. Все же промежуточное пространство занимала пехота. Передовые, одетые в панцыри, доходящие до ног, и имея весьма прочные шлемы, образовали сомкнутый строй. Позади стояли другие, так что строй заканчивался арьергардом. Все же легко вооруженные стрелки и пращники оставались позади, ожидая благоприятного момента для стрельбы. Для герулов место было предназначено в середине фаланги, но оно было пусто, так как они еще не пришли. Между тем два герула, перебежавшие немного раньше на сторону врага, не зная, какое решение потом принял Синдуал, побуждали всех варваров как можно скорее напасть на римлян. Они говорили: «Вы найдете их в полной суматохе и беспорядке, так как герульская дружина негодует и отказывается сражаться, а другие подавлены их отпадением». Бутилин, легко убежденный этими словами, потому, думаю, что желал, чтобы это было верно, тотчас послал войско на неприятеля и все шли с воодушевлением прямо на римлян, но спокойно и в порядке, ободренные известиями, с шумом и песнями, как будто надеясь истребить одним ударом все им противостоящее. Форма их боевого порядка была подобна клину и походила на дельту. Передняя его часть, которая заканчивалась острием, была плотна и закрыта со

всех сторон щитами. Можно сказать, что они своим построением напоминали голову свиньи. Фаланги же с каждой стороны, построенные в глубину по сотням и по лохам и как можно больше протянутые вкось, постепенно отдалялись друг от друга и заканчивались, охватывая большое пространство, так что промежуток между ними оставался пустым и видны были ряды голых спин воинов. Они стояли, отвернувшись друг от друга, чтобы противостоять неприятелю, но сражались в безопасности, прикрытые щитами. А тыл защищали стоящие в противоположном ряду.

9. Но у Нарзеса, пользующегося счастьем и наилучшим образом устроившего [войско], все протекало должным образом. Когда варвары с громким криком и воем в быстром натиске ворвались в ряды римлян, то они прорвали первые шеренги и добрались до пустого пространства. Герулы еще не появились и потому передовая часть варварского войска, прорвав передние ряды, убив немногих, проникла до задних рядов, а некоторые продвинулись и дальше, как бы желая захватить и римский лагерь. Тогда Нарзес, повернув незаметно [в сторону неприятеля], удлинив фланги и установив фалангу, как называют тактики, на «переднее загибание», приказал конным стрелкам с обеих сторон поочередно осыпать стрелами спины врагов. Они легко это сделали. Так как варвары были пешими, они, возвышаясь над ними на лошадях, могли весьма легко поражать находящихся в отдалении, растянутых, не могущих защищаться с тыла. И, я думаю, было нетрудно всадникам, сосредоточенным на флангах, поражать стрелами противостоящую им часть врагов и ближайших к ним – ранить. Франков поражали со всех сторон. Римляне, поставленные на правом крыле, поражали их с этой стороны, а находившиеся на левом крыле – с другой. Так, стрелы неслись попеременно в противоположные стороны и неизменно поражали все, стоящее на пути. Варвары оказались не в состоянии ни избежать стрел, ни ясно различать, откуда они несутся. Так как они стояли против римлян и видели только то, что было перед глазами, и сражались врукопашную против стоящих перед ними гоплитов, то всадников-стрелков, как расположенных в тылу, не видели, и поражались не в грудь, а в спину и не могли понять, откуда их постигла беда. У огромного же большинства не было времени для сомнений, размышлений и недоумений, так как вместе с ударом их постигала смерть. Так как постоянно падали крайние, тотчас открывались спины стоящих внутри, и так как это происходило непрерывно, массы врагов весьма быстро стали рассеиваться, истреблялись и уменьшались. В это время Синдуал и герулы, приблизившись к месту сражения, наткнулись на врагов, прервавших боевой строй и выдвинувшихся вперед. Тотчас же, столкнувшись с ними в рукопашном бою, они начали сражение. Те, пораженные неожиданностью, заподозрив засаду, тотчас обратились в бегство, обвиняя перебежчиков в обмане. Люди же Синдуала их жестоко преследовали, не давая никакой передышки, пока не перебили одних и не сбросили в пучину реки других. Когда герулы возвратились на свое место, пустота заполнилась и франки как бы оказались пойманными в сеть и истреблялись повсеместно. Ибо строй их был совершенно разорван и они наталкивались толпами друг на друга, не зная, что делать. Римляне же истребляли их не только стрелами, но набрасывались на них тяжело и легко вооруженные, бросая дротики, пронзая копьями и рубя мечами. Всадники, сомкнув фланги, окружили их и отрезали отступление. Те, кто избежал мечей, настигаемые преследователями, бросались в реку, где тонули и погибали. Везде были слышны вопли погибавших жалким образом варваров. Сам вождь Бутилиин и все его войско были истреблены поголовно, среди них и герулы, перебежавшие перед сражением. И никто из германцев не возвратился в отечество, за исключением пяти человек, ускользнувших каким-то образом.^[31] Осталось неизвестным, понесли ли и они наказание за несправедливость и покарало ли и их верховное правосудие.

Итак, бесчисленное множество франков, алеманнов и прочих, которые присоединились к ним, было уничтожено целиком. А из римлян погибло только восемьдесят человек, именно те, кто принял первый натиск врага. В этом сражении отличились почти все римские полки; из вспомогательных варварских – гот Алигерн (участвовал и он в сражении), Синдуал, вождь герулов, действовавший ничем не хуже других. Все превозносили похвалами Нарзеса и удивлялись ему, понимая, что его предусмотрительностью добились такой славы.

10. Такая блестящая, замечательная, сопровождавшаяся таким решительным результатом победа нелегко могла быть достигнута кем-либо в прежние времена. Но если где-либо прежде и другие претерпели подобное бедствие, то найдешь, что и они погибли из-за своей неправды. Ибо Датис, сатрап Дария, когда явился в Марафон с персидским войском, думал ниспровергнуть Аттику и всю Грецию. Причину похода нельзя было признать ни хорошей, ни справедливой. Царь Дарий, как кажется, не удовлетворялся громадным пространством Азии, считал недопустимым, если не поработит и Европу.

Поэтому-то мидяне и потерпели сокрушительное поражение. Их было убито в этом сражении столько, что когда перед сражением афиняне, как говорят, дали обет принести в жертву богине

Артемиде столько козлов, сколько будет убито в битве неприятелей, то, несмотря на благосклонность к себе Охотницы и успешную охоту, оказались не в состоянии выполнить обет и, принося в жертву даже коз, не могли сравняться с числом убитых. А этот пресловутый Ксеркс и ксерксовы полчища! Каким образом он мог быть побежден греками? Разве не потому, что был и заносчив, и несправедлив, и пришел для порабощения тех, от которых сам не получил никакой обиды? Полагаясь только на численность своего войска и на боевую готовность, он никогда не поступал благоразумно. Они же, поступая должным образом, сражались за свою свободу, не упуская ничего из того, что они были в силах сделать, но желая и выполняя все должным образом. Победы Гилиппа Спартиата, катастрофу Никия и Демосфена, все бедствия в Сиракузах – как можно объяснить все эти события? Только неблагоразумием и несправедливостью. Чего желали афиняне, оставив у ворот врагов, а сами намереваясь сражаться как можно дальше и напасть на Сицилию? Можно перечислить многие другие зародыши неблагоразумия и несправедливости и показать, как они были губительны для зачинщиков. Но об этом, я полагаю, достаточно сказано.

Тогда римляне (нужно снова возвратиться к рассказу) тела собственных убитых, как изложено, похоронили должным образом, а трупы врагов ограбили, собрав огромное количество оружия. Разорив укрепление и захватив все там находящееся, они были обременены добычей. Распевая песни и украсив себя венками, в прекрасном порядке, сопровождая полководца, они возвратились в Рим.

Можно было видеть обширнейшие пространства вокруг Капуи, пропитанные кровью, а река, переполненная трупами, вышла из берегов.

Мне же один из местных жителей и сообщил элегию начертанную кем-то на столбе, водруженном на берегу реки Она такова:

Потоки реки Касулина, обремененные трупами,
Принимают камни Тирренского побережья,
Когда авзонское копье истребило
Племена франков, повиновавшиеся жалкому Бутилину
О, счастливейшая река! Вместо трофея варварской кровью
Пусть будет она окрашена.

Была ли эта эпиграмма действительно начертана на камне или обнародованная другим образом дошла до меня, я думаю, ничто не помешает поместить ее здесь. Во всяком случае, пусть она будет приятным памятником этой битвы.

11. В то же время римлянам было возведено о случившемся с Левтарисом и всеми его людьми. Тогда граждане и воины еще больше водили хороводы и устраивали праздники, как будто уже не боясь ничего враждебного и намереваясь жить в мире и спокойствии. Когда враги, своими нападениями беспокоившие Италию, были там повсеместно уничтожены, то [римляне] уже не верили, что на их место могут прийти другие. Так мыслила толпа, она не привыкла здраво взвешивать вещи и легко впадает в праздность и обо всем судит по тому, что ей приятно и желательно. Нарзес же, который обо всем имел правильное мнение, считал глупостью и безумием их надежды на то, что они освобождены от всякой необходимости предпринимать другие труды, но целиком и навсегда могут отдаться изнеженной жизни. Недоставало немногого, я думаю, по их безрассудству, чтобы они променяли шлемы и щиты на винные амфоры и барбитоны.^[32] Так, они считали бесполезным и ненужным в дальнейшем оружие. Стратиг же правильно предусматривал, что франки и позднее останутся врагами, и боялся, что если римляне предадутся изнеженному образу жизни, то исчезнет их мужество, а затем, если настанет время сражения, они, побежденные робостью, окажутся бессильными перед опасностью, И, быть может, это незамедлительно и произошло бы, если бы он не признал нужным действовать быстро. Он созвал войско и произнес речь, вызвав поворот в их душах к благоразумию и мужеству и искоренению чрезмерного хвастовства. Итак, когда все собрались, он выступил на середину и сказал следующее:

12. «Тем, кто внезапно и необычно для себя добился счастья, естественно впасть в излишества и быть потрясенным непривычным, в особенности когда оно выпало неожиданно и мало заслуженно, но вы, о мужи, какое представите извинение, если кто-либо будет обвинять нас в этой перемене? Разве вы не приучены издавна к победе, которой теперь наслаждаетесь? Вы ведь уничтожили и Тотилу и Тейю и весь готский народ. Да вы получили даже большее счастье, чем то, которое обычно присуще вам. Какое счастье может быть сравниваемо с римской славой! Ведь вами унаследовано от предков всегда побеждать врагов. Итак, вы победили и достигли счастья, равного вашему достоинству и вашей заслуге. Достигли же вы этого не праздностью и изнеженной жизнью, но постоянным

трусами, а потом и действиями в сражениях. И теперь подобает оставаться при этом и не только радоваться настоящему, но заботиться о будущем, чтобы оно было подобно настоящему. У тех, кто не мыслит так, счастье неустойчиво и в большинстве случаев обращается в свою противоположность. Ясным доказательством этого пусть будет этот разгром франков, которым вы справедливо похваляетесь. Когда их дела до настоящего времени находились в благополучном состоянии, они прониклись заносчивостью, подняли войну против нас, не предвидя крушения своей надежды. Поэтому так и погибли они почти все вследствие скорее собственного безрассудства, чем от нашего оружия. Позорно для вас, мужи римляне, страдать тем же, что и варвары, а не превосходить их умом, так же как и силой. И пусть никто не думает из вас, что нет уже никакого врага, так как все враги истреблены.

Даже если бы это действительно было так, даже и тогда вам не следует отказываться от ваших правил и оставлять свои обязанности. Но каждый поймет, что положение дел не соответствует вашим надеждам. Многочисленнейший и величайший народ франков весьма опытен в военном деле, побеждена нами только незначительная его часть, а это не может внушить противнику страх, а может скорее возбудить гнев его. Вполне правдоподобно поэтому, что они не успокоятся и не перенесут безропотно обиду, но пойдут против нас с большим войском и в короткое время возобновят против нас войну.

Поэтому вы должны отбросить, если признаете это нужным, бездеятельность, восстановить нашу готовность переносить опасности в большем объеме, чем раньше, потому что и опасности нужно ожидать большие, чем раньше. Если вы так будете держать себя, то если даже они и появятся весьма быстро, то нападут на вас, уже подготовившихся и не нуждающихся в промедлении. Если же они совершенно не появятся (нужно сказать и то и другое), ваши дела все же будут в безопасности, и вы покажете, что наилучшим образом позаботились о своих интересах».

При таком увещании Нарзеса стыд и раскаяние в прежнем легкомыслии охватили все войско. Отбросив беззаботность и распущенность, оно перестроило свою жизнь по отечественным нравам.

13. Часть готов в количестве семи тысяч вооруженных людей, которые во многих местах оказывали помощь франкам, полагая, что римляне не успокоятся, но немного спустя нападут на них, тотчас отступила в укрепление Калепсы.^[33] Место было сильнейшим и укрепленнейшим, так как было расположено на высокой горе, а у самой вершины со всех сторон поднимались и протягивались обрывистые скалы, так что врагам не было легкого доступа туда. Собравшиеся здесь готы считали, что они будут в безопасности и отнюдь не хотели сдаваться римлянам, но решили всеми силами сопротивляться, если кто нападет на них. Подстрекал их и побуждал к этому варвар, по имени Рагнарис, хотя и не одного с ними рода и племени; он был из так называемых витторов (витторы – гуннское племя), но так как он был ловок, и во всем хитер, и способен любым образом захватить себе власть, то он управлял массой и думал возобновить войну, чтобы благодаря этому стать еще более известным. Итак, Нарзес тотчас со всем войском двинулся на него и затем, так как не мог сразу приблизиться к укреплению и рисковать в трудно доступном месте, то начал осаду и окружил [крепость] со всех сторон, чтобы ничего не было подвезено находящимся внутри, и чтобы они не могли выходить безопасно куда желают. Но от этого варвары мало терпели вреда. Они были полностью обеспечены, так как все необходимое продовольствие и наиболее ценное имущество уже было свезено в эту неприступную крепость. Однако они были недовольны римской осадой и считали позором быть заключенными и стесненными надолго в тесном пространстве, поэтому часто совершали нападения на врагов, чтобы прогнать их оттуда, если смогут, но ничего не сделали достойного упоминания.

14. Когда зима пришла таким образом, с наступлением весны Рагнарис решил вступить в переговоры относительно создавшегося положения и, когда это было разрешено ему, он пришел с немногими к Нарзесу в установленное место. Оба они встретились и о многом говорили. Но как только Нарзес увидел, что Рагнарис охвачен гордыней, произносит множество кичливых речей, требует большего, чем должно, чрезмерно хвастает, тотчас прервал свидание, отказался от соглашения и отослал его назад, ничего не добившегося. Тот же, поднявшись на холм и находясь уже вблизи стены, обиженный, что ничего не добился из того, что надеялся получить, незаметно и тайно натянул лук, а затем внезапно повернулся и пустил стрелу прямо в Нарзеса, но не попал в цель. Стрела упала, отнесенная в другое место, никого не задев. Но тотчас же за преступлением варвара последовало воздаяние. Оруженосцы Нарзеса, разгневанные его дерзостью, начали стрелять в него, и несчастный получает смертельную рану. И разве он не заслужил ее, совершив низкое и вероломное покушение! Слуги на носилках едва втащили его в крепость. Он умер бесславно, прожив после этого только два дня, и имел такой печальный конец своего вероломства и безрассудства.

Когда он умер, готы, считая, что они не в состоянии дальше выдержать осаду, просили Нарзеса дать гарантию, что их жизнь будет пощажена. Когда он немедленно дал клятву в этом, они тотчас же сдались сами и сдали укрепление. Нарзес не убил никого, так как дал клятву и, кроме того, считал бесчестным и жестоким убивать побежденных. А чтобы они в дальнейшем не затевали каких-нибудь перемен, отослал всех к императору в Византию. Когда происходили эти события, юноша Теодибальд, правивший соседними с Италией франками, как выше мною сказано, умер мучительной смертью от болезни, которой он страдал издавна. Так как Хильдиберт и Хлотар, как ближайшие родственники, по местным законам являлись наследниками юноши, то между ними возникли острые разногласия, они чуть было не погубили весь народ. Однако Хильдиберт был уже стар, и кроме того, что был преклонного возраста, он был ослаблен тяжелой болезнью, так что все его тело высохло. У него не было детей мужского пола, чтобы передать им власть. Он состарился, имея только дочерей. Хлотар же был здоров, еще не очень стар и имел только первые морщины; к тому же у него было четыре сына, еще юноши, смелые и стремящиеся к деятельности. Поэтому он сказал брату, что тот не должен иметь доли в наследстве Теодибальда, так как спустя малое время и само королевство Хильдиберта перейдет к нему и его собственным детям. И он не обманулся в надежде. Старший добровольно отказался от наследства, боясь, как я думаю, могущества брата и опасаясь его вражды. Спустя немного времени он сам умер, и вся держава франков попала к одному Хлотару.^[34] В таком положении находились итальянские и франкские дела.

15. В это же время произошло сильное землетрясение в Византии и повсюду в Римской империи, так что многие города, островные и материковые, были целиком разрушены, а их жители погибли поголовно все. Так, прекрасный Берит, гордость Финикии, был лишен тогда всех своих украшений; рушились его замечательные, знаменитые, отмеченные высоким художественным мастерством здания, так что почти ничего не осталось, за исключением основания сооружений. Погибло великое множество людей – местных уроженцев и пришлых, придавленных рушащимися постройками, в том числе много юношей-пришельцев знатных и очень образованных, которые приехали сюда для изучения римских законов. Предназначенные для этого училища были для города как бы отечественным установлением и высшей гордостью. После этого толкователи законов переселились в соседний город и туда же перенесены были училища, пока снова не обстроился Берит, отнюдь не такой, каким он был раньше, но и не так непохожий, чтобы по его виду нельзя было узнать его прежней формы. Но это восстановление города и перенесение в него училищ произошло уже позднее. В то же время и в великой Александрии, расположенной у реки Нила (в этой местности землетрясения не обычны) тоже ощущалось сотрясение, незначительное, конечно, и кратковременное, не очень явственное, но все-таки оно имело место. У местных жителей и особенно у глубоких стариков оно вызвало сильное удивление, как никогда раньше не случавшееся. И никто не оставался дома; толпа сбежалась на площади, чрезмерно потрясенная неожиданностью и новизною явления. На меня самого (я в то время жил в Александрии, чтобы получить образование, необходимое для изучения законов) напал страх и при этом очень слабом сотрясении, когда я думал, что сами по себе постройки не прочны и не в состоянии выдерживать толчков даже ничтожное время: слишком они тонки (стены кладутся только в один кирпич). Но находящиеся в городе образованные люди опасались не того, думаю, толчка, который прошел, а повторения его, которое казалось вероятным. Говорят, что причиной этого бедствия являются испарения сухие и дымные, накапливающиеся в пустотах под землей, и так как они не могут легко вырваться наружу, то начинают сильнее крутиться внутри и сотрясать то, что над ними нависает сверху) пока насильственно потоком, разрывая кору, не прорываются наружу. Изучающие это говорят, что Египет – страна, в которой землетрясения никогда не может быть, так как страна эта очень низменная, плоская и отнюдь не пещеристая. Поэтому она не заполняется испарениями, а если где и накапливает их, то они очень быстро проходят через рыхлую почву. Когда эта теория, хорошо разработанная, в то время подверглась нареканиям, как недостаточно обоснованная, то, естественно, эти знаменитые мужи испугались, как бы на будущее время не осуществилась в обратном смысле известная эпиграмма и как бы не возникла опасность испытать воздействие со стороны не только держателя земли, но и потрясающего землю Нептуна. Но, если бы какая-нибудь часть Египта и испытала толчки, у знатоков этих дел найдутся и другие аргументы, посредством которых будет поддержана и в дальнейшем будет укреплена теория испарений. Мне же кажется, насколько можно пользоваться солидными аргументами для понимания неизвестного, они не вполне отходят от правдоподобия и вероятности, но от действительной истины они далеки. Каким образом можно в совершенстве понять неизвестное и превышающее наше понимание? Пусть будет достаточно для нас знать только то, что все создано божественным разумом и высшей волею. Наблюдение и изучение разумом начала и движения природы и причины отдельных явлений нельзя

считать бесполезным и лишенным удовольствия. Думать же и уверять себя, что можно постигнуть сущность вещей, было бы самоуверенностью и невежеством, вдвое превышающим незнание. Но об этом достаточно. Снова возвращаемся к делу.

16. В это время остров Кос, расположенный на краю Эгейского моря, также подвергся землетрясению, и лишь самая незначительная часть его сохранилась, большая же часть рушилась; произошли различные и неслыханные бедствия. Море, поднявшись на огромную высоту, обрушилось на приморские дома и уничтожило их вместе с имуществом и людьми. Толчок огромной силы, так как не мог прорваться через морские волны, все сокрушил и ниспроверг. Погибли без исключения почти все горожане, укрывались ли они в храмах, оставались ли дома, или собрались в каком-нибудь другом месте. Так как я в это время возвращался из Александрии в Византию и был занесен случайно на этот остров (он был расположен на пути), то мне открылось жалкое зрелище, которое нельзя даже верно описать словами. Почти весь город был грудой развалин, раскинутых на большое пространство. Всюду были разбросаны камни и остатки поломанных бревен и колонн; такая густая пыль поднималась вверх, затемняя воздух, что нелегко было различить площади, за исключением известных. Насколько можно разглядеть, только очень немногие дома оставались невредимыми, и то не те, что построены из известки и камня или какого-нибудь прочного и твердого материала, как это обычно бывает, но те, которые были сооружены деревенским способом из необожженного кирпича и глины. Изредка появлялись люди с печальным и поникшим взором, как бы совершенно отчаявшиеся в своем спасении. К довершению всех бедствий и городская вода совершенно потеряла качество чистой питьевой воды и постепенно превратилась в соленую и непригодную для питья. Все исчезло и было ниспровергнуто, так что ничего не осталось для украшения города, за исключением славного имени Асклепиада и известности Гиппократа.^[35] Сострадать в этих делах свойственно человеческой природе; неумеренно же удивляться и поражаться свойственно людям, не знающим прошлого, не знающим, что этой части земной коры издавна свойственны подобные сотрясения. Ибо часто и раньше целые города погибали от землетрясений, так что лишенные старых жителей населялись сызнова новыми обитателями.

17. Так, Траллы – город, расположенный теперь в провинции Азии, недалеко от реки Меандра, который некогда был колонией пеласгов, – во времена кесаря Августа подвергся землетрясению и был так разрушен, что в нем ничего не сохранилось. Когда город был превращен в груды развалин, говорят, некий деревенский житель, по имени Херимон, охваченный сильной душевной скорбью и не будучи в состоянии пережить ее, совершил великое и удивительное дело. Неустрашенный ни длиной пути, ни величиной просьбы, не посчитавшись с тем, что, как казалось, он шел навстречу величайшей опасности, не приняв во внимание ни сомнительности задуманного, ни позаботившись о тех, кого он оставлял дома, ни о чем другом, что часто вынуждает людей переменять решения, он пришел не только в Рим, но и в страну Кантабров, расположенную где-то у берегов океана (там в это время находился кесарь, сражаясь с чужеземными народами), возвестил ему обо всем случившемся и так тронул императора, что он тотчас, выбрав семь консуляров среди наиболее знатных и богатых в Риме, с большой свитой послал [их] в колонию. И они, придя туда весьма быстро, захватив с собою большие средства и приложив величайшее старание, восстановили город сызнова и придали ему такой вид, какой он имеет теперь. Поэтому жители этого города теперь уже никак не могут называться пеласгами, а скорее римлянами, хотя язык их стал греческим и аттическим. Да и как они могли не сделать этого, проживая в Ионии? О том, что события произошли именно так, свидетельствует и местная история города, а еще больше надпись, которую я прочел, когда прибыл туда. На одном из окружавших город полей (Сидирус, или Железный, было название этой местности), откуда происходил Херимон, я увидел древнейший алтарь, на котором некогда, как кажется, стояла статуя Херимона. Теперь на нем ничего не осталось, но и до настоящего времени сохранилась вырезанная на жертвеннике стихотворная надпись, имеющая следующее содержание: «Херимон, когда отечество было разрушено землетрясением, помчался к берегам отдаленной Кантабрии и бросился к ногам великого кесаря; поэтому он снова отстроил разрушенные Траллы. За это соотечественники воздали благодарность, воздвигли эту статую, чтобы она стояла позади жертвенника, как восстановитель дорогого отечества». И дела Траллов, несомненно, обстояли таким образом. В это время многие ионические и эолийские города в Азии претерпевали подобные же бедствия.

18. Возвращаюсь к прерванному повествованию. Мне теперь нужно обратиться к стране лазов и персидским войнам, как они совершались в те времена.

Между римлянами и персами уже с давнего времени велась великая война, и часто они опустошали земли друг друга, то без какого-либо объявления войны совершая набеги, то сталкиваясь

многочисленными войсками в открытых сражениях. Незадолго до этого было заключено перемирие не с тем, однако, чтобы иметь полный мир и совершенно предотвратить опасность войны, но только на востоке, в пределах Армении, каждому народу был гарантирован мир. В пределах же Колхиды война продолжалась.^[36]

Лазы в древности назывались колхами. Что это действительно так, никто в этом не будет сомневаться, если он знаком с территорией Фазиса, Кавказом и знает о долговременном их проживании в этих местах. Говорят, что страна колхов является колонной египтян. Ибо гораздо раньше прибытия героев, которые сопровождали Язона, и даже раньше владычества ассирийцев и времен Нина и Семирамиды, Сестолис, египетский царь, собрав многочисленное войско из своих подданных, не только прошел и покорил всю Азию, но даже дошел до этой страны и известную часть войска тут оставил, откуда и идет начало рода Колхиды.^[37] Об этом свидетельствует Диодор Сицилийский и многие другие древние историки.^[38]

Итак, эти лазы, или колхи, или египтяне, перебившие свое местожительство, в наш век были тревожимы частыми войнами, и много сражений произошло в этих местностях. Ибо Хосров, царь персидский, вторгнувшись и уже захватив ряд очень выгодных позиций в этой стране, никак не хотел этим удовлетвориться, но считал необходимым подчинить своей власти и остальную часть страны. Юстиниан же, римский император, не считал ни правильным, ни справедливым оставить без помощи Губаза, бывшего в то время царем колхов, и весь народ, подчинившийся ему, дружественно настроенный, связанный единством религии. Мало того, он пытался как можно скорее и всеми силами изгнать отсюда врага. Ибо он испытывал и опасения, что если персы одержат верх в войне и овладеют всей страной, то у них уже не будет никаких препятствий к тому, чтобы, плавая без всяких опасений по Черному морю, вторгаться во внутренние области Римской империи. Поэтому он сосредоточил там величайшее и сильнейшее римское войско под начальством лучших своих полководцев. Ибо начальствовали над ним Бесса, Мартин и Буза, люди виднейшие и испытанные в многочисленных сражениях. Был послан даже Юстин, сын Германа, будучи еще очень юным, но уже опытным в военном деле.

19. Мермерой, вождь персов, дважды нападал на Археополь, но был отброшен. Обхожу молчанием некоторые другие действия, тем более, что Прокопий ритор об этом подробно говорит. Отсюда мне следует начинать изложение. Итак, тогда он [Мермерой] снова приходит к укреплениям Мухиризису и Котаисию с тем намерением, чтобы, обойдя трудно проходимые местности вокруг Телефиса, дойти до реки Фазиса, и когда римляне будут поражены его неожиданным приходом, попытаться каким-либо способом захватить укрепления, что было бы весьма трудно совершить, если бы он продвигался открытым и прямым путем.^[39]

Стратиг же Мартин, засев со своими войсками в Телефисе (это была сильная и весьма укрепленная преграда), тщательнейшим образом охранял проходы. И вообще это место было чрезвычайно трудно пройти. Ибо пропасти и обрывистые скалы, обращенные друг к другу, делали лежащую под ними тропинку весьма тесной, а другого подхода ни с какой стороны не было. Расположенные вокруг поля были чрезвычайно илистые и болотистые, покрыты густыми кустарниками и чащами, так что и одному легко вооруженному проход был весьма труден, тем более тяжело вооруженным массам. Сверх того, и римляне не жалели никакого труда и если находили какую-либо местность недостаточно безопасной, которую, казалось, можно было пройти, ее преграждали бревнами и камнями и постоянно над этим трудились. Когда Мермерой находился в затруднении в такой обстановке и много обдумывал положение, он пришел, наконец, к выводу, что, если он сможет каким-либо способом устранить охрану римлян и понемногу ослабить их бдительность, попытка пройти не будет совершенно безнадежной. Если враги будут непрерывно караулить местность, то невозможно преодолеть обе трудности. Если же они ослабят свою бдительность, и останется только преодолеть бездорожье и непроходимые пути превратить каким-либо образом в проходимые, то это он не считал совершенно невозможным. Он надеялся без особого труда пройти, вырубив и прочистив множеством рук чащи, подкопав и устранив мешающие [проходу] скалы. Поэтому для осуществления задуманного он идет на следующую хитрость. Он притворился внезапно заболевшим тяжелой и неизлечимой болезнью и слег, показывая вид, что испытывает величайшие страдания и оплакивает свою судьбу. Внезапно все войско охватило слух, что полководец весьма тяжело заболел и проживет недолго. От тех, которые предпочитали за плату служить противнику, предавая своих и выдавая военные секреты, истина скрывалась. План сохранялся самым надежным способом и не сообщался даже ближайшим друзьям. Обманутые только одними слухами, которые распространялись среди толпы, они [шпионы] сообщили об этом римлянам, которые легко этому поверили и не столько известию, сколько своему внутреннему желанию.

20. Они сейчас же ослабили свою ранее деятельную и постоянную заботу и небрежнее стали нести охрану. Спустя несколько дней было объявлено, что Мермерой умер. В действительности же он скрывался в одной хижине, притом так что и у самых близких его людей победило то же мнение. Тогда еще больше римлянам стало казаться излишним проводить бессонные ночи и чрезмерно трудиться. Вследствие этого, оставив заграждения и труды, которым для этой цели предавались, они стали вести распущенный образ жизни, спя целые ночи, проводя время в лагерях, не делая ничего нужного и прекратив даже высылать разведчиков. Они убедили себя, что персы, лишенные полководца, никоим образом против них не пойдут, мало того – уйдут как можно дальше. Узнав об этом, Мермерой внезапно отбрасывает хитрость и появляется перед персами таким же, каким бы и раньше. Тотчас же, с величайшей быстротой подняв все войско, искусно преодолев трудности пути, описанные раньше, он приближается к укреплению и уже угрожает римлянам, которые не могли защищаться, пораженные неожиданным поворотом дела. Тогда Мартин решил очистить этот пункт, прежде чем Мермерой совершенно проникнет внутрь и причинит римлянам великое зло. Ибо каким образом им, будучи немногочисленными, было возможно удержать множество врагов и не быть при первом же натиске уничтоженными.

Таким образом обманутые варварами, совершая позорнейшее отступление, они спешили соединиться с прочими войсками. Войско, которым командовали Бесса и Юстин, разбило лагерь в местности, расположенной недалеко от Телефиса,^[40] отстоящей от него на расстоянии только 7 стадий.^[41] Там нет ничего, кроме горшечного базара, откуда и название местности. По-римски эта местность называется Оллария – то же самое, что по-эллински – Хитрополия.^[42] Когда уже многие, опередившие других вместе с Мартином находились в безопасности, все полководцы решили, ожидая неприятеля, выстроиться там и противостоять ему, мешая его дальнейшему продвижению. В числе виднейших военачальников был некто по имени Феодор, происходящий из племени цанов, но воспитанный у римлян, отказавшийся от варварских, хотя и отечественных нравов и приобщившийся к их более высокой культуре. Итак, этот Феодор со своей дружиной (за ним следовало не менее 500 его соотечественников) еще оставался у Телефиса, так как ему было приказано Мартином уходить оттуда не раньше, чем увидит всех наступающих неприятелей и разведает, насколько возможно, их численность, их настроение и намерения.

21. Он же, смелый и на все способный, выполнил поручение и затем, когда увидел множество персов, входящих в укрепление, и установил, что они не останутся здесь, но одержимы желанием сражаться, тотчас начал отходить. Увидя на пути многих из римлян, не спешивших в Хитрополию, как это им было предписано, но врывающихся в жилища лазов, грабя там хлеб, полбу и прочее съедобное, пытался их отзывать, обвиняя в безрассудстве, как не сознающих, какой опасности они подвергаются. Те из них, кто был менее жаден и распущен, призванные к благоразумию, присоединялись к нему и медленно отступали. Феодору, однако, не было возможности своевременно уведомить полководцев, что Мермерой угрожает им. Персы же внезапно напали на некоторых, продавшихся грабежу, не прекращающих его и находящихся вне лагеря. Некоторые из них были убиты. Другие же опрометью бежали и внезапно ворвались в лагерь с шумом и жалобными воплями, так что неожиданностью всех привели в замешательство. Безмерно напуганные воины оставили лагерь. Военачальники же (войско не было еще выстроено в боевой порядок), боясь, чтобы варвары не напали на неподготовленных, отказались от ранее принятых решений и не знали, как действовать. Не было времени для выяснения обстановки, да этого не допускало само смятение умов. Поэтому, снявшись с равнины и увлекая за собой все войско, начали постыдное и беспорядочное отступление; бегство прекратилось только тогда, когда добрались до Острова.^[43] Отстоит же Остров от Телефиса приблизительно на 5 парасангов. Такой дневной переход совершили эти благородные воины в своем поспешном бегстве. Парасанг, по Геродоту и Ксенофону, составляет 30 стадий, а у иверов и персов – только 21. Так считают и лазы, но отнюдь не пользуются этим термином, а употребляют термин «передышка» и, по моему мнению, правильно. Ибо у них носильщики тяжестей, пройдя один парасанг, снимают с себя ношу и немного отдыхают, причем другие их сменяют по очереди и сколько раз это делают, на столько путь измеряют и делят. Но как бы ни называть парасанг. Остров отстоит от укрепления на 150 стадий. Местность эта сильно укреплена и трудно доступна, будучи окружена речными потоками. Ибо Фазис и Докон, стекая с Кавказских гор по различным руслам и вначале очень далеко отстоя друг от друга, здесь вследствие изменения местности постепенно сближаются друг с другом, отделяясь небольшим пространством, так что римляне, прорыв новое русло и преградив реку Фазис плотиной, направили его течение в Докон. Таким образом, обе эти реки в восточной части Острова соединяются и окружают местность. Отсюда они делятся, производя разные повороты и изгибы, и охватывают большое пространство. Пройдя дальше на запад, сближаются и

почти сливаются, так что все, ими охваченное, образует остров. Здесь-то и собрались римляне.

22. Мермерой же, придя в Хитрополию, сильно упрекал своих за трусость и неповиновение и решил дальше не двигаться и не нападать на Остров. Ибо он не мог ни доставить продовольствия такому войску во враждебной стране, ни быть готовым к осаде. Однако, не считая возможным возвращаться в Телефис при тамошнем бездорожье, он бревнами и специально для этого приготовленными лодками соединил берега Фазиса и, создав подобие моста, провел все войско без всякой помехи. Он разместил персов в укреплении Оногурис, которое раньше создал против римлян в окрестностях Археополя, воодушевил их, ввел туда другие силы, укрепил все, как мог, а затем возвратился в Котаисий и Мухиризис. ^[44] Пораженный болезнью и находясь в тяжелом положении, большую и сильнейшую часть своего войска он оставил там для охраны территории; сам же удалился в страну, называемую Иверией. С трудом доставленный в город, называемый Месхита, Мермерой, не будучи в силах перенести тяжести болезни, здесь действительно умер. Это был человек величайшего ума, сделавшийся виднейшим среди персов, опытнейший в военном деле, мужественный духом. Будучи уже престарелым и издавна хромя на обе ноги, он не мог ездить верхом, но лишения переносил, как сильнейший юноша, и не отказывался ни от каких подвигов, появлялся часто в строю, носимый на носилках, и этим внушая страх врагам и поднимая дух своих. Распоряжаясь всем должным образом, одержал много побед. Таким образом, полководческий дар зиждется не на силе тела, а на благоразумии. Тогда бездыханное и обнаженное тело Мермероя его близкие вынесли за город и оставили, по отцовскому обычаю, на растерзание нечистым псам и птицам, которые питаются трупами.

23. Такой способ погребения соблюдают персы и в результате этого после исчезновения мяса остаются голые кости, беспорядочно разбросанные по полям. Класть же умерших в какой-нибудь гроб или урну или погребать в земле совершенно запрещается. А если птицы быстро не налетают на труп или набросившиеся собаки быстро не растерзают его, то считают, что такой человек был порочных нравов, несправедлив и обречен на гибель, почему находится во власти злого божества. Тогда родственники еще больше оплакивают умершего, как совершенно погибшего и не имеющего надежды на лучшую долю. Кого же пожрут быстрее всех, того величают как самого счастливого, а его душу восхваляют, как наилучшую, богоподобную и отправляющуюся в места блаженства. Что же касается рядовых и простых людей, то если случится кому заболеть тяжелой болезнью в лагере, они выносятся еще дышащие и находящиеся в сознании. И когда кто-нибудь таким образом будет вынесен, рядом с ним кладется кусок хлеба, вода и палка, и пока он в состоянии принимать пищу и остается у него сколько-нибудь силы, он защищается этой палкой от нападающих на него животных и прогоняет пожирателей. Если же еще он не умер совершенно, а болезнь овладела им настолько, что он уже не в состоянии рукой двинуть, то пожирают несчастного полумертвого и испускающего последний издох и отнимают последнюю надежду выжить. Многие же, уже выздоровевшие, возвращаются домой как бы на сцене или в трагедии из врат тьмы, исхудалые, обезображенные и пугающие встречных своим видом. Если же кто возвращается таким образом, то от него все отвращаются и избегают как отлученного и еще находящегося под властью подземных богов, и вернуться к прежнему образу жизни ему разрешается не раньше, чем будет очищена магами скверна угрожавшей ему смерти и он не получит разрешения снова жить. Совершенно очевидно, что каждый народ считает лучшим и справедливейшим тот обычай, к которому привык за долгое время его существования, а поэтому избегает, осмеивает и не доверяет всему тому, что делается в его нарушение.

Изобретены равным образом у людей и объяснения и оправдания своих законов, разные у разных народов, иногда соответствующие истине, иногда приспособленные для легковверных. Поэтому, полагаю, нет ничего удивительного, что и пером, оправдывая существующие у них обычаи, пытаются доказать, что они наилучшие из всех существующих. Я же чрезвычайно удивляюсь тому, что древнейшие обитатели этой страны, будь это ассирияне, халдеи и мидяне, не придерживались этого. Ибо около города Ниневи и в Вавилонской стране и, наконец, в самой стране мидян существуют гробницы, могильные курганы некогда умерших, согласно нашему обычаю, а не какому-либо другому, и положены ли в них трупы или пепел, как это принято у эллинов, нигде во всяком случае нет ничего похожего на то, что сейчас там происходит.

24. Таким образом, они [раньше] не знали этого [обычая] относительно погребения, тем более беззакония относительно брака, каким они теперь злоупотребляют, живя бесстыдно не только с сестрами и племянницами, но отцы с дочерьми и, что особенно преступно – о законы, о природа! – сыновья со своими матерями. Что и это представляет их новшество, каждый ясно поймет из следующего. Говорят, что древняя ассирийская Семирамида дошла до такой распущенности, что

захотела жить со своим сыном Нином и соблазняла к этому юношу. Тот же отказывался и приходил в негодование и когда увидел, что она объята страстью и настаивает, то убил мать и избрал лучше это преступление, чем то. И, если бы это дозволено было законом, я полагаю, Нин никогда бы не прибегнул к такой жестокости. Но зачем говорить о слишком древнем? Незадолго до македонских времен и низвержения персов, говорят, Артаксеркс, сын Дария, хотя не убил свою мать Парисатиду, страдающую сходным с Семирамидой пороком и желающую сойтись с ним, но с гневом отказал и отверг ее, так как это нарушало благочестие, не соответствовало местным нравам и не было принято в общественной жизни.

Современные же [персы] пренебрегли почти всеми старыми обычаями и отбросили их, а соблюдают другие, сильно развращенные обычаи, прельщенные учением Зороастра, сына Ормузда. Нельзя точно установить, когда жил этот Зороастр, или Зорад (ибо у него двойное имя), и когда установил свои законы. Современные персы говорят просто и без всякого разъяснения что он жил при Гистаспе, что вызывает большое недоумение и не позволяет знать точно, был ли это отец Дария или другой какой Гистасп.

Однако в какое бы время ни процветал этот наставник и основатель священных обрядов магов, во всяком случае он изменил старые священные обычаи и создал разные порочные верования. В древности же они почитали Юпитера и Сатурна и всех прочих богов эллинов, с тем различием, что не сохранили того же названия, но Зевса называли Белом, Геракла Сандом, Афродиту Анаитидой и разных богов называли разными именами, как удостоверяют вавилонский Берос,^[45] Атенокл, Симак, описавшие древнейшую историю ассирийцев и мидян.

Теперь же в большинстве вопросов сходятся с манихеями, поскольку признают два первых начала: одно – доброе и порождающее самое лучшее, а другое, – противоположное в обоих отношениях. Дают им варварские названия, заимствованные из их языка. Доброе начало – божество, или демиург, – они называют Ормуздом, злое и вредоносное – Ариманом. Справляют праздники; главный из них называют уничтожением зла; тогда доставляют магам множество убитых змей и других диких животных, живущих в пустыне, как бы в доказательство благочестия.

Они верят, что совершают этим доброе дело, угодное доброму божеству и негодное и вредное для Аримана. В особенности почитают воду, так что не моют ею даже лицо и другим образом не касаются, за исключением питья и поливки растений.

25. Называют и почитают многих и других богов по эллинскому обычаю. Жертвоприношения, очищения и пророчества делаются также по эллинскому обычаю. Огонь у них также почитается и считается величайшей святыней. Поэтому маги сохраняют его неугасимым в священных уединенных зданиях и, взирая на него, совершают тайные священнодействия и вопрошают относительно будущего. Это, полагаю, перенято или от халдеев, или от другого какого-либо народа и не соответствует остальному.

Таким образом, вера их, заимствованная у многих народов, является весьма разнородной. И, мне представляется, это произошло не случайно. Я не знаю другого государства, которое подвергалось бы таким многочисленным и разнообразным переменам. Оно не могло длительный срок оставаться в одном и том же состоянии, и так как в нем господствовали многочисленные и разные народы, то, естественно, оно и сохраняет памятники различных верований и законов. Первыми, о которых мы слышали, ассирияне, говорят, овладели [народами] всей Азии, за исключением индусов, живущих по ту сторону Ганга.

Кажется, что Нин первым создал там прочную власть, а за ним Семирамида и, наконец, все их потомки до Бела, сына Деркетата. Когда со смертью этого Бела прекратилось потомство Семирамиды, некий Велитор садовник, попечитель и начальник царских садов, удивительным образом присвоил себе власть и передал своему роду, как пишут Бион и Александр Полигистор.^[46]

В царствование Сарданапала, как они пишут, когда царство ослабело. Арбах (мидянин) и Велизис (вавилонянин) отняли власть у ассирийцев, умертвив их царя, и передали мидийскому народу, когда прошло свыше тысячи трехсот шести лет или немного более с того времени, как Нин захватил там верховную власть. В этом с летописцем^[47] Ктесием, Книдянином согласен и Диодор Сицилийский. Итак, мидяне снова достигли власти, и все устанавливалось по их законам. Когда и они владели властью не меньше 300 лет, Кир, сын Камбиза, победив Астиага, передал власть персам. И как ему этого не сделать, если он и сам был перс, и одновременно враждебен мидянам из-за столкновения с Астиагом. И персидские цари правили двести двадцать восемь лет. Однако и их царство было совершенно уничтожено иностранным войском и чужеземным царем. Ибо Александр, сын Филиппа, убил царя Дария, сына Арсама, покорил всю Персию и ввел [ее] в состав Македонского государства. Он был так славен величием совершенных деяний и непобедим в войне, что даже когда умер, его

преемники, также македоняне, весьма долго удерживали чужую и враждебную [страну] и достигли большого могущества.

И я полагаю даже, что они правили бы до настоящего дня и удерживали бы власть, укрепленные славой основателя, если бы не подорвали свое могущество взаимными распрями и частыми войнами как между собою, так и с римлянами ради приобретения большего, так что перестали казаться соседям неодолимыми. Тем не менее держали власть немногим менее мидян, меньше только на семь лет (так как и в этом следует верить Полигистору). После того как они правили столько времени, они были лишены власти парфянами, народом, ранее подвластным им и совершенно неизвестным. И затем те управляли всем царством, кроме Египта. Главой восстания против них был Арсак, так что его преемники назывались арсакидами, а Митридат немного спустя сделал имя парфян еще более славным.

26. Свыше двухсот семидесяти лет прошло от первого Арсака до Артабана, последнего царя, когда дела римлян управлялись Александром, сыном Маммеи. В это время там начал правление род современного нам Хосрова. Тогда персидское государство, существующее до настоящего времени, получило начало и первоначальное свое устройство. Некто Артаксар по имени, персидский муж, вначале совершенно никому не известный и ничем не знаменитый, но весьма энергичный и способный к великим деяниям и весьма пригодный для низвержения существующего, собрал заговорщиков, напал на царя Артабана и убил его, возложив на самого себя кидар,^[48] и, уничтожив могущество парфян, снова возвратил персам их царство. Он был привержен к учению магов и совершал их таинства. С того времени усиливается и род магов и преисполняется гордыней. Таким он был и раньше и издревле сохранял эту репутацию, но не поднимался еще до такого почета и такой свободы; иногда же был и презираем находящимися у власти. Это показывает следующее. Когда Смердис, некий маг, захватил власть после Камбиза, сына Кира, персы, поддерживавшие Дария, не сочли происшедшее непоправимым, но убили самого Смердиса и множество тех, кто оказались его единомышленниками, так как непозволительно магам посягать на царский престол и устраивать козни. Эти убийства казались им не только не преступными, но и достойными увековечения, так как они в память этого возмущения установили празднество под названием «избиение магов» и приносили в память этого события благодарственные жертвы.

Теперь же все их [магов] почитают и превозносят и все общественные дела устраиваются по их советам и предсказаниям. Каждому частному лицу, когда дело касается суда или других случаев, они предписывают и навязывают то, что нужно сделать. И вообще у персов ничего не признается законным и справедливым, если оно не одобрено магом.

27. Говорят, что мать Артаксара вышла замуж за некоего Пабека, совершенно незнатного человека, сапожника по профессии, но хорошо изучившего движение звезд, который легко мог предугадывать будущее. Некий военный человек по имени Сасан, случайно совершая путь по стране Кадусеев, пользовался гостеприимством у Пабека и находился в его жилище. Тот же каким-то образом (думаю, как предсказатель) предугадал, что потомство гостя будет знаменитейшим и известнейшим и достигнет великого счастья. Он печалился и скорбел, что у него нет ни дочери, ни сестры, никакой другой женщины, близкой родственницы, и наконец уступил ему свое ложе и свел его со своей женой, необычайно смело пренебрегая стыдом, променяв бесчестье и позор на предстоящий в будущем жребий. Так родился Артаксар и был воспитан Пабеком. Когда же, став юношей, он весьма храбро захватил царскую власть, тотчас возник спор и жестокая ссора между Сасаном и Пабеком. Каждая сторона хотела назвать его своим сыном. С трудом оба согласились на том, чтобы он действительно назывался сыном Пабека, но рожденным от семени Сасана. Говоря о таком происхождении Артаксара, персы утверждают, что оно истинно и что так записано в царских пергаментях. Я перечислю немного позже и имена всех, которые царствовали после него и к этому [добавлю], сколько времени каждый царствовал, хотя это опускалось всеми историками до настоящего времени, и они не считали важным исследовать это. Но цари римлян, начиная от Ромула и еще раньше, от Энея, сына Анхиза, перечисляются до Анастасия и Юстина Старшего. Цари же персов, – я говорю о тех, которые царствовали после изгнания парфян, – противопологаемые друг другу, не разделяются подобным образом хронологическими датами. А это должно сделать. Я тщательным образом собрал о них то, что записано ими самими, и полагаю, что перечисление всех принесет большую пользу настоящей работе.

Сделаю это в дальнейшем, когда сочту необходимым, хотя предстоит дать голые перечисления многих имен, притом варварских, причем некоторые из них не совершили ничего, достойного упоминания. А в настоящее время скажу только одно ради ясности и запоминания, что в двадцать пятый год царствования Хосрова кончается триста девятнадцатый год [этого периода]. В то время

велись войны в стране колхов и приключилась смерть Мермероя. Тогда же шел двадцать восьмой год управления римлянами императором Юстинианом.

28. Прежде чем перейти к дальнейшему, остановлюсь немного на Хосрове. Ибо его восхваляют и удивляются ему не по его заслугам не только персы, но даже некоторые и римляне, как любителю наук, достигшему вершин философии, причем эллинские произведения были ему переведены на персидский язык, и даже говорят, что он изучил Стагирита лучше, чем пеанийский оратор^[49] сына Олора,^[50] что он насыщен учениями Платона, сына Аристона, что от него не ускользнули ни Тимей, хотя последний весьма богат геометрическими теориями и исследует движения природы, ни Федон, ни Горгий и никакой другой из красивейших и труднейших диалогов, такой, скажем, как Парменид. Я, однако, отнюдь не считаю, что он получил такое прекрасное образование и даже достиг его вершины. Каким образом эта чистота старых имен, естественная грация, соответствующая и приспособленная к природе самих вещей, могла быть сохранена варварским и грубейшим языком? Каким образом человек, воспитанный с детских лет в царской гордыне и постоянной лести, ведя образ жизни самый варварский, стремящийся к войнам и сражениям, – каким образом, живя так, он мог добиться крупных и достойных упоминания успехов в науках и упражняться в них? Если кто его похвалит за то, что, будучи царем и персом, имея заботу о стольких народах и делах, он все же стремился в некоторой степени вкусить научного знания и гордился этим, то за это я удостоил бы человека похвалы и предпочел бы прочим варварам. Если же его называют весьма ученым и почти что превосходящим всех когда-либо занимавшихся философией и считают, что якобы он изучил начала и законы всех искусств и наук в таком размере, какой перипатетики определяют для образованнейших, то все думающие так весьма ошибаются, не заботясь об истине, а следуя только мнению толпы.

29. Был некий человек, сириец родом, по имени Ураний. Он бродил по столице, объявляя, что он занимается медицинским делом. Из аристотелевских же учений он основательно ничего не знал, а хвалился, что знает много кичась своим задором на собраниях. И часто, приходя к портикам дворца и сидя в книжных лавках, он спорил и величался перед собравшимися там и ведущими обычные споры о божестве, какова его природа и сущность, доступно ли оно страданиям, о неслиянии и тому подобном. Громадное большинство спорящих не очень усердно посещало грамматические школы и не отличалось безукоризненной жизнью; тем по менее [оно] считает легким и самым сподручным [делом] перепрыгнуть, так сказать, через порог и заниматься рассуждениями о божестве – предмете, столь недоступном и возвышенном, превышающем [разум] человека, о котором можно знать только одно то, что оно непознаваемо.

Поэтому они постоянно собираются вместе поздно вечером, после попойки и невоздержанности, и начинают разглагольствовать, как им заблагорассудится, о возвышенных и божественных предметах, всегда болтая одно и то же. Они не убеждают друг друга, упорно держатся своих мнений при всяких обстоятельствах, в споре злятся друг на друга, бросают друг другу открытые оскорбления, издавая отвратительные звуки, как играющие в кости. Так кончаются у них споры и они с трудом расходятся, не приобретя и не дав ничего полезного и становясь вместо друзей отъявленными врагами. Среди них первое место занимал этот Ураний, не переставая разглагольствовать и извергать брань, как Терсит у Гомера.^[51] Хотя не было у него никаких прочных суждений о божестве, и он не знал, какие следует противопоставить в спорах аргументы, но он то возражал против первого тезиса спора, то вместо ответа задавал встречный вопрос о предмете спора, не позволяя, чтобы спор шел упорядоченно, но запутывал и ясное и добивался, чтобы истина не была найдена. Он желал поддержать так называемое скептическое учение, давать ответы по Пиррону и Сексту и, наконец, внести положение, что нельзя знать ничего достоверного.^[52] Но и это учение он не усвоил должным образом, а только получил самое незначительное знакомство с ним, чтобы иметь возможность обманывать и водить за нос не получивших никакого образования. Будучи невежественным в науках, он еще более был невежествен в жизни. Придя в дома богачей и пожирая нещадно наиболее изысканные кушанья и часто общаясь с фириклийским кубком, произнося вследствие опьянения самые бесстыдные и непристойные слова, он вызывал сильный смех, так что, случалось, и бывал бит по щекам; в лицо его бросались чаши и всякие смешанные остатки обеда. Он был общим посмешищем для пирующих, не меньшим, чем скоморохи и мимы.

И вот, будучи таким, Ураний явился как-то к персам, захваченный послом Арсовиндом. Будучи обманщиком, человеком, приспособляющимся к обстоятельствам и способным приписать себе несуществующие достоинства, он тотчас же облекся в достойнейшую одежду, которую у нас надевают ученые и учителя наук. Так, с торжественным и важным видом он появляется перед Хосровом. Тот, пораженный новизною зрелища и вообразив, что имеет дело с чем-то священным и что он на самом деле философ (ибо он так и назывался), принял его с радостью и

благожелательностью. А затем, созвав магов, вступил с ним в собеседование о творении и природе, о том, является ли все существующее вечным и можно ли признавать единое начало всего существующего.

30. Ураний и тогда не сказал ничего дельного, не установил и единого начала. Одним только тем, что был быстр и весьма болтлив, как Сократ говорит в «Горгии», «сам ничего не зная среди ничего незнающих», одержал победу. Этот глупый шут так воздействовал на царя, что тот одарил его множеством денег и удостоил пить за его здоровье, пригласив к своему столу. Этого еще не случалось ни с кем другим и он часто клялся, что никогда не видел подобного мужа, хотя раньше он действительно видел самых лучших философов, пришедших отсюда к нему. Действительно, немного раньше этого Дамасский сириец, Симплиций киликиянин, Евлалий фригиец, Прискиан лидиец, Гермий и Диоген финикияне^[53] представляли, выражаясь поэтическим языком, цвет и вершину всех занимающихся философией в наше время. Они не приняли господствовавшего у римлян учения о божестве и полагали, что персидское государство много лучше, будучи убеждены в том, что внушалось им многими, а именно, что там власть справедливее, такая, какую описывает Платон, когда философия и царство объединяются в одно целое, что подданные все без исключения разумны и честны, что там не бывает ни воров, ни грабителей и не претерпевают никакой другой несправедливости, так что если кто-нибудь оставил свое ценное имущество в самом пустынном месте, то его не возьмет никто, случившийся в том месте, но оно останется в целостности, если и не охранялось, для оставившего его, когда этот возвратится. Они были убеждены в этом, как в истине. К тому же им запрещено было и законами, как не принявшим установленных верований, оставаться в безопасности дома. Поэтому они немедленно собрались и отправились к чужим, живущим по совершенно другим обычаям, чтобы жить там в дальнейшем. Там все они скоро увидели, что начальствующие лица слишком горды, непомерно напыщены, почувствовали к ним отвращение и порицали их.

Затем увидели много воров и грабителей, из которых одних ловили, другие скрывались. Творились и всякие другие беззакония. Богатые притесняли убогих. В отношениях друг с другом [персы] обычно были жестоки и бесчеловечны, и, что бессмысленнее всего, они не воздерживались от прелюбодеяний, хотя позволено каждому иметь сколько угодно жен, и они действительно их имеют. По всем этим причинам философы были недовольны и винили себя за переселение.

31. Когда же переговоры с царем, то и тут обманулись в надежде, найдя человека, кичившегося знаниями философии, но о возвышенном ничего не слышавшего. Мнения их не совпадали. Он придерживался других [взглядов], о которых я уже упоминал. Не перенеся неистовств кровосмесительных связей, они вернулись как можно скорее, хотя он их почитал и приглашал остаться. Они же считали, что для них будет лучше, вступив в римские пределы немедленно, если так случится, умереть, чем [оставаясь там] удостоиться величайших почестей. Так, они все вернулись домой, сказав прощай гостеприимству варвара. Получили, однако, и пользу от пребывания вне отечества и [в деле] не кратковременном и малом, но благодаря этому вся их последующая жизнь протекла мирно и сообразно их желанию. Когда в это время римляне и персы заключили между собою договор о мире, то в условия мира было включено положение, что эти люди, по возвращении их к своим, должны жить в дальнейшем без всякой боязни и чтобы их не вынуждали изменять свои убеждения, принимать какие-либо верования, кроме тех, которые сами одобряют. Хосров оговорил, что мир будет иметь силу не иначе, как при этом условии. Говорят, что на обратном пути с ними приключилось нечто удивительное и достойное памяти. Ибо, когда они отдыхали в одной персидской местности, они заметили там труп человека, недавно умершего, брошенного непогребенным. Тогда они, возмущенные жестокостью варварского обычая и считая непристойным видеть так оскорбляемую природу, при помощи своих слуг покрыли, как могли, труп и погребли, предав земле. Когда в эту ночь все заснули, одному из них (я не могу назвать его имя) снилось, что он видит старого человека, совершенно неизвестного и которого нельзя было узнать, но почтенного и достойного уважения, напоминающего философа видом своей одежды и длинной свисающей вниз бородой, который выкрикнул ему, как бы приказывая и увещевая, следующее изречение: «Не погребай того, кто не подлежит погребению. Не препятствуй, чтобы труп сделался пищей собак. Мать всех – земля – не принимает человека, насильствовавшего свою мать». Он, быстро пробудившись от страха, рассказал о сновидении прочим. Они же вначале недоумевали, что означает этот сон. Когда, поднявшись рано утром, они продолжали намеченный путь, проходя ту местность, – так требовало местоположение, – где они наскоро совершили погребение, они увидели обнаженного мертвеца, снова лежащего на поверхности, как будто земля его каким-то образом автоматически выбросила на поверхность и не позволила схоронить его нерастерзанным. Пораженные необычным зрелищем, не делая уже никаких

попыток применять свои обычаи, они обдумали сон и истолковали в том смысле, что персы несут наказание и мучение оставаться непогребенными и по заслугам быть растерзанными собаками за невоздержанность по отношению к матерям.

32. Ознакомившись с этими людьми, Хосров все же еще больше полюбил Урания и нуждался в нем. Причина же этого, как я думаю, коренится в свойствах человеческого рода. Тех, кто к нам ближе подходит и походит на нас, мы привыкли считать друзьями и наилучшими людьми, а превосходящих нас чуждаться и отвращаться от них. Поэтому, когда тот возвратился сюда, [царь] дал ему дружественные письма, величая своим наставником. Тот и раньше был невыносим, теперь же он был опьянен воспоминанием о дружбе царя: на всех пирушках и собраниях он надоедал всем, не желая петь никакой другой песни, кроме как о почтении, которым удостоил его Хосров, и о тех разговорах, которые они вели. И этот «благородный» человек вернулся еще более глупым, чем был раньше, как будто ради этого он проделал такой длинный путь. И хотя на деле он был человеком самым пустым и достойным посмеяния, однако тем,, что варвар его часто прославлял и хвалил, он внедрял у многих глубокое убеждение в своей выдающейся учености. Те, кто воспринимает все легкомысленно, не вникая, кто хвалит, кого хвалит и за что, и прислушивается жадными ушами к незнакомым вещам и нелепым рассказам, легко верят им, особенно если они сообщаются с важностью и апломбом. Можно по справедливости удивляться Хосрову за его подготовку войск, хорошее управление ими и в особенности за постоянный боевой труд, так как он не отступал ни перед какими трудностями, ни перед старческой слабостью. В науках же и философии он должен быть признаваем таким, каким по справедливости является объявляющий себя товарищем и учеником этого Урания.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. Об учреждениях персов, различных переменах в их государстве и о том, что я считал нужным сказать о Хосрове и его роде, все это рассказано, может быть, в более растянутом, чем нужно, изложении, притом, не связанном с предыдущим, но [рассказ этот] показался мне не лишним, не бесполезным, а таким, в каком, как мне кажется, приятное соединено с полезным. Поскольку это зависит от меня, я желаю и больше всего добиваюсь, как говорится, соединения харит с музами. Я следую отнюдь не добровольно тяготеющей надо мной необходимости, хотя желания и влекут меня к иному. Писание истории является делом величайшим, святейшим, стоящим выше всякого другого занятия. [Для меня же], сказала бы беотийская лира, оно является побочным делом жизненного пути и я не имею возможности заниматься тем, чем я больше всего желал бы. Мне следовало бы ради подражания прилежнее перечитывать древних мудрецов, узнавать и выбирать все, могущее принести пользу, и быть для этого свободным и избавленным от других работ. Я же, наоборот, просиживаю у императорского портика с раннего утра и до захода солнца, изучаю и объясняю документы, связанные с судебными делами и процессами. Я чрезвычайно страдаю, когда меня беспокоят ими, и в то же время скорблю, когда не беспокоят, так как без труда и беспокойства мне невозможно обеспечить себя достаточно необходимым для жизни. Но если дело и обстоит так, я все же, поскольку это зависит от меня, не успокоюсь и не перестану заниматься любимым делом, если бы даже кто-нибудь меня и упрекал, что я берусь за дело, превышающее мои силы, и, как говорится, начинаю дело с конца, если бы даже мои труды показались кому-либо совершенно лживыми и пустыми порождениями рассеянного духа; мне самому, однако, как это бывает у наиболее неопытных певцов, они все равно не перестанут нравиться. Да чтобы не нарушать приличия слишком длинными отступлениями и экскурсами, необходимо вернуться к колхидским войнам и к прежней теме.

2. В двадцать пятый год царствования Хосрова, когда война велась в области Колхиды и Мермерой умер, пошел двадцать девятый год управления императора Юстиниана римлянами. Когда Хосрову было сообщено о смерти Мермероя, он, естественно, был очень опечален и обеспокоен этим несчастьем. А чтобы войско в Лазике не оставалось без вождя, он тотчас поставил во главе его Нахогарана, одного из самых знаменитых и знатных своих людей.

Когда тот, приготовив все необходимое, направился в путь, в Колхиде произошло удивительное и постыдное событие. После того как римляне, предавшись постыдному бегству, как об этом выше было сказано, оставили даже часть своего обоза для разграбления врагам, Губаз, царь лазов, считал, что нельзя переносить такого позора, и боясь, чтобы в будущем не произошло чего-нибудь еще более преступного, тотчас оповестил обо всем Юстиниана, обвиняя военачальников, возлагая всю вину на их глупость, в особенности обвиняя Бессу, затем Мартина и Рустика. Этот Рустик по происхождению был эллино-галатом. В войске он находился не в качестве стратига или таксиарха и вообще не имел никакой военной должности. Он был только одним из служащих императорского казначейства,

пришел не из того ведомства, в котором собирались общественные налоги (это было поручено другому), но того ведомства императорской сокровищницы, откуда посылались средства для награждения отличившихся в боях. Поэтому этот человек не играл второстепенной роли, но был среди наиболее авторитетных людей, так что ему сообщались военные тайны, а распоряжения вождей тогда только считались действительными и должны были быть выполнены, когда это ему было угодно. Юстиниан уже раньше был недоволен Бессой. Ему надлежало по взятии крепости Петры до прихода Мермероя загородить, как можно более тщательно, все проходы из Иверии.^[54] Он мог с этой стороны сделать недоступными для варваров горы Лазики. Этому способствовала сама природа местности. Он же всем этим по небрежности пренебрег, занятый объездом вверенных ему городов и вымогательством у них денег. Вспомнив об этом, когда до него дошло новое обвинение, Юстиниан легко ему поверил. Бесса был немедленно лишен власти. Имущество его было конфисковано. Он был выслан в страну абасгов и там должен был оставаться, выжидая дальнейших о нем распоряжений. На Мартина [император] был сильно рассержен, однако оставил ему высшее командование. Среди военачальников он был первым, Юстин вторым, Буза после него и затем по порядку все остальные. И раньше никогда Мартин и Рустик не относились к Губазу чистосердечно, но глубокое и жестокое соперничество, едва прикрытое, разгоралось между ними, хотя еще не вылилось в открытый пожар. Началось оно завистью и клеветой, а затем было подогрето и увеличено постоянным и безрассудным подозрением. Рассматривая все его действия с предвзятой точки зрения и муча этим себя, они питали и укрепляли соперничество. Губаз знал об их ненависти к нему и подозрениях и, вызванный на ответную ненависть, часто называл их трусами и хвастунами, которые не заботятся о серьезных делах. На пирушках перед собеседниками он настойчиво выражал свое негодование, и если к нему приходило посольство от соседних народов, и тогда он не скрывал своих нападков на них и не умалчивал ни о чем. Они же, не перенося этого, разгневанные его доносом императору и считая, что он не прекратит доносов, если они еще допустят ошибки, решили устранить Губазу, чтобы этим отомстить за полученные обиды и освободить себя от всяких опасений на будущее время.^[55]

3. Обсудив тщательно между собою этот вопрос, и, наконец, придя к выводу, что прежде чем убить его, нужно попробовать заручиться согласием императора, они посылают в Византию Иоанна, брата Рустика, сообщить императору, что Губаз изобличен в благожелательном расположении к Персии. И вот Иоанн, добившись тайной аудиенции у императора, оклеветал Губазу, как уже отпавшего от римлян, и утверждал, что он скоро предоставит персам всю страну, если только каким-нибудь способом ему не помешают в этом. Император был поражен этим неожиданным известием, но не поверил ему полностью. Придерживаясь средней линии, он сказал: «Позаботьтесь, чтобы этот человек был здесь». Иоанн же, боясь, чтобы не раскрылась клевета, когда тот придет, сказал: «Будет исполнено, господин. Однако, что нам делать, если он не пожелает добровольно отправиться сюда?». – «Нужно принудить, как подданного, – ответил император, – нужно употребить все средства прислать его сюда». Иоанн тотчас оборвал его: «Если он, принуждаемый, будет сопротивляться, то что делать с ним?» – «Что же другое, как то, что полагается с тираном; пусть погибнет жалкой смертью», – ответил император. «Следовательно, – сказал Иоанн, – тому нечего бояться, кто его убьет?» – «Нечего, – ответил император, – если погибнет как враг при сопротивлении и непослушании». Так ответил император и приблизительно то же написал начальникам войск. Иоанн ничего больше на узнавал и, считая, что его желание удовлетворено полностью, тотчас возвращается к колхам, везя это письмо. Мартин и Рустик, прочитав письмо, решили, что дело хорошо подготовлено, и тотчас приступили к его осуществлению. Итак, они призвали Юстина и Бузу, скрыли задуманное и заявили, что нужно как можно скорее идти к Губазу и обсудить с ним совместный поход против персов в Оногурис. Те поверили и отправились вместе. Их сопровождал небольшой отряд войска. Когда несчастный Губаз узнал, что к нему идут начальники войска, то, не подозревая никакой опасности, он вышел к ним навстречу у реки Хоб, беззаботный, ничего не опасаясь, сопровождаемый немногими своими, да и то невооруженными и не приготовленными к бою. Ведь он шел к друзьям и близким, не к врагам, а к защитникам страны от иноземных врагов.

4. Итак, все, сидя на лошадях, рассуждали о делах. Тогда Рустик сказал: «Ты, Губаз, должен присоединиться к нашему походу против персов и взять на себя часть наших трудов против тех, которые занимают Оногурис. Позорно терпеть их пребывание внутри нашей страны, в особенности, когда они чрезвычайно малочисленны и не могут состязаться с нами». Губаз ответил: «Вам одним, добрые люди, необходимо над этим поработать, так как вы одни являетесь виновниками того, что случилось. Ибо если бы вы не были поражены какой-то внезапной спячкой и распушенностью в ведении дел, то ни укрепление это не было бы окружено стеной, ни вы не были бы охвачены таким

позорным и постыдным бегством, и вообще ничего не случилось бы недостойного. Теперь же, если вы, как говорите, желаете славы, и если вы имеете мысли, достойные военачальников, это служебное преступление вами же должно быть исправлено. Я никогда за вами не последую и не приму участия в войне, пока все, что вами упущено, не будет вами же и исправлено». Как только это было сказано, как будто бы это возражение было признаком отпадения на сторону персов, очевидного и сознательного стремления к тирании, вышеупомянутый Иоанн, явившийся вестником зла, тотчас же выхватил кинжал, поразил Губаза в грудь, но еще не смертельно. Тот же, у которого обе ноги свисали с лошади, сразу упал на землю, не столько, думаю, от силы удара, сколько от неожиданности. Один из дорифоров Рустика, выполняя приказ, ударом меча по голове окончательно добил его, барахтающегося по земле и пытающегося встать. Таким образом был убит Губаз и по указанным причинам, как о том рассказывают люди, наиболее осведомленные. Юстин и Буза, конечно, скорбели и негодовали, считая случившееся ужасным преступлением. Однако они сохраняли молчание, думая, что это – выполнение определенного приказания Юстиниана. Все же войско лазов было охвачено огромным негодованием и скорбью, так что впредь не хотело ни соединиться с римлянами, ни воевать вместе с ними. Похоронив убитого по своему обряду, они не принимали никакого участия в войне, считая себя жестоко оскорбленными и потерявшими отечественную славу.

5. Лазы – народ очень многочисленный и воинственный. Они властвуют над многими другими племенами. Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают и, может быть, не совсем без основания. Среди народов, находящихся под чужой властью, я не видел никакого другого, столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благопристойностью и прямою нравов. Впрочем, в старину жители [Лазики] были совершенно незнакомы с благами, которые приносит море, они не слышали даже названия корабль, пока туда не прибыл известный [корабль] Арго. В настоящее же время колхи совершают морские путешествия, когда это возможно, и извлекают выгоду из торговли. Их, наконец, никак нельзя назвать варварами и не так они живут, но общением с римлянами они приведены к гражданственности и законному порядку. Так что если отбросить «медных быков» [легенды], рождение людей землей и прочие баснословные и невероятные сказки, которые выдуманы поэтами об Айте, то настоящее положение вещей там можно признать гораздо лучшим, чем раньше.^[56] Таковы лазы. Естественно, они считали, что им нанесена невыносимая обида, что они несправедливо лишены своего царя. Римляне же по наущению Мартина приготовились немедленно всеми силами напасть на персов, осадив Оногурис.^[57] Местность эта свое имя получила в старину, когда, по всей вероятности, гунны, называемые оногурами, в этом самом месте сразились с колхами и были побеждены, и это имя в качестве монумента и трофея было присвоено туземцами. Теперь же большинством оно называется не так, но по имени воздвигнутого тут храма святого Стефана, который, говорят, первым выдержал добровольное состязание за людей, приверженных к христианству, и был побит камнями его противниками. Но нам, думаю, ничто не помешает воспользоваться старым названием, что и больше подобает истории. И так, римское войско готовилось к походу против Оногуриса. Главные виновники убийства особенно на этом настаивали, надеясь легко овладеть этим укреплением, а также на то, что император, даже узнав об их обмане, не очень на них разгневался, и конечным успехом с них будет снято всякое обвинение. Итак, военачальники и войска, расположившись лагерем в Археополе, готовили так называемые черепахи и машины для метания огромных камней и другие подобные орудия для штурма стен, если это понадобится. Черепаха – сооружение, сплетенное из прутьев, с кровлей, непроницаемое вследствие частоты прутьев, со всех сторон прикрывающее входящих в него людей. Сверху и со всех сторон сооружение покрывают шкурами, чтобы оно было крепче и защищало от копий. Люди же внутри, находясь в безопасности, незаметно подвигают его, куда хотят. Когда же оно придвигается к башне или стене, находящиеся в нем подкапывают землю и, вынимая ее, обнажают фундамент, а затем, непрерывно работая ломом и молотом, подрывают и расшатывают основание. Так римляне готовились к осаде.

6. В это время был захвачен оруженосцами Юстина один перс, пробиравшийся в укрепление. Доставленный в лагерь и подвергнутый сечению, он был вынужден правдиво рассказать о планах своих и показал, что Нахогаран уже прибыл в Иверию. Он послан им воодушевить войско, находящееся здесь, сообщением, что полководец скоро прибудет. Он сказал, что персы, находящиеся в Мухиризисе и Котаисии, в скором времени прибудут сюда помочь своим соотечественникам. Они уже знают о нашем [римлян] походе. Когда это было сказано, римские военачальники немедленно начали совещаться о положении дел. Буза предлагал со всем войском идти навстречу наступающим врагам. Вследствие своей малочисленности они, по всей вероятности, будут побеждены, и тогда, несомненно,

сдадутся очень скоро и находящиеся в укреплении, будучи лишены помощи. Если же они и будут сопротивляться, то без всякого труда будут подавлены. Это предложение понравилось даже Улигангу, вождю герулов. Он часто повторял поговорку, варварскую и незамысловатую, но дельную и полезную, что нужно сначала раздавить пчел, а затем с удобством собирать мед. Рустик же, сделавшийся самоуверенным и наглым, как думаю, вследствие своего преступления и вследствие того, что сговор с Мартином придавал ему духу, осыпал Бузу открытыми насмешками и словесными оскорблениями, говоря, что он никогда не подавал разумных советов. Он считал наилучшим никогда не подвергать войско ненужному труду. Нужно всеми силами напасть на укрепление и захватить его без больших трудностей и предупредить, таким образом, врагов извне, небольшой же отряд, если нужно, послать против неприятеля, чтобы задержать быстроту их продвижения. Разумеется, план Бузы был гораздо лучше и более соответствовал и положению дел, лучшему способу военного искусства, и соединял предприимчивость с безопасностью. Но так как, вероятно, все принимали участие в преступлении, присоединившись и последовав за преступниками, то победило худшее и вредное мнение для того, чтобы немедленно последовало наказание. Против персов, наступающих из Мухиризиса, было послано не более 600 всадников. Начальствовали над ними Дабрагез и Усигард, оба варвары по происхождению, но поставленные во главе римских когорт. Все же остальные вместе с начальниками, подойдя к укреплению, немедленно принялись за дело. Придвинув машины, пытались пробить ворота и, окружив всем множеством стены, метали копья. Персы же, прикрываясь зубцами стен, всеми силами отражали их, как этого требовала обстановка, осыпая римлян камнями и удерживая внешние укрепления. Подвешивая сверху ткани и покрываясь ими, они ослабляли этим силу ударов, которые ими везде отражались. С обеих сторон сражались с величайшими воодушевлением и ожесточением. Казалось, скорее происходит битва, чем осада, настолько велико было с обеих сторон военное воодушевление и проявление военных подвигов. Одни сражались за свою жизнь, которой угрожала немалая опасность, другие же считали позором уйти без результата, раз уже произведено нападение, не взяв укрепления, не освободив Археополя от вражеского соседства.

7. В это время другой отряд персов – три тысячи хорошо обученных всадников, – выступив из Котаисия и Мухиризиса, приближался к Оногурису. Они двигались неосторожно, не ожидая никаких враждебных действий против себя. Внезапно на них наскочили Дабрагез и Усигард со своими всадниками и тотчас обратили в бегство их, расстроенных этим внезапным нападением. Когда это стало известно осаждающим крепость римлянам, они стали штурмовать с большим жаром. Со стен стащили прикрития и без всякого порядка, во многих местах перебравшись через стены, рассеялись по укреплению, надеясь на легкий грабеж, так как внешние враги были прогнаны и никто им внутри не угрожал. Но шедшие на выручку, как скоро узнали, что не все римское войско напало на них, что только немногие, притом скорее разведчики, чем настоящие воины, внезапно издав громкий крик, бросились [на римлян]. Те, не выдержав такой перемены, перешли к обороне, а затем обратились в поспешное бегство. Персы преследовали их на близком расстоянии.

Произошло так, что когда одни стремились захватить, другие старались скрыться. Одновременно и те, кто бежал, и те, кто преследовал неотступно, вместе добежали до остальных римских войск. Когда поднялся громкий крик, все римское войско, бросив осаду и крепость, которая считалась почти взятой, вместе с военачальниками обратилось в бегство, не успев задержаться даже настолько, чтобы разобраться в случившемся, узнать, какое число бегущих и какое преследующих, но все неслись стремглав в беспорядочном бегстве, как бы охваченные безумной паникой. Персы, окрыленные этим, преследовали бегущих еще сильнее. Находящиеся в крепости (они видели происходящее), тотчас же выйдя оттуда, присоединились к остальным персам в преследовании римлян и тем сделали их бегство еще более поспешным. Конечно, вся конница римлян в своем быстром беге легко вышла из-под ударов копий. Из пехоты же многие были перебиты, задержанные на мосту реки, называемой Чистой, через которую им нужно было перейти. Ибо там вследствие тесноты невозможно было перейти одновременно большому числу людей. Они толкали друг друга, и одни тонули в речном потоке, другие же, отесненные назад, попадали в руки врагов. Со всех сторон доносились стоны и, может быть, все войско было бы истреблено, если бы военачальник Буза, услышав крики и вопли и увидев величину опасности, не повернул назад со своей дружиной и, выступив против варваров, не задержал их натиск до тех пор, пока римские войска, с трудом переправившись через мост, не оказались в безопасном месте и не соединились с остальными. В прежнем лагере, который разбили вблизи Археополя, никто не остался, но в страхе пробежали через него, оставили там весь обоз, самые необходимые предметы и предметы большой ценности и скрылись внутри страны, доставив неприятелю не только славную и громкую, но и весьма прибыльную победу.

8. Ибо они, найдя местность, лишённую людей, разрушили вал, разграбили все, что было в лагере, и

радостные возвратились назад, заняв снова старые места. Стало вполне ясно, что божественное мщение за нечестивое убийство по– разило римское войско, которое избрало наихудший план действий и, насчитывая не менее 50 тысяч опытных воинов, побежало так постыдно перед тремя тысячами персов, понеся притом большие потери. Сверх того, и сами виновники преступления через непродолжительное время понесли тягчайшее наказание, как мы дальше об этом расскажем. Когда наступила зима, все войско было распределено по городам и укреплениям там, где ему было указано. Между тем положение колхов было в высшей степени запутано и неясно, так как виднейшие между ними люди недоумевали, что им делать и куда обратиться.

Поэтому собрали они в укромном месте в одном из ущелий Кавказа большинство народа, так, чтобы их планы не стали известны римлянам, и устроили совещание по вопросу, следует ли переходить к персам или оставаться еще под властью римлян. Тотчас же были отвергнуты многие предложения, одни призывающие к одному, другие к другому. Поднялся несказанный и беспорядочный шум, так что даже нельзя было разобрать, кто говорит и что говорит. Тогда их вожди призвали толпу к молчанию и предложили желающим, кто бы они ни были, выступить и изложить в порядке, что нужно делать.

Один из наиболее значительных людей среди них, по имени Айэт, который болезненнее всех переносил это преступление и больше всех возмущался им, вообще всегда был ненавистником римлян и благожелательно относился к персам, используя такой прекрасный повод, пытался раздуть значение этого события выше всякой меры. Он утверждал, что настоящее положение дел не нуждается ни в каком обсуждении. Нужно немедленно и совершенно открыто перейти на сторону персов. Другие же доказывали, что не следует так внезапно изменять всю их жизнь, а нужно внимательнее обсудить этот вопрос и принять наилучшее решение.

Он же, в гневе выступив вперед, говорил, как обычно говорят на народных собраниях. Он был более искусным оратором, чем это свойственно варварам. Те аргументы, которые мог привести оратор, подкреплялись справедливостью дела. А говорил он таким образом:

9. «Если бы римляне нас оскорбили словами или намерениями, справедливо, чтобы и мы мстили за обиду подобным же образом. Но теперь как можно терпеть, что они нам причинили такое страшное зло, а мы, вместо того чтобы отомстить им за обиду, тратим время на промедления и размышления. Никто не может сказать, что враги не изблещены самими делами и событиями; но нельзя сказать, что они только это замыслили и держали в уме. Нет необходимости приводить какие-либо основания для доказательства их тайных и скрытых козней. Ведь такой выдающийся муж, как Губаз, умерщвлен самым жалким образом, как один из многих и презренных. Увяло старое достоинство колхов и в дальнейшем нам следует уже думать не о том, чтобы повелевать другими, но мы должны довольствоваться, если нас не слишком будут притеснять те, которые когда-то были нашими подданными. Разве не является абсурднейшим делом по поводу таких обид сидеть и обсуждать, будем ли считать их злейшими врагами или друзьями, хотя нужно знать, что их наглость не ограничится этим, но если мы простим это оскорбление, они на этом не остановятся; если мы останемся спокойными, они будут нас оскорблять еще бесстрашнее, ибо они всегда были жестокими по отношению к своим подданным и привыкли презирать своих клиентов. Даже царя они имеют лукавейшего, который всегда услаждается переменами в существующем строе. Поэтому-то и преступление было так быстро совершено. Он на этом горячо настаивал, они быстро и с готовностью выполнили. Мы подверглись опустошению почти что ради них; мы не дали им повода дан какой-либо обиды; не было никакого повода к вражде. Но они совершили по отношению к нам постыднейшее и жесточайшее преступление, обращаясь с нами так же, как и раньше, как бы внезапно и одновременно показав по отношению к нам все виды зла: жестокость, безумие, ненависть и тому подобное. У персов же нравы не таковы. Существует большая разница. Если они раз приобретут друзей, они всегда проявляют по отношению к ним величайшее дружелюбие. По отношению к врагу они проявляют величайшую ненависть до тех пор, пока враг остается врагом. Как бы я желал, чтобы у государства колхов была прежняя сила, так, чтобы оно не нуждалось в посторонней и чужеземной помощи, но само удовлетворяло бы своим нуждам во всех случаях – в мире и в войне.

Теперь же, когда или вследствие различия времени, или вследствие враждебности судьбы, или по обоим причинам, мы дошли до такой слабости, что подчинены другим, я считал бы наилучшим покоряться более разумным, которые сохраняют дружбу к своим и верность договорам. Так мы благополучно отделаемся от тех, кто является нашими действительными врагами; совершенное ими преступление не останется без наказания, и одновременно мы позаботимся о нашей безопасности в будущем. Ибо их лукавые и лживые нравы, которые они выставляют с обманчивой кротостью и притворной обходительностью, чтобы обманывать легковверных и затем их обижать, окажутся излишними и напрасными. У них будет отнята всякая возможность подобных действий против нас, так как у нас вследствие вражды будут прерваны с ними всякие отношения и мы открыто отделимся

от них. А если они попытаются начать против нас войну и если им придется одновременно встретиться с лазами и персами и притом во враждебной стране, они не выдержат первого натиска. Недавно только со всем своим войском они сразу были обращены в постыднейшее бегство небольшим отрядом персов и еще до сих пор не отдышались от этого бегства и, побежденные, так сказать, во всем, одной скоростью бега они победили преследующих их персов.

10. Ясной и вероятнейшей причиной этого, как всякий скажет, является трусость и порочность их планов. Ибо бесчестие им присуще как характерное и прирожденное качество. И когда к врожденным порокам присоединяется добровольное преступление, то оно удваивает бедствие погибающих по воле божественного провидения в виде искупительной жертвы за допущенное преступление, ибо победа утверждается не столько оружием, сколько благочестием, и я полагаю, что никогда преступные и нечистые люди не получают божественной помощи».

Если мы благоразумны, то нельзя присоединяться к тем, у кого нет даже здравого ума и которому враждебен тот, от руки которого зависит участь всех. Итак, показано открыто и притом скорее самими делами, чем словами, что наш переход к персам будет легким, весьма выгодным для нас и прежде всего угодным богу. И мы не будем казаться неверными и поступающими несправедливо. Ибо и раньше весьма часто мы были оскорбляемы римлянами. Однако считали нужным оставаться при старом положении вещей, считая никуда негодным производить перемены по любым представившимся случаям, хотя бы они были и очень важны, но все же были переносимы и не являлись такими совершенно нетерпимыми. Но теперь, когда нас поразили чрезвычайные и непоправимые бедствия, переносить это легко без всякого огорчения, не оскорбляться такими низкими и жестокими деяниями, – это свойство не благоразумных, но робких и жалких людей, под предлогом сдержанности прикрывающих свое равнодушие к общественным делам. Большого по жестокости преступления, я думаю, никто и из чужих не укажет, и нельзя пренебрегать совершенным. Поэтому и мы не можем пренебрегать, и нашим бесчестием будет, если увидят нас, забывших своего царя и прислуживающих его убийцам.

«И если бы могло случиться, чтобы он присутствовал здесь, он, несомненно, взывал бы к вам и горячо упрекал за ваше малодушие, за то, что эти преступники еще находятся на его земле, а не изгнаны из нее давно. Но так как он не появится и не будет призывать вас, вы в своей душе представьте, что он находится среди вас и, стоя среди вас, показывает свои раны – и грудь и голову, и призывает свой народ хотя бы теперь отомстить врагам. Поэтому, кто из вас может сомневаться и раздумывать, справедливо ли колхам питать сострадание к Губазу? Если мы будем опасаться того, справедлив ли будет наш переход к персам, то нам придется бояться оказаться участниками преступления, покинув его и пренебрегая отмщением за его убийство. Мы будем считаться более вероломными, если при жизни его проявляли к нему такую дружбу, а после смерти потеряли даже память о нем. Конечно, когда дела идут хорошо, было бы великим безумием изменять старые учреждения, но когда дело обстоит совершенно иначе, я считал бы пагубным не уметь быстро приспособляться к обстановке. О постоянстве нужно судить по делам, отвечающим разуму. Сохранять настоящее положение дел не всегда похвально, но только тогда, когда это сообразно с рассудком. Когда же случается то, чем нельзя пренебрегать и что не подобает отбрасывать, то преступником оказывается скорее тот, кто держится за старое и на этом упорствует, чем тот, кто переходит к новому. Когда об этом от нас услышат и в этом разберутся персы, они по справедливости будут обходиться с нами дружественно и будут сражаться за нас, так как они одинаково человечны и великодушны, умеют хорошо приспособиться к обычаям соседей и особенно, принимая в добровольный союз страну, столь удобно географически расположенную, и столь значительное войско, которое они хотели бы иметь с затратой больших средств и усилий. Итак, ни о чем, кроме этого не думайте, но тотчас приступим к самому делу и осуществим задуманное. Так мы добьемся величайшей славы, совершив дело правильное и справедливое, могущее принести только пользу».

II. Когда Айэт сказал это, тотчас вся толпа поднялась с криком и требовала в тот же день перейти на сторону персов, хотя те не были об этом извещены, и сами [колхи] не были настолько приготовлены, чтобы скрыть случившееся от римлян или их отразить, если они попытаются помешать переходу. Нисколько не заботясь о будущем, ни о том, во что обойдется это предприятие, толпа беспорядочно требовала ускорить решение. Ибо вообще свойственно и врожденно толпе стремиться к новизне и радоваться переменам. Эти же были сильно возбуждены и раздражены не только как варвары, но в особенности потому, что считали перемену справедливой и были восхищены речью Айэта, которая еще сильнее их возбудила и возмутила. Когда они так шумели, успокоил их возбуждение один человек по имени Фартаз, человек, пользующийся у колхов исключительным авторитетом, разумный и умеренный, очень популярный. Он усмирил их задор, умоляя не решать этого дела, прежде чем не выслушают его.

С трудом приведенные к спокойствию авторитетом его имени, они остались на своих местах, а он, выйдя на середину, говорил таким образом: «Мы не испытали ничего нового, колхи, возбужденные силой красивого слова. Ибо красноречие – непобедимая сила. Оно воздействует на всех, в особенности на тех, кто никогда раньше не подвергался его воздействию. Но не таково оно для тех, кто может ему противостоять мудрым рассуждением, вытекающим из рассмотрения сущности дела. Поэтому не одобряйте то, что было сказано. Оно кажется правдоподобным только вследствие неожиданности и необычности сказанного, а не вследствие полезности и правильности. Поймите лучше, что хотя бы эти слова и были вам очень приятны, вы можете выбрать лучшее. Лучшим свидетельством обмана пусть будет самый способ легкого убеждения. Только желающий советовать лживое нуждается в большем украшении и разнообразии речей с тем, чтобы красотой речи скорее увлечь простые души. Слушая эти привлекательные, но обманчивые доводы Айэта, вы не понимаете сами, как вас обманывают. Каждому должно быть ясно если не другое, то хоть то, что он с самого начала поставил [на обсуждение] другой вопрос, совершенно чуждый тому, ради которого мы собрались. Так, например, когда вы все говорите, что нет ничего ужаснее случившегося и всячески осуждаете это убийство, и обсуждаете единственно вопрос, действительно ли виноваты те, кто обвиняется в убийстве Губаза, он обошел их обвинение и много слов потратил на то, что уже известно. Я также считаю проклятыми, ненавистными богу и охотно бы видел погибшими от самой жестокой казни не только прямых убийц, которые совершили преступление своими руками, но также всех тех, кто позволил совершить преступление, хотя и мог помешать, сверх того, всех тех, кто радовался этому, всех, кто не скорбел об этом.

Но если я это признаю, то отнюдь не признаю полезным переход к персам. И пусть никто не считает благоразумным и последовательным, что если по отношению к нам совершили преступление, то нужно и нам продать отечественные законы; если мы раздражены вероломством, то отсюда не вытекает, что мы должны усвоить такие же методы. И теперь мы не можем переделать то, что случилось и совершено, не нужно помыслить о том, чтобы мы, обсуждая дела с душой, охваченной гневом и негодованием, не затемнили неблагоразумно наше суждение, лишив себя возможности более здорового и разумного решения. Ибо свойство безрассудных – постоянно волноваться и терзаться прошедшим. Свойство же мужей мудрых – изучать неожиданности судьбы, не смущаться неожиданными переменами с тем, чтобы, лишившись чего-либо в прошлом, не утратить надежду на будущее.

12. Но этот советник, который давно уже благожелателен к персам и стремится всячески, чтобы мы перешли к ним, пытается запугать нас, как детей, а именно [утверждая], что римляне не удовлетворятся тем, что они против нас осмелились сделать, но поразят нас еще более жестокими бедствиями, и что их царь постоянно желает нововведений, что он является главным участником и зачинщиком давно задуманного и подготовленного убийства, и, говоря это, превозносит персов удивительными похвалами, надеясь, что он убедит нас этим способом сделаться просителями и добровольными перебежчиками к тем, кто для нас по природе является величайшим врагом. К этой единственной цели он стремится, это он задумал с самого начала и, стремясь совершить то, что он заботливо обдумал и безрассудно советует, нарушает и перемешивает порядок обсуждения, делая обсуждение бесполезным. Решению обычно предшествует обсуждение, которое исследует вещи, недостаточно ясные. И только тогда, когда установлено то, что нужно делать, необходимо наличие и воли, и решимости совершить то, что задумано и постановлено. Этот же из конца делает начало, уже постановляя раньше, чем рассмотрен вопрос. Ибо какая будет польза от обсуждения, если оно последует за решением? Вы же, колхи, приступайте к обсуждению без всякой предвзятой мысли и не придерживаясь какого-либо предвзятого мнения. Как можно преодолеть превратности судьбы и направить события к желаемой цели? Нужно пользоваться иным методом, мыслить о своих делах без всякой предвзятости и свободно, тщательно взвешивать все обстоятельства для того, чтобы принять наиболее обдуманное, вытекающее из сущности дела решение. Если мы так будем рассуждать, для нас тотчас же станет ясным, что ни римские войска, ни их военачальники, ни, меньше всего, сам император, не строили козни против Губаза. Ибо у них самих общеизвестно и установлено, что Рустик и Мартин, завидуя его счастью, были охвачены личной злобой, причем прочие вожди не только не помогали им, но даже болезненно перенесли случившееся. Бесчестно и сверх того бесполезно из-за вины одного или, может быть, двух дерзко нарушать общественные законы, которые мы привыкли соблюдать, так легко изменять весь образ нашей жизни, к которому мы так хорошо привыкли, выставя себя предателями и дезертирами по отношению к тем, которые стоят на страже нашей страны, чтобы мы жили спокойно и безопасно, и, наконец, что является самым нечестивым, отказаться от истинной религии и священных тайн. Ибо это неизбежно произойдет, если мы перейдем на сторону ожесточеннейших врагов божественного имени. Если они запретят нам сохранять

верность нашей вере, то принудят нас перейти к своей, что ужаснее этого для нас может быть, одинаково и для живых и для умерших? Ибо какую выгоду мы приобретем, если присоединим к себе (допустим, что это так) всю Персию, а погубим наши души? Но если даже сделают уступку и позволят [сохранить религию], прочного дружелюбия с их стороны по отношению к нам не будет, но будет неверное и не прямое, измеряемое одной только выгодой.

Ибо никогда не может быть прочного товарищества между теми, которые придерживаются разных религиозных верований. При отсутствии застрашивания и выгоды постоянная и прочная верность сохраняется только при согласии взглядов. Даже родственники, близкие и земляки, если лишаются единства взглядов, пользуются только именем дружбы, а на самом деле по отношению друг к другу являются совершенно чужими людьми. Итак, колхи, с какой доброй надеждой мы перейдем к персам, если они неизбежно окажутся нашими врагами, и ничего лучшего отсюда не произойдет для нас, кроме того, что мы тем легче будем притесняемы ими, так как гораздо труднее остерегаться скрытого врага, чем явного. Далее, если хотите, допустим, что все обстоит так [как говорит Айт], что это не противоречит ни справедливости, ни чести, и будем считать, что нравы персов постоянны и верны, что они всегда будут сохранять договоры и соглашения. Но если даже это будет налицо и у нас не будет никакого другого препятствия, то все же наши силы для этого предприятия недостаточны. В самом деле, каким образом мы перейдем к ним, когда нам угрожают римляне и притом настолько многочисленные и сильные, имеющие виднейших вождей? Каким образом мы избежим жесточайшего возмездия, когда те, которым надлежит прийти к нам на помощь, будут медлить вдали в Иверии или медленно оттуда двигаться, а те, которые будут осуществлять возмездие, занимают всю страну и обитают в наших городах?

13. Хотя этот благородный человек и говорит, что они не выдержат и первого нашего нападения, используя в качестве довода то, что недавно случилось, но кто не знает случайностей войны и того, что она отнюдь не протекает в определенном порядке! И злая судьба не всегда будет преследовать тех, которые сейчас очень плохо ведут свои дела. Напротив, победа часто переходит к побежденным и исправляет превратности судьбы. Поэтому нам не подобает быть чрезмерно самоуверенными, как будто им уже предопределено сообразно с их правами и привычками во всех сражениях терпеть поражения. Если они побеждены только потому, что действовали не так, как должно, то этот пример нужно обратить в нашу пользу и предупредить опасности, вытекающие из необдуманных решений. Таким образом, из предшествующих случаев мы не можем обнадеживать себя верной победой над ними. Правдоподобно, что те, которые раньше ошибались, наученные самим опытом, чего нужно избегать, будут вести свои дела в дальнейшем с большей заботливостью и исправят то, что раньше было упущено и пренебрежено. Если же бог им враждебен за совершенное преступление, и за это они подвергаются бедствиям, зачем нам вмешиваться и предлагать ему наше содействие, как будто он сам не осуществит правосудие и как будто он нуждается в нашей помощи? Какой большой пример бесчестия останется для других, если мы оскорбим нашим отпадением высшее благо, которое и при нашем спокойствии защищает нас должным образом. Пусть никто не показывает нам мертвого Губаза, выступающего среди нас с малодушными речами и умоляющего своих соотечественников сжалиться над ним, показывая нанесенные ему раны. Это, может быть, и подходит изнеженным порочным душам, но отнюдь не свойственно царю, притом царю лазов, а тем более Губазу. Ибо, если бы он в самом деле присутствовал среди нас, то, как человек благочестивый и здравомыслящий, он, несомненно, сурово осудил бы нас за подобные замыслы и дал бы нам наказ не падать так духом и не впадать в расслабление, не скрываться тайно по обычаю рабов, но мужественно противостоять несчастью, придерживаясь, в большей степени, колхского образа мыслей, свободного от предвзятости, и не допускать ничего позорного, недостойного отечественных нравов, остаться при настоящем [порядке], быть убежденными, что божественная помощь никогда не оставит народ колхов. Поэтому не является ли высшей безрассудностью [тот факт, что] в то время, как он, насильственно умерщвленный, несомненно, учил бы нас так, мы для того, чтобы показать наше к нему расположение, думаем как раз противоположное? Я боюсь, чтобы мы не подверглись величайшему наказанию уже за то, что обсуждаем и обдумываем подобные планы. Наконец, если бы мы замыслили отпадение в деле сомнительном, допускающем разные решения, то и тогда было бы рискованно в вопросах такой важности зависеть от случайности, но тогда было бы позволено создателям этого плана рассуждать свободнее и беззастенчивее. Но если порочность этого совета и бедствия, отсюда вытекающие, для всех ясны и очевидны, разве не достойны вашей ненависти те, которые наталкивают вас на этот путь? Поэтому нужно воздержаться от всего этого, и это умеренно сказано. Я же думаю, что о случившемся нужно сообщить императору и просить его по справедливости покарать главных виновников этого преступления. Если он пожелает это сделать, раздоры наши с римлянами тотчас прекратятся, и наше старое и привычное братство с ними в трудах

и походах возобновится. Если же он откажет в нашей просьбе, то тогда только надлежит нам обсудить, не выгоднее ли нам вступить на другой путь. Если мы так сделаем, то нас нельзя считать забывающими об умерщвленном Губазе, и в то же время мы не окажемся действующими скорее безрассудно, чем по расчету».

14. Когда это было сказано, колхи, как говорится, пропели палинодию и изменили решение. В особенности к этому их побудила боязнь лишиться истинного богопочитания и веры, если они отпадут к персам. После того как мнение Фартаза победило, тотчас были выбраны лучшие и знатнейшие из народа колхи, которые должны были сообщить императору Юстиниану, что было совершено над Губазом, раскрыть ему весь обман, а именно, что он никогда не был сторонником персидской партии, никогда не предпринимал ничего против римлян. Мартин же и Рустик возвели на него эту клевету за то, что он их часто порицал за многочисленные допущенные по лености и безрассудству ошибки, и убили невинного. Они просили дать душе убитого это удовлетворение. Они не сказали ничего другого, кроме того, чтобы он не оставлял неотмщенным это преступление, а царем им не назначал какого-нибудь чужеземца и иностранца, но Цату, младшего брата Губаза, который в то время находился в Византии, так, чтобы у них снова были восстановлены отечественные законы и непрерывная, нерушимая с древности последовательность царского престолонаследия. Император признал их просьбу правильной и справедливой. Он весьма быстро удовлетворил их просьбу и послал Афанасия, одного из первых членов сената, для тщательного расследования преступления и суда сообразно римским законам.

Тот явившись в Лазик, тотчас послал Рустика в город Аспарунт и держал там взаперти в местной тюрьме. Иоанну же, который обманул императора, сделался одним из главных участников преступления и пытался тайно скрыться и в бегстве искать себе спасения, на пути случайно встретился Метриан. Он был одним из императорских дорифоров, которых зовут скрибонами. Послан он был сюда, чтобы оказать помощь Афанасию и выполнять его указания. Захватив Иоанна, Метриан представил его судье, который и его послал в Аспарунт, где он содержался в тюрьме в цепях, до окончания начавшегося судебного расследования.

15. Как только началась весна, Нахогаран прибыл в Мухиризис и тотчас начал собирать войска и со всей тщательностью готовиться к войне. Равным образом и римляне, собравшись вокруг Острова, приготавливались, и развязка, естественно, задерживалась. Тогда наибольшей заботой их было приготовить все нужное для ведения войны. Уже и Цата прибыл из Византии с Сотерихом, получив царское достоинство и свои инсигнии от римского императора по старому обычаю. Этими инсигниями являлись золотая корона, усеянная драгоценными камнями, и хитон, шитый золотом, опускающийся до пят, пурпуровые сапоги и митра, равным образом украшенная золотом и ценными камнями. Пурпуровую же хламиду носить царям лазов не положено. Но разрешена только белая, однако не обычная. Посредине с обеих сторон отсвечивает она золотым шитьем, с императорской фибулой на хламиде, украшенной драгоценными камнями и другими свешивающимися вниз украшениями. Когда Цата вступил в царском облачении в свою страну, военачальники и все римское войско, вышедшее с приветствием, встретили его с должными почестями. Они шли впереди его, великолепно вооруженные, большою частью конные. Лазы, с трудом оставив свою скорбь, обратившись к радости, провожали его, сменяя друг друга. Со всех сторон звучали трубы; знамена высоко развевались. И было торжество блестящим, горделивым и более праздничным, чем это обычно бывает в царстве лазов. Цата, ставши у власти, взял в свои руки руководство и управлял своим народом, как ему было угодно и как требовал отечественный обычай. Военачальник же Сотерих отправился в указанный ему путь. Ибо он привез императорские деньги для раздачи соседним варварам в качестве императорской субсидии. Эта раздача проводилась ежегодно с древних времен. Следовали за ним и старшие сыновья Филагрий и Ромил, чтобы тотчас по выходе из домашней обстановки приучаться к посильным трудам, так как они уже достигли возмужалости и были способны к труду. Третий же из них, Евстратий, был оставлен в Византии, так как еще был очень молод и, сверх того, слабого телосложения. Когда Сотерих пришел в страну мисимиян, они были подданными царя колхов, так же как апсилийцы.^[58] Но язык у них разный, так же как и нравы. Живут же они севернее народа апсильев и несколько восточнее. Итак, когда он пришел к ним, они были заняты обсуждением вопроса о его намерении передать одно из их укреплений, расположенных у самых границ лазов, которое они называют Бухлоон, аланам, чтобы послы более отдаленных народов, собираясь там, получали субсидии и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огибать предгорья Кавказских гор и самому идти к ним.

16. Когда мисимияне об этом или узнали, или только подозревали, они послали к нему двух наиболее знатных людей, по имени Хада и Туана. Те находят его, остановившегося возле самого

укрепления. Подозрения их еще более усилились. Они сказали: «Ты хочешь нас обидеть, военачальник. Не подобает тебе позволять другим отнимать наше, ни самому этого желать. Если же у тебя нет такого намерения, как можно скорее отсюда уходи и избери себе другое местопребывание. У тебя не будет недостатка в необходимых продуктах: мы все будем доставлять. Здесь же тебе оставаться нельзя никоим образом, и мы не допустим, чтобы ты медлил и оставался здесь».

Сотерих полагал, что никак нельзя стерпеть столь дерзкие речи. Считая, что нельзя позволять подданным колхов, которые повинуются римлянам, так неистовствовать против римлян, он приказал своим телохранителям избить их палками, которые те носили. Те жестоко с ними расправились и отпустили их полумертвыми. Совершив это, Сотерих оставался там же, полагая, что из этого не произойдет никакой беды и что ему так же нечего бояться, как если бы он подверг телесному наказанию своих преступных рабов, и затем, когда настала ночь, беззаботно лег спать, не расставив никаких караулов. Равным образом его сыновья, спутники, домашняя прислуга и рабы, следовавшие за ним, все они более беззаботно, чем следовало в неприятельской стране, предались сну. Между тем мисимияне, не стерпев полученного оскорбления, вооружившись, набросились на них и, ворвавшись в помещение, где почивал военачальник, немедленно перебили спавших рабов. Когда, естественно, поднялся сильный крик и шум, сознание беды дошло до Сотериха и прочих, которые там находились. Когда они со страхом соскочили со своих постелей, еще отягченные и расслабленные сном, то совершенно не могли защищаться. У одних закутанные шкурами ноги препятствовали движению. Другие же, бросившись за мечами, чтобы принять участие в беспорядочной схватке, беспомощно метались впотьмах, не зная, что делать, и наталкивались на стены, позабыв, где положили оружие. Некоторые, отчаявшись в обрушившемся на них бедствии, ничего и не предпринимали, а только звали один другого и издавали жалобные вопли, не зная, что предпринять. Когда они находились в таком состоянии, ворвавшиеся варвары изрубили самого Сотериха и его детей, и всех прочих; разве только кто случайно ускользнул через заднюю дверь или другим способом. Когда преступники это сделали, они ограбили поверженных и все имущество, которое те привезли с собою, и сверх того императорскую казну, расправившись [с Сотерихом и его свитой] как с настоящими врагами, а не друзьями и господами.

17. Когда, после совершения этого жестокого убийства и выполнения преступного замысла, разгоряченные их страсти улеглись и гнев утих, тогда, рассмотрев совершенное ими, они начали задумываться и поняли, какой жребий ими брошен, а именно, что в ближайшее время придут римляне для отмщения, а они не смогут выдержать их нападения.

Поэтому открыто отпав [от римлян], они перешли на сторону персов и послали посольство, добиваясь, чтобы те приняли их под свою защиту и немедленно оказали бы им помощь, как своим подданным. Известие это, сообщенное римским военачальникам, вызвало у них гнев и величайшее огорчение. Но они никак не могли немедленно отомстить мисимиянам, поглощенные еще более важными заботами, так как Нахогаран уже вел 60 тысяч вооруженных людей к Острову, который в то время занимали Мартин и Юстин, сын Германа. Наемники же из гуннов, которых называют савирами (у римлян находился отряд – около двух тысяч тяжело вооруженных, которыми предводительствовали Баимах, Кутилзис и Илагер, знаменитейшие у них люди), расположились лагерем у Археополя и прилегающих местностей, чтобы по обыкновению тревожить врагов, которые, как предполагалось, должны были здесь проходить, и затруднять им переход, делая его более опасным. Нахогаран же, после того как узнал, что савиры занимают эти места, тотчас послал против них отряд в три тысячи, отобранных из вспомогательных дилимнийских войск, с предписанием – он был заносчив и кичлив – всех истребить и не оставлять в тылу у него, когда он будет идти в бой. Дилимниты – это весьма многочисленное племя, обитающее по соседству с Персидской страной, на среднем течении реки Тигра. Их можно причислить к самым воинственным народностям. Они не являются стрелками или сражающимися издалека. Они носят копье и сариссы, меч, свисающий с плеча, маленький кинжал, привязанный к левой руке, защищаются большими и малыми щитами. Их нельзя назвать ни легко вооруженными, ни оплитами и тяжеловооруженными войсками. В случае необходимости они издали мечут копья и сражаются врукопашную. Они хороши в столкновении с неприятельской фалангой и сильным натиском могут прорывать густые неприятельские ряды, опытни в перестройке боевого порядка и в приспособлении к любой случайности. Они легко взбираются на высокие холмы, занимают возвышенности и с величайшей быстротой, если это нужно, убегают назад и, снова повернувшись, с ожесточением теснят и преследуют врагов. Искушенные и весьма опытные во всех видах боевых действий, они наносят врагам весьма тяжелые удары. Уже давно приученные к войне, они издавна сражаются под знаменем персов, но не по принуждению, как подданные. Ибо они свободными живут по своим законам и не привыкли подчиняться насилию и чьему-либо произволу.

[59]

18. Итак, этот отряд дилимнитов с наступлением ночи двинулся против савиров, предпочитая напасть на них, еще спящих, и таким образом легче истребить их всех. И я полагаю, они не ошиблись бы в своей надежде, если бы судьба их не обманула. Когда они шли в этот поход, им случайно в темноте и безлюдии попался один колх. Они за него жадно ухватились и принудили его стать проводником к савирам. Это поручение он весьма охотно исполнил и шел впереди их. Когда же он достиг густого леса, он постепенно собрался с духом и от них отделился. Ему удалось избежать преследования. Предупредив врагов, он быстро добрался до савиров и нашел их всех лежащими на земле и крепко спящими. «О, несчастные, – закричал он громко и пронзительно, – вы сейчас погибнете». Когда они с трудом пробудились, он объявил им, что враг сейчас нагрянет. Они с шумом вскочили, вооружившись, вышли за укрепления из кольев и, разделившись на две части, устроили засаду, оставив без охраны вход в ограду лагеря, а равным образом и хижины, построенные из кольев и шкур. А дилимниты, сделав огромный крюк по незнакомству с местностью, все же до рассвета добрались до лагеря гуннов. Уверенные на свое горе [что их не ждут], они вторгаются в лагерь, собираются внутри и, выступая молчаливо, без всякого шума, чтобы не догадались гунны и не поднялись, начинают метать копьа в их убежища и хижины, рассчитывая перебить спящих и уже считая дело поконченным. Между тем, савиры, выскочив с двух сторон из засады, внезапно набрасываются на них. Они же, пораженные этим внезапным неожиданным ударом, когда надежды их сменились отчаянием, приведенные в беспорядок, не знали, что им предпринять. Ибо им, сбившимся на небольшом пространстве, было нелегко спастись бегством. Не могли они точно распознать, кто их враги, так как пришлось бороться и с ночью и со страхом. Поэтому тотчас же они были истреблены савирами, не оказав даже попытки к сопротивлению. Восемьсот человек погибло в лагере. Остальные, с трудом выбравшись из него, блуждали беспорядочно, не зная, куда идти. Им казалось, что они убежали далеко: на самом же деле, сделав круг, они возвращались обратно и попадали в руки врагов. Так прошла вся ночь. Утром, когда рассвело, оставшиеся в живых дилимниты, узнав дорогу, бросились прямо в персидский лагерь, причем савиры и теперь не переставали их преследовать и насаждать на них сзади.

Между тем военачальник Бабас, который уже давно командовал римскими войсками, находящимися в Колхиде, в это время ночевал в Археополе и, когда началась суматоха и вокруг раздался крик, не зная, что делается, но сохраняя хладнокровие, молча скрывался внутри. Когда же солнце осветило вершины гор, он быстро разобрался в происходящем, а именно, что савиры гонят дилимнитов. Тогда и он, выскочив из укрепления с отрядом, который оказался у него под рукой, учинил им немалое побоище, так что едва тысяча добралась до Нахогарана.^[60]

19. Последний, потерпев неудачу в своем предприятии, тотчас направился к Острову и, разбив лагерь вблизи римлян, вызвал Мартина для переговоров. Когда тот явился, он сказал «Ты, военачальник, весьма сообразительный и благоразумный человек. Ты один из тех, которые обладают наибольшей властью у римлян. Неужели ты не желаешь освободить каждого из наших государей одновременно от трудов и от вражды? Итак, если ты желаешь заключить перемирие и мирный договор, то перейди с войском в Трапезунд, город Понтики. Мы же, персы, останемся здесь. Благодаря этому мы будем не торопясь, спокойно договариваться о перемирии и мире, пользуясь верными посредниками. Если же ты добровольно не выведешь отсюда войско, то знай, добрый человек, что ты будешь изгнан силой. Ибо я считаю победу обеспеченной. Ее я держу в руках так же, как эту вещь». Говоря это, он показал кольцо, которое носил. Мартин в ответ сказал: «И я очень желаю и ценю мир и буду помогать осуществлению твоего предложения. Но я думаю, что мы этого добились бы лучше, если бы ты как можно скорее перебрался в Иверию. Я же возвращусь в Мухиризис, и тогда мы внимательно обсудим наши дела. Ты можешь говорить о победе кичливо и заносчиво, считать ее продажной, легко приобретаемой, зависящей от нашего усмотрения. Я же считаю, что победа зависит от единого бога, и она дается не гордецам и чрезмерно самонадеянным, но тем, кому даст это общий творец и управитель». Когда Мартин, оскорбленный заносчивостью, с большой энергией и достоинством дал этот ответ, не договорившись о мире, они прекратили переговоры. Один вернулся в лагерь, Мартин же на Остров. Нахогаран, полагая, что ему там никак нельзя оставаться, решил подойти к городу Фазису и там скорее вызвать на бой римлян. Он считал, что это укрепление очень легко взять, так как оно все выстроено из дерева, а окружающие его обширные равнины удобны для сооружения лагеря. О том, что город Фазис назван по имени реки, я думаю, всем хорошо известно. Эта река протекает около города и впадает в Эвксинское море. Город расположен у морского побережья и устья. Отстоит от Острова приблизительно на шесть парасангов к западу.^[61]

20. Итак, немедленно глубокой ночью спустив на реку лодки, привезенные на телегах, и связав их,

Нахогаран тайно от римлян построил мост и перевел все войско на противоположный берег. Он хотел добраться до южной части города, где воды Фазиса, казалось, никак не могли ему помешать приблизиться к стене, ибо эта река уклоняется к северу и впадает [в море]. Отойдя от реки, как только стало рассветать, Нахогаран продолжал свой путь. Обойдя Остров как можно дальше, Нахогаран двинулся своим путем.

Римляне, узнав о походе почти около полудня, были этим чрезвычайно расстроены и пытались всеми силами предупредить врагов под стенами города. Поэтому, заполнив все триремы и легкие тридцативесельные суда, которые стояли в порту, они быстро понеслись по течению реки. Но Нахогаран опередил их. Дойдя до середины реки между Островом и городом, он преградил все течение реки бревнами и лодками, соединенными между собой, и сзади поставил группы слонов, там, где можно было пройти. Римский флот, увидя это издали, повернул кормы судов и отступил, усиленно гребя веслами, борясь с большим трудом против течения быстрой реки. Тем не менее персы захватили два пустых судна. Их экипаж, когда увидел, что будет захвачен [неприятелем], отважно бросился в воду, предпочитая, как полагаю, меньшую настоящую опасность большей и испытывая превратности судьбы. Поэтому с легким духом они бросились в волны и, барахтаясь в сильнейшем водовороте, с трудом добрались до своих.

Тогда римляне оставили на Острове Бузу с его войском, поручив ему заботу о всех тамошних делах и оказание помощи им, если это окажется необходимым. Перейдя снова реку и избрав другую дорогу по сухому пути, чтобы не прийти в места, уже занятые врагом, они добрались до города Фазиса, одноименного с рекой. Войдя в город, военачальники расставили по стенам караулы сообразно данным им распоряжениям. Они не считали свои силы равными неприятельским, если произойдет регулярное сражение. Юстин, сын Германа, первый располагается со своими войсками в самой возвышенной части города обращенной к морю. Немного дальше стал Мартин со своими полками. На самой середине заняли позиции Ангила с маврами-пелтастами и копьеносцами, Феодор с тяжеловооруженными цаннами и Филомафий с исаврийскими пращниками и копьеметателями. Неподалеку от них расположился отряд лангобардов и герулов. Вождем тех и других был Гибр. Остальная часть стены, обращенная на восток, охранялась восточными полками под командой военачальника Валериана. Таким образом римское войско было расставлено для защиты стен.

21. Была сооружена чрезвычайно крепкая внешняя ограда, которая могла служить внешним укреплением для стены и выдержать первый натиск неприятеля. Военачальники справедливо боялись за стену, так как она была построена из дерева, из-за ветхости была разрушена в нескольких местах. Поэтому они выкопали глубочайший круговой ров, который так был наполнен водой, вышедшей из берегов, что она скрывала заостренные копья, густо набитые во рву, и делала их незаметными. Так как они направили туда воду из озера, которое называют малым морем и которое имеет исток в Эвксинский Понт, то легко заполнили водой весь ров. Большие грузовые суда, прибоем волн и течением Фазиса весьма близко придвинутые к стенам, имели высоко поднятые лодки, подвешенные к самой верхушке мачт и крепко закрепленные, так что они значительно превышали высоту башен. Наверху расположились воины и моряки, отобранные из наиболее смелых и воинственных, с луками и пращами. Были поставлены там и дальнестрельные орудия для их активного применения. Кроме того, на реке, с той и с другой стороны, стояли суда под начальством Валериана. Снаряжены они были совершенно одинаково и предназначались для сопротивления врагам, поражаемым с той и с другой стороны с более возвышенных мест в случае их приближения. Чтобы корабли, находящиеся на реке, не были легко повреждены кем-либо, Дабрагез, ант – таксиарх, и некий гунн, лохаг, по имени Элмингир, по приказанию военачальников снарядили десять легких судов с двойной кормой, заполнили их своими оруженосцами и, пройдя как можно дальше вверх по реке, охраняя ее с величайшей тщательностью, наблюдали со всех сторон за переездом, плавая то по середине реки, то приближаясь к тому или иному берегу, и тогда случилось нечто радостное и приятное, как на войне и в боевом столкновении. Несколько дальше от того места, где были расположены указанные суда, стояли два грузовых тридцативесельных корабля, которые, как я выше указывал, были захвачены персами, имея на борту оплитов – мидян: они были привязаны канатами к берегу. Ночью, когда все на них спали, поднялась сильная буря и растянула канаты. Давлением двигающихся судов канаты обоих кораблей были внезапно порваны. И так как не могли быть использованы весла и рулевым веслом судно не могло быть направлено, как должно, то течение подхватило их. Неуправляемые и беспомощные суда были быстро отнесены к римлянам, которыми начальствовал Дабрагез. Увидев их, последние с радостью их захватили, будучи обрадованы неожиданным приобретением, в особенности потому, что корабли, которые раньше ушли от них пустыми, вернулись, заполненные людьми.

22. В это время, снявшись с лагеря со всем войском, Нахогаран приблизился к городу, желая перестрелкой испытать римлян, произведут ли те вылазку, и таким образом яснее определить, какие

военные приготовления ему надлежит делать на следующий день. Когда персы подошли на расстояние брошенной стрелы, они тотчас же по своему обычаю начали стрелять из лука. Многие римляне были ранены. Одни, защищаясь, оставались в строю, другие выходили из боя. Ангила же и Филомафий и около 200 человек из их отрядов, хотя Мартин приказал всему войску оставаться на своем месте и сражаться из укрытий, открыли ближайшие к ним ворота и бросились на неприятеля. Феодор же, начальник отряда цаннов, вначале сдерживал своих и запретил вылазку, обвиняя их в безрассудстве. Когда же те не послушались приказания, он сам присоединился к большинству, хотя неохотно. Он пошел с ними на неприятеля, чтобы не показаться трусливым и по этой причине отказался от благоразумия. Предприятие это ему отнюдь не нравилось, но он хотел быть его участником, чем бы оно ни кончилось. И действительно все они там едва не погибли, если бы их не спасла случайность, ниспосланная богом. Ибо дилимиты, которые стояли на том месте, выстроенные в боевом порядке, видя малочисленность нападавших, в молчании их ожидали и не двигались с места. Когда же те подошли поближе, они незаметно выдвинули вперед фланги и замкнули их в плотный круг. Римляне же, охваченные со всех сторон, думали уже не о причинении врагу какого-нибудь вреда, но считали славнейшим и неслыханным деянием, если им удастся каким-либо образом ускользнуть. Итак, сомкнувши ряды, выставив вперед копья, они ринулись на неприятеля, отрезавшего им путь к городу. Когда те увидели их несущимися с огромным напором и как бы отчаявшимися в опасении, тотчас нарушили свой строй и расступились, не выдержав натиска людей, борющихся с верной смертью и на все дерзающих. Благодаря этому отходу вырвавшиеся бегством римляне с радостью оказались внутри стен и тотчас заперли ворота. Они прошли через такую опасность, не отличившись ничем другим, кроме своего бегства и спасения.

23. Носильщики же персов давно уже работали над засыпкой рва, засыпали его весь, и то, что повсеместно было разбросано и разрыто, теперь было сложено, и выровненная местность стала доступной для войска, идущего на штурм стен, и тараны и другие приспособления для штурма города без труда могли быть придвинуты к стенам. Они затратили, однако, больше времени на это, чем полагалось такому множеству работников. Ибо когда камни были во множестве свалены на землю, их не хватило для заполнения рвов. Деревья можно было добыть только вдали из срубленного леса и подвезти можно было только с большим трудом. Римляне уже раньше сожгли все постройки в прилегающей к городу местности, кроме того, все гостиницы и вообще все жилища вблизи города, с тем, конечно, намерением, чтобы враги не нашли там удобного и пригодного для их нужд материала и не могли легко соорудить осадные орудия. Больше в этот день не произошло ничего достойного упоминания. Когда наступила ночь, Нахогаран возвратился в лагерь.

На следующий день Мартин пожелал укрепить дух своих и этим нанести удар врагам. Он собрал все римское войско, как бы желая посоветоваться о настоящем положении дел. Как было им заранее подготовлено, на середину вышел никому неизвестный человек, покрытый пылью и как будто свершивший длинный путь. Он сказал, что недавно прибыл из Византии и принес письмо от императора. Получив его с большой радостью и распечатав, Мартин прочел его не про себя тайно, но пробежал одними глазами и не скрыл содержания, но прочитал громким голосом, чтобы все слышали (в письме, вероятно, содержалось нечто другое): «Мы посылаем тебе также другое войско не меньше того, которое ты имеешь, а посему, если враги и превосходят вас количеством, то во всяком случае не настолько, насколько вы превосходите их храбростью, что уравнивает вашу меньшую численность и количественную несоразмерность. Но, чтобы они даже этому не радовались, прими и это войско, посылаемое не ради необходимости, а ради славы и показа. Итак, будьте бодры, сражайтесь храбро, зная, что мы сделаем все, что необходимо». Его немедленно спросили: где войско? Он ответил, что отстоит не дальше четырех персидских парасангов, что оставил его около реки Неогна, где была его стоянка. На это Мартин, притворно выражая на лице негодование, сказал: «Пусть идут назад, пусть как можно скорее возвращаются домой. Ибо я никогда не позволю им присоединиться к нам. В самом деле, недостойно чтобы эти [войска] пришли без необходимости и, не испытав опасности, приобрели одинаковую славу, чтобы исход войны приписан был бы им и, что несправедливее всего, они получили бы одинаковые награды с нами в то время, когда эти мужи уже давно являются нашими боевыми товарищами, в течение долгого времени переносили с нами огромные тяготы, часто сражались против неприятеля и уже довели дело до такого состояния, что недалек разгром врага и венец достижения полной победы. Впрочем, пусть они остаются там, пока не будут готовы к уходу. А нам достаточно этих для лучшего завершения войны». Сказав это, он сейчас же, повернувшись к войску, спросил: «А разве вы, боевые товарищи, не думаете так же?». Они же радостным криком подтвердили решение полководца, как самое правильное, а сами почувствовали себя гораздо более сильными, как будто они и в самом деле не нуждались ни в какой помощи. В особенности же побудила их к соревнованию и желанию сражаться надежда на добычу. Они думали в ближайшее

время все разграбить, как будто бы враги были уничтожены. Забота у них была только о том, как разделить между собою добычу.

24. Произошло, однако, и нечто большее, чем то, на что рассчитывал Мартин. Проникнув в массы и широко распространившись, дошли до самих персов слухи, что другое римское войско дошло до реки Неогна и скоро соединится с этим. Всех охватила тревога и страх, что им, ослабленным столькими лишениями, предстоит сражаться против войска с нетронутыми силами. Нахогаран же без промедления послал отряд персидских войск сходной величины по тому пути, по которому, он думал, пройдут те, о которых был обманут молвой. Придя туда, они должны были проявить великую бдительность и тщательность в бесполезном деле. Заняв наиболее выгодные места и устроив засады, они ожидали тех, которые вовсе не должны были прийти, [ожидали], чтобы напасть на них, идущих беззаботно и беспорядочно, что было весьма естественно для собирающихся прийти неожиданно, и таким образом задержать скорость их продвижения до тех пор, пока не будет взят штурмом [город]. Таким образом, понапрасну трудился немалый отряд персов, оторванный от остального войска. Нахогаран же выступил немедленно, очевидно, желая предупредить подход тех, которые никак не могли прийти. С большим высокомерием он набросился на римлян, открыто хвастаясь и сверх того клянясь, что он в тот же день сожжет весь город со всеми людьми. Вероятно, вследствие своей гордости этот безумец забыл, что исход сражения – дело всегда неверное и сомнительное, подверженное многим случайностям и колебаниям в ту и другую сторону, в особенности же зависящее от божественного верховного определения, так как даже важные дела не остаются всегда в одном и том же положении, но бесчисленные народы, многочисленные города и вся жизнь изменяются внезапно, приводятся в замешательство, и все надежды во всех делах постоянно колеблются и изменяются. Он же дошел до такой гордыни, что даже рабам и прислуге, которые, рассеявшись по лесу, рубили деревья или для заготовки дров, или для осадных орудий, предписал, как только [они] увидят высоко поднимающийся дым, то знали бы, что это огонь охватит римскую деревянную ограду, и, оставив свою работу, бежали бы к нему и усиливали бы огонь, чтобы легче все сжечь. Так хвастаясь, подступает он к городу и к стенам. Юстина же, сына Германа, который подумал, что Нахогаран тогда нападет на город, осенила некая мысль, как я думаю, внушенная божеством, – идти как можно скорее к святейшему храму, который у христиан в большой чести и который находится недалеко от города, и молиться о божественной помощи. Итак, отобрав из войска своего и Мартина самых храбрых и воинственных солдат и взяв пять тысяч всадников, причем все были вооружены наилучшим образом, как идущие на бой, он выступил с ними со знаменами и прочими военными атрибутами. Случайно вышло, что ни персы не заметили их ухода, ни они движения персов к городу. Последние двигались другим путем и сомкнутыми рядами начали штурм стен. Они завязали перестрелку гораздо сильнее, [чем накануне], надеясь таким образом больше устрашить римлян и как можно скорее завладеть городом.

25. Стрелы неслись до того густо одна за другой, что своим множеством закрыли все небо, как будто бы связанные между собою, так что их можно было сравнить с великим снегопадом или сильным градом, обрушившимся при сильнейшем ветре. Другие тащили осадные орудия и металы огненосные снаряды. Некоторые, прикрываясь так называемыми черепахами, топорами рубили стену. Так как она была деревянной, то могла быть легко разрушена. Иные пытались подкопать почву и добраться до основания стены и таким образом потрясти и опрокинуть то, что было сплочено и соединено– Но и римляне, стоя на башнях и брустверах, сражались с ожесточением и воодушевлением, как бы желая самим делом показать, что нет никакой нужды им в помощи новых войск. На деле ясно обнаружилось, насколько полезна и действенна была хитрость Мартина. Ибо все действовали неутомимо, ничего не упуская из того, что было необходимо для отражения врага. Ибо и множество копий и дротиков, бросаемых с высоты, поражало врагов, так как они попадали в неприкрытую укреплениями массу, которая не могла идти в другом направлении. Камни, [подвозимые] повозками, бросали на черепахи, разрушая их до основания. Кроме того, и меньшие камни, метаемые пращами, пробивали шлемы и щиты мидян и не позволяли приближаться к стенам, поражая здесь еще сильнее. Из тех же, которые, как я сказал, были расставлены в верхних лодках, одни стрелами, бросаемыми с высоты, поражали многих, другие искусно пользовались военными орудиями. Губительные дротики, которые римляне метали с большой силой, неслись на очень далеко находившихся варваров, внезапно пронзали их вместе с лошадьми и повергали на землю. Поднялся величайший крик и трубы с каждой стороны издавали воинственные звуки. Персы гремели тимпанами и издавали громкие вопли для возбуждения страха. Ржание лошадей, стук щитов, разрывы кольчуг производили смешанный, но сильный грохот. Между тем Юстин, возвращаясь из храма, разведав, что происходит, по беспорядочному крику и шуму, тотчас повернул конницу и, построив в боевой порядок, приказал поднять знамена и всем взяться за дело, уяснив себе, что не без воздействия божества они вышли из

города, чтобы внезапным нападением навести на врага панику и заставить прекратить осаду. Тотчас же, продвинувшись вперед, они увидели персов, нападающих на стены, и немедленно, издав громкий крик, в тесном строю бросились на ту часть врагов, которая в боевом порядке была расположена около моря. Отсюда они и вышли. Длинными копьями (сариссами), некоторые же действуя мечами, сокрушали все, что им попадалось на пути. Произведя сильнейший натиск на тесные ряды врагов, ударяя их по щитам, они прорвали их густой и сомкнутый строй.

26. Персы же, думая, что это то самое войско, которое, как они слышали, приближалось, уже пришло, незамеченное теми, кто был послан против них, и, будучи отделены от остальной армии [персов], были исполнены смятения и страха и приведены в беспорядочное состояние. Они начали медленно пятиться и отступать. Когда это издали увидели дилимниты (они сражались под средней частью стены), то оставили там немногих, а прочие направились к той части войска, которая находилась в особом затруднении. Ангила же и Феодор, римские командиры, о которых я упоминал раньше, заметив малочисленность оставшихся (дилимнитов) тотчас же с достаточно сильным отрядом произвели вылазку из города и некоторых из них убили. Остальные обратились в бегство, причем римляне проследовали их безостановочно. Тогда дилимниты, шедшие на помощь тесным персам, тотчас повернули обратно, чтобы идти навстречу римлянам. Считая лучшим и более разумным как можно скорее оказать помощь своим землякам, они неслись в чрезмерном усердии и неумеренной скачке, так что более уподоблялись постыдно бегущим, чем нападающим. Скакали они, чтобы помочь своим, но распространяли вокруг себя больше смятения, чем боевого духа. Персидское же войско, стоявшее ближе всего к ним в боевом строю, увидев, что дилимниты несутся такой беспорядочной толпой, считая, что это не что иное, как бегство, и решив, что они никак не навлекали бы на себя этого позора, если бы не подверглись какой-то чрезвычайной неустрашимой опасности, само также рассыпалось, обратившись в постыдное бегство. Таким образом, уже замышляемое и подготавливаемое бегство сделалось явным. Дилимниты, то же думая о персах, последовали за ними, и бежали одновременно обманщики и обманутые. Когда это происходило, множество римлян, выйдя из укрепления, сделали бегство персов еще более стремительным, преследуя их и уничтожая отстающих. Обрушиваясь с разных сторон на тех, кто еще сопротивлялся и сохранял строй, они ожесточенно сражались. В то время как левое крыло варваров уже явственно слабело и распадалось, стоявшие на другом крыле продолжали сражаться с величайшей храбростью. Слоны, поставленные перед укреплениями, нападая на римлян, тотчас же приводили в смятение даже их сомкнутый строй, если где-нибудь он им противостоял. Кроме того, восседающие на них стрелки наносили большой урон нападающим римлянам и стреляли в них без промаха. Точно так же и разъезжающие [повсюду] отряды всадников удачно нападали и приводили в смятение пехотинцев и тяжело вооруженных. И уже с этой стороны римляне отступали, собираясь бежать.

27. В это время один из оруженосцев Мартина, по имени Огнарис, находясь в крайне стесненном положении, так что ему не представлялось никакой возможности бегства и уже отчаиваясь в своем спасении и как бы испытывая жребий судьбы, с большой силой поразил копьем в бровь набросившегося на него самого свирепого из слонов, причем острие копья проникло так глубоко, что конец его повис вниз. Страдая от полученной раны и сверх того напуганный болтающимся у глаза дротиком, слон тотчас попятился назад и начал метаться в разные стороны. То, болтая хоботом наподобие бича, он поражал многих персов и бросал их вверх, то, протягивая его в длину, издавал какой-то страшный и сильный крик. Сидящих на нем воинов он сильным толчком сбросил вниз и умертвил, растоптав ногами, наконец привел в беспорядок все персидское войско, а лошадей, к которым он приближался, приводил в бешенство. С поднятой гривой они противились всадникам. А тех, кого хватили зубами, раздирали и разрывали. Все наполнилось воплями и смятением. Лошади, испуганные бешенством зверя, совершенно не слушались повода и, поднимая вверх передние копыта, сбрасывали седоков, бешено скача, носились между рядами и, тяжело дыша, выпускали из ноздрей пар. Люди отступали, натываясь друг на друга, внезапно толкали один другого. Каждый старался опередить своего соседа. Многие были убиты своими, натываясь на мечи своих друзей и товарищей. Когда суматоха и смятение усилились, римляне, вышедшие из стен, и те, кто еще оставался внутри, сплотившись в единый боевой порядок, бросились на приведенных в замешательство врагов, прикрыв передний край боевого строя щитами. Те, уже истомленные, не могли выдержать этого натиска и обратились в быстрое беспорядочное бегство, разрозненные, распыленные, кто куда мог, не оказывая сопротивления преследователям. Сам Нахогаран, изумленный неожиданным исходом дела, быстро убежал, грозя всем бичом и приказывая бежать как можно скорее, что они и сами делали. Так его кичливость обратилась в свою противоположность. Римляне же только тогда прекратили преследование и избивание варваров, когда Мартин отозвал их трубой, считая сделанное достаточным, и не смягчил их души, объятые гневом. Таким образом, персы, оставшиеся в живых, с

трудом ускользнули в лагерь, потеряв в этом бою не меньше 10 тысяч воинов.

Римляне, возвратившись после преследования, сожгли черепахи и прочие военные орудия персов, оставленные около стен. Когда были зажжены большие костры, злосчастные носильщики и прислуга, посланные для рубки леса, увидев издали поднимающийся высоко и расстилающийся в воздухе дым, тотчас устремились к городу, думая, что горят стены, как это кичливо раньше обещал Нахогаран. Итак, они устремились усиленным бегом, боясь, как говорят, чтобы не опоздать к празднику и чтобы все не было обращено до их прихода в пепел и золу. Они состязались друг с другом в скорости, не зная, что тот, кто придет первым, первый и умрет. Ибо все они, поочередно захваченные римлянами, были перебиты, как будто для этого они и появились. И так погибло немногим менее двух тысяч. Виновником гибели стольких рабов, совершенно неопытных в военном деле, которые никогда не вступали в строй, был Нахогаран, давший необдуманные приказания. Так заносчивость губит не только своих носителей, но и тех, кто их обслуживает и им подчиняется. После этого римляне, естественно, были исполнены лучшими надеждами, что в будущем они легко окажутся победителями, если варвары попробуют возобновить сражение. С большими почестями они похоронили своих, сколько их погибло в сражении, а их было не меньше двухсот, восхваляя их мужество и то, что они, как мужи, доказали свою храбрость. Трупы же врагов ограбили и захватили большое количество оружия и других вещей. Некоторые из убитых носили не только щиты, панцири, луки и колчаны, но и золотые цепи, ожерелья, серьги и другие того же рода женские украшения, которыми имеют привычку украшаться виднейшие и знатнейшие мидяне, и этим отличаются от толпы. Нахогаран же, хотя ему недоставало предметов необходимости и угрожала зима, по-видимому, желал продолжать военные действия и готовился к этому, но его желание и намерение не осуществилось на деле. Выслав на следующий день отряд дилимнитов на расстояние стадии и приказав им стоять против римлян в боевом порядке, тем самым демонстрируя предстоящую битву, он сам незаметно с остальными войсками двинулся по направлению в Котаисию и Мухиризису. Когда он уже прошел большую часть пути, тогда и дилимниты, свернув боевой строй, весьма легко отступили, как это всегда удается легко вооруженным, сильным и быстрым на ходу. Присоединился и другой отряд персидского войска, который раньше вследствие хитрости Мартина был послан к реке Неогну, как об этом выше рассказано мною. Как только они узнали, что персы побеждены и римляне овладели всей страной, тотчас скрытными путями, удаленными от горных дорог, они достигли Мухиризия, являясь участниками не сражений, но позора, более постыдного, чем бегство. Итак, когда все войско соединилось, оставив там большую часть конницы и назначив Вафриза, знаменитейшего мужа среди персов, их начальником, он сам с немногими возвратился в Иверию, чтобы там перезимовать.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Когда римляне одержали победу в войне и наступила как бы передышка в несчастиях и одновременно смолк гром оружия, тогда было начато судебное дело об убийстве Губаза. Итак, Афанасий величественно восседал на высоком седалище, одетый в хламиду, которую носят только самые выдающиеся из начальников. Присутствовали люди опытнейшие в скорописи и в умении быстро и ловко расшифровывать написанное, другие служащие, держащие себя сурово и торжественно, опытнейшие в судебных делах, звонкоголосые глашатаи и ликторы. Все они были выделены константинопольским правительством.

Те, которым было поручено, выносили на середину железные оковы, ошейники, кандалы, петли и другие орудия пытки. И, мне кажется, император Юстиниан не безосновательно, не безрассудно, но весьма разумно приказал организовать судебное дело с таким церемониалом и торжественностью, чтобы не только присутствующие там варвары удивлялись римским учреждениям, когда они им будут представлены с торжественным церемониалом, и больше привыкли к их управлению, но если даже Губаз, убитый за попытку перейти к мидянам, окажется в этом изобличен, то чтобы колхи больше не скорбели о его убийстве и не возмущались этим, как страшным бедствием. Если же убийцы будут изобличены во лжи и в совершении постыдного преступления и будут осуждены общественным судом, то варварам приговор покажется более суровым и наказание окажется удвоенным, когда преступники будут проведены через войсковой строй в предшестве глашатая, карательного меча, когда виновным будут отрублены головы на виду у всех. Ибо он знал, что если он по обычаю варваров путем тайной казни прикажет устранить Рустика и Иоанна, то колхи будут считать, что недостаточно суровые наказания назначены за подобные преступления. Когда же судебное дело ведется перед трибуналом и дело решается с участием двух сторон и судебные служащие проходят взад и вперед, а виновные каждый по очереди в порядке встают и отвечают согласно приказанию,

когда зрителям будет показана вся торжественность суда и красноречие, поражающее слух, при выполнении всего этого само возмездие будет представлено варварам более суровым и даже, может быть, превышающим меру совершенного преступления. Процедура суда поражает даже самих римских граждан и лишает их душевного равновесия, хотя они часто с этим сталкиваются. Тем больше воздействие будет на варваров, к этому не приученных. По этой, я думаю, причине римский, лучше сказать аттический, трибунал был учрежден на Кавказе.

2. Тогда Рустик и Иоанн, выведенные, из тюрьмы, были поставлены с левой стороны как обвиняемые. На противоположной стороне появились в качестве обвинителей мудрейшие из колхов, уже давно изучившие греческий язык. Они попросили прежде всего огласить во всеуслышание инструкции императора по этому вопросу, которые Иоанн раньше привез военачальникам. Это требование было удовлетворено судьей: их громким голосом прочитал один из тех, которые к этому были предназначены. Они заключали в себе следующее: «Мне кажется невероятным и абсурдным сообщаемое вами, а именно, что Губаз решил, отвергнув отечественные нравы и тех, которые во всем с ним придерживаются одинаковых верований, оставить римлян и перейти на сторону людей, столь враждебных, чуждых и отличных от нашей веры, и притом не вызванный на это никакой с нашей стороны обидой. Впрочем, так как знаем, что все человеческое непрочное и обманчиво, и нередко можно наблюдать круговорот разнообразных и изменчивых случайностей, мы считаем, что не должен быть вполне лишен доверия и ваш вестник. Нельзя не попытаться предупредить то, что он или только замышляет, или уже окончательно решил. Поэтому мы оставляем за собой особо внимательное и тщательное изучение этого дела, которое еще не ясно. Конечно, тягостно ни на кого не полагаться твердо, относиться с подозрением и страхом даже к близким к нам. Тем не менее во всем мы последовательно придерживаемся этого принципа: мы следуем природе и не доверяем никому. Но чтобы, с одной стороны, не принимать поспешно какого-либо жестокого и бесчеловечного решения по отношению к Губазу, а, с другой стороны, чтобы не показаться слабым и непредусмотрительным, боящимся действия, чтобы избежать риска в том или другом отношении, решено нами нечто среднее, как более соответствующее умеренности, а именно: доставить этого человека сюда. Итак, пришлите его как можно скорее или добровольно, или принудительно. Если же он, узнав ваше желание, будет сопротивляться и откажется ехать, когда вы будете пытаться захватить его и отправить (так как и это вам позволительно делать) или даже поднимет на вас руки, тогда только мы будем убеждены на деле, что он задумал отпадение, и в дальнейшем будем считать его в числе величайших врагов, так что если даже кто его убьет, осмелившегося на это, то мы будем считать это только достойным воздаянием за преступление. Тогда исполнителя не постигнет никакое наказание. Он не будет наказан, как человекоубийца, но должен быть восхваляем как тираноубийца». Так были установлены точные инструкции императорского письма.

3. Тотчас же колхи, выделенные для обвинения, как только судья им предложил изложить сущность своего обвинения как они этого желают, горячо приступили к обвинению и сказали следующее: «Само совершенное преступление, о судья, даже если бы мы молчали, ясно требует, чтобы виновники были подвергнуты суровейшим наказаниям. Впрочем, если вашими законами так установлено, что даже об очевиднейших и величайших преступлениях решение не выносится, пока факты не будут доказаны речами, то и мы теперь кратко изложим сущность [обвинения]. Так нами будет выполнено предписание закона, даже если наша речь будет проста и бесхитростна и совершенно не будет соответствовать величине содеянных преступлений. Ибо какое оправдание может быть тем, кто бесчеловечно убил такого мужа, вашего друга, вашего слугу, товарища в войне и мире связанного с вами единством религии, всегда отстаивавшего ваши интересы, тех, кто возбудил против вас такое озлобление в народе, заслужив тем признательность ваших врагов? Ибо умерщвлен ими царь, притом царь народа небезызвестного, ревностный поборник добродетели, отстаивавший интересы римлян гораздо больше, чем убийцы. Действительно, повергнуты и расстроены дела колхов, а лучше сказать — дела всего государства, поскольку мы составляем часть, и немалую, [римских] подданных, нарушен и ваш целостный, нерушимый порядок, а ваша мощь сильно поколеблена, так как государство, здоровое и крепкое не во всех своих частях, но потрясенное хотя бы в малой своей части, уже не может стоять крепко. Напротив, присваивает себе ложное наименование то, что лишено целостности и совершенства. Итак, они являются виновниками всего этого. Но, говорят, вы не должны рассматривать самый факт, хотя и жестокий, а обращать внимание только на то, с какой целью и с каким намерением он совершен, больше представлять себе в уме разными темными, якобы правдоподобными аргументами воображаемое благодеяние, какое на самом деле он причинил. Рассеивая в толпе постоянно эти басни и ложь до начала суда, виновные полагали, что обманут души многих. Но если это они представят на самом суде, пусть знают, о судья, что не свойственно римлянам позволять себя дурачить безнаказанно, оставив без внимания явное, столь очевидное

злодеяние ради сомнительных отговорок, которые они тщетно выдумывают. Нельзя переносить тех, кто, убив такого мужа, этим бесстыдно хвастаются, бесстыдно лгут, будто это убийство принесло пользу государству. Каким образом могут сосуществовать кричащие противоположности или каким образом, называя это деяние бесчеловечным, мы одновременно будем восхвалять намерения выполнивших его? Всегда несоединимы и весьма далеко отстоят друг от друга и никогда не могут быть соединены подлость и польза, жестокость и правосудие.

4. Но если даже взять только одни их побуждения, то ими также изобличаются эти злобные и негоднейшие люди. Те, кто питает замыслы, благоприятные персам, как эти кровожадные, не могут даже называться римлянами. Нельзя иметь никакого дружественного общения с ними как соотечественниками. Они скорее должны рассматриваться как враги, как будто бы уже теперь отделенные от вас общим законом, хотя еще вами не написанным. Противники и враги должны узнаваться по своим делам, а не по месту пребывания. Осуществляющий с величайшим рвением угодное врагам должен рассматриваться по заслугам как враг, несмотря на то, что присутствовал здесь, вместе воевал и был ближайшим родственником. Но, говорят, они убили не друга, не царя, но скорее врага, тирана и сторонника персов. Они дошли до такого бесстыдства и низости, что мертвого обвиняют в склонности к мидянам. Несчастный, даже мертвый, не свободен от клеветы, но теперь обвиняется в измене, так что ему и победа нисколько не помогла. Какой закон у вас или у варваров одобрит обвинение после приведения приговора в исполнение? Сделавшись всем вместе – и судьями, и врагами, и обвинителями, – они вынесли приговор без объяснения причин, приговор, какой можно было вынести только тому, кто действительно обвинен в тирании.

Им нужно было, прежде чем умерщвлять его, если только они верили в свои обвинения, открыто возбудить против него судебное дело, вызвать на расследование виднейших граждан, а не клеветать, как теперь, на обвиняемого без суда. А если это всем позволено, то почему бы и нам не уничтожить этих людоедов нашими руками? А если нас, возможно, вызвали бы в суд, то мы выступали бы противниками уже мертвых и упрекали бы их в том, что ими было содеяно раньше. Мы пытались бы доказать, что мы справедливо одно преступление возместили другим. Ибо, мы, гораздо более оскорбленные очевидными преступлениями, совершенными ранее, могли бы легко отомстить за себя, и наше отмщение было бы правильным. Но если вам надлежит жить сообразно отечественным законам, то ни нам, ни другим не подобает совершать подобное. В самом деле, если одним будет позволено убивать своих личных врагов, как только им это заблагорассудится, и если эти случаи будут учащаться, и это своеволие возрастет до бесконечности, то каким образом у всех сохранится в неприкосновенности и целостности возможность служить свободно и без страха? Ибо если все будут безнаказанно убивать друг друга, если осмелятся безнаказанно наносить друг другу обиды, и вы не можете покарать их за это, то разве не погибнет нелепо весь народ, а возможность расследования будет пресечена наглостью предпочитающих самостоятельное мщение.

5. Но, скажут, какое зло в том, что благодаря убийству одного человека и притом изменника наши союзники научатся вести себя осмотрительнее? Конечно, если множество предателей будет истреблено, даже если исполнителям от этого не будет никакой пользы, то самый факт кары подобных преступников сам по себе достаточно полезен. Но если предательство это совершенно не доказано, и в то же время человек, так высоко поставленный, сразу умерщвляется и подвергается каре, – как будто уже изобличенный, то каким образом это сделает для вас союзников более сговорчивы ми? Разве не расторгнут они скорее договоры и соглашения если сочтут вас участниками такого преступления? Они могут думать, что если вы даже по отношению к людям, близким и теснейшим образом с вами связанным, до того бесчеловечны и низки, то никоим образом не можете быть постоянны и верны по отношению к чужеземным и иностранцам, с которыми вы считаетесь только до тех пор, пока этого требует необходимость. Но, само собой разумеется, вы не являетесь участниками этого безбожного замысла, и этот тяжкий, требующий очистительной жертвы грех, в котором всецело они виноваты, не затрагивает ни римского народа, ни укоренившегося у союзников убеждения, что вы всегда верны, постоянны и управляетесь справедливыми законами. Для большего убеждения нас в этом и учрежден этот ваш трибунал – для общей славы народа, дабы все понимали, что совершенно без вашего ведома колхам причинены такая жестокая несправедливость и насилие. Теперь, быть может, взгляды многих разделяются и колеблются. Когда же по твоему решению, судья, эти преступники будут скоро казнены, будет более ясно, чем теперь, что вы не привыкли предавать ваших друзей, но являетесь мстителями за сделанные преступления. Хотя на словах они, по видимому, защищают себя, на деле они вынуждены себя обвинять, изобличать и признавать подлость совершенного ими преступления. Ведь императорские письма предписывают военачальникам выслать Губаза в Византию, принудить его, если он не послушается и будет противиться необходимости, но отнюдь не умерщвлять, пока он не начнет действовать враждебно, открыто отпав

[от императора]. Они же, будучи военачальниками и не получив ни от кого позволения делать все, что им заблагорассудится, внезапно умертвили несчастного, даже не предложив ему отправиться в Византию, не сделав ни малейшего усилия принудить его, если бы он сопротивлялся, не предъявив в качестве доказательства правительственного предписания, если бы он каким-либо образом обнаружил неповиновение. Они хвастаются и кичатся, что выполнили поручение императора; в действительности же они изобличаются в полном пренебрежении к его воле, так как не утрастились возвести на Губазу ложное обвинение и собственным произволом вынести ему приговор, противоположный тем вполне разумным предписаниям, которые в действительности были даны [императором], и, что беззаконнее всего, даже не показали императорских писем, сделав вид, что они совершают свое деяние на основании этих писем.

6. Поэтому мы не думаем, чтобы какая-либо казнь и мучение могли превзойти их злодеяние. Должна избегаться и запрещаться законами всякая несправедливость по отношению к кому бы то ни было, а в особенности когда дело идет о том, с кем обошлись так возмутительно, кто был столь дружелюбен и благожелателен к вам, кто часто подвергался опасности ради своих союзников. Кто променял персидские богатства и все блага за одну дружбу с вами? Кто отверг дружбу Хосрова, у которого легко было ему получить большое богатство, кто предпочел у вас довольствоваться меньшим? Когда ваша страна в течение очень долгого времени была теснима мидянами, когда ваши войска еще медлили приходом, его быстро менял свое местопребывание, скрывался на высочайших вершинах Кавказа и, таким образом, предпочитал лучше вести жизнь, похожую на звериную, чем использовать щедрость врагов, вернуться домой и жить изнеженно и с полными удобствами? Кто же это? Тот, кто не боялся никаких трудностей и тягостей, если дело касалось важных интересов, – Губаз. О законы, о справедливость! И о нем, Губазе, говорят, что он тиран, что он замышлял перейти к мидянам и предать римлян. Умерщвлен Рустиком и Иоанном, отвратительными и гнусными людьми, человек, бывший царем, который, даже если бы он действительно был виновен в этом преступлении, все же не мог бы быть караем сразу же этими людьми, но должен был отчитаться в своих действиях и получить своевременно заслуженное наказание от общего величайшего и правосуднейшего государя римлян и колхов. Но у них не было никакой уважительной причины для совершения этого преступления; только безумная ненависть, вытекавшая из зависти, довела их до этого преступления, не оставив никакого времени для правильного обсуждения, обдуманного размышления и осознания должного. Поэтому, отбросив все преграды, дав полную свободу раздутую высокомерию своей души и пылающей ненависти, они осуществили то, что замыслили и обдумали в своей душе гораздо раньше, используя эти письма как предлог, даже не обратив внимания и не помыслив об особенностях настоящего положения. Когда нависла столь тяжелая война, благоразумным людям свойственно привлекать к себе гуманностью чужестранные и еще не знакомые народы. Эти же приложили все усилия к тому, чтобы вооружить против римлян даже те народы, которые уже давно связаны с ними самыми тесными узами. И действительно, насколько это было в их силах, они стремились к тому, чтобы мы отдались нашим врагам и устраивали козни против старых друзей. Страна наша стала бы персидской, отечественные учреждения были бы совершенно уничтожены, все пришло бы в хаотическое состояние, – какие безумные замыслы для поднятия восстания и внутреннего смятения в вашей стране! Когда дело обстоит таким образом и наши дела так потрясены, то, если можно придумать достойное наказание преступникам, оно должно быть придумано. И если мы всегда верны римлянам, то несправедливо, судья, чтобы преступники злоупотребляли нашей кротостью и претерпели меньше, чем требует величина их преступления».

7. Когда они так обвиняли, собравшиеся там толпы колхов не могли хорошо расслышать отдельные слова или уяснить значение отдельных аргументов. Но, зная, о чем шла речь, они помогали обвинителям выражением своего им сочувствия соответствующими жестами и мимикой. Находясь в сильном душевном волнении, они отображали на своих лицах то надежду, то отчаяние. И затем, когда обвинители кончили речь, а судья немного помедлил и устроил совещание, они были этим огорчены и молча возмущались, что преступников не подвергают казни немедленно. Когда же судья объявил, что и обвиняемые могут сказать в свою защиту все, что желают, тогда они начали открыто протестовать и шуметь, причем уже явственно слышались отдельные негодующие выкрики. Но обвинители, знаками призвав к молчанию толпу, предупредили нарастание беспорядка. Когда водворилось молчание. Рустик, выйдя на середину с братом своим Иоанном, сказал следующее: «Судьба быстро изменила и повернула в обратную сторону наши желания. Когда нам полагаются величайшие награды, мы пытаемся избежать смертного приговора. Но тем не менее этот суд представляется нам весьма желательным и исполненным величайшей славы. Пусть станет всем ясно, что нам одним принадлежит заслуга умерщвления предателя и тирана и сохранения интересов императора, так что, если нас постигнет смерть, мы охотно воспримем как желательное и добровольное то, что вынуждено

и горько. Мы умрем, сохраняя прекрасное для ободрения и успокоения души напутствие на дорогу – наше собственное сознание, что оставляем римлян, сохраняющих власть в Колхиде, сознание, что она не отнята у них. Если бы этот трибунал был персидским и нам пришлось бы выступать перед их судом, то, конечно, вам было бы необходимо отрицать то, что было сделано, следовало бояться расследования, мы всячески бы стремились всеми способами отрицать [наше участие] перед судьями, настроенными по отношению к нам враждебным образом, раздраженными этим событием, так как благодаря ему они лишились своей надежды.

«Когда же судья – римлянин, зачем нам отрицать факты или зачем оправдываться перед вами в том, что мы убили тирана и этим оказали вам большие услуги? Не должно приписывать почетный титул царя тому, кто его совершенно не заслужил и сам доказал это, хотя об этом и кричат обвинители и говорят о жестокости совершенного нами злодеяния. Ибо подобает давать этот титул не носителю внешних украшений – фибул и хламид, но тому, кто почитает правосудие, умеет сдерживать свои страсти, а свои помыслы направляет только к возвышенному. Если бы убили такого мужа, мы поступили бы противозаконно, обвинение было бы справедливым и колхи нас справедливо называли бы насильниками, гордецами, разбойниками.

Но так как его нрав был весьма далек от этих добродетелей и он не замыслил ничего разумного, но думал только о том, как бы тайно навести на нас персов и им продать нашу власть, то разве не было наилучшим исходом предотвратить этим славнейшим деянием самую возможность угрожавшей напасти? Тот, кто чувствует опасность, угрожающую от чьих-либо козней, если только может, должен немедленно предотвратить эти козни и угрожающий кризис любыми способами: вместо того, чтобы медлить, приспособляться к обстоятельствам, должен нанести удар огромной силы, а не удовлетворяться возможностью предотвращать козни другими кознями. Ибо, когда замыслы уже приведены в действие, не остается никакого средства предотвращения [их], все сразу пойдет к худшему, когда с уничтожением общественного спасения пропадает даже надежда на него. Поэтому благоразумным нужно действовать быстро и предупреждать, чтобы не случилось чего-либо неоправданного.

8. Хотя обвинители и усердствуют, называя это преступлением, заслуживающим очистительной жертвы, разбоем и другими того же рода трагическими наименованиями, чтобы представить событие в самом отвратительном виде, и всеми силами стараюсь представить только голый факт, но твое дело, судья, внимательно рассмотреть также все то, что ему предшествовало, что нас побудило к этому делу, и из полной обоснованности наших мотивов убедиться в нашей преданности. Ведь мы видим повсеместно по городам, как бродяг, воров и других подобных преступников карают отсечением головы, отсечением ног, и мы не осуждаем такую казнь, которую видим своими глазами, какой бы она ни представлялась зам жестокой и бесчеловечной, и не осуждаем за то должностных лиц, выносящих приговоры, не называем их проклятыми, безумными, преступными. Но, рассматривая проделанное [преступниками] и учитывая то, что они получают возмездие за свои преступления, мы радуемся жестокости [наказаний]. Не напрасно изобретена казнь, так как преступники отнюдь не исчезают. Умерщвлен нами Губаз. Правильно определяя понятие врага, обвинители согласны, что оно относится не только к чужестранцу, но даже и к соотечественнику, который стремится служить врагам. И мы такое определение считаем наилучшим, так как оно свойственно сущности самого дела. Так как каждая из сторон согласна с этим, то позволь нам доказать, что Губаз был враг, пользуясь этим самым определением. Если это будет доказано, то станет очевидным, что он убит по справедливости. Всегда всякий варварский народ, хотя и подвластен римлянам, но умом отстоит от них весьма далеко, с трудом переносит бремя законов, установленный порядок и обычно стремится к переменам и смутам. И мысли жить безмятежно под властью других он никак не допускает, даже не думая о том, пострадал ли он от какой-нибудь несправедливости. Так как им невозможно примириться с этим, народы сходных с ними порядков и близко к ним расположенные стремятся присоединить их к себе. Хотя Губаз был подвержен всем этим порокам как варвар и страдал свойственным этому народу вероломством, но он, сверх того, проникся такою ненавистью к нам, что даже не считал нужным ее скрывать. Наоборот, он выявил и проявил враждебность открыто на деле, ту ненависть, которую носил скрытно уже давно в своей душе.

Когда мы напряженно трудились и подвергались всем опасностям, чтобы разрушать планы врагов, – он считал, по нужно оставаться дома со своими соотечественниками и не принимать никакого участия в военных действиях. Но он тщательно наблюдал, куда клонится ход боевых состязаний. Если римлянами совершалось какое-либо славное дело и доставляло соответствующую истинную славу победы, он, выявляя свой враждебный завистливый нрав, пытался сейчас же осмеивать совершенное, развенчать величие совершенного деяния, называл его потешным концом смешного предприятия, и если оно и удалось, приписывал его не храбрости, а изменчивости судьбы. А когда мы случайно

терпели неудачу (ибо как может случиться, чтобы человеческие дела всегда оставались в одном положении, а не превращались в свою противоположность), тогда он, как некий добровольный судья событий, тотчас же освобождал судьбу от всякой вины, как будто бы исход событий от нее не зависел. Для него тогда оставалось твердо установленным, что нет никакой другой причины нашей неудачи, кроме дряблости нашего духа, бессилия рук и безрассудства планов. Изменчивость, непостоянство и капризы судьбы и все, чем оскорблял нас, он никогда не относил за счет врагов, как будто в этом отношении они превосходили нас.

9. И об этом он кричал открыто и давал знать не только персидским войскам, которым во всем способствовал и содействовал, но тотчас же гонцы, отправленные им, объявляли об этом в Иверии, среди племени сванов, варварам, живущим по ту сторону Кавказского хребта, живущим дальше этих и еще дальше. Он не поколебался бы ради этого обойти все концы земли. А суть известий была такова: «римляне негодны в войне и побеждаются варварами». И в этих делах он прилагал все свое старание, не только чтобы оскорбить весь римский народ (хотя и это чудовищно и достаточно явное доказательство враждебной души), но к этому он прибавлял и нечто другое, еще более важное, над чем он больше всего трудился и упражнялся. Он замышлял поколебать частично мнение, сложившееся у всех народов о величайшем императоре как превосходящем силой всех других и украшенном бесчисленными трофеями и таким образом их, охваченных страхом и удивлением к величию римского имени, натолкнуть на дерзость и своеволие.

Не называется ли по справедливости тот, кто это делает, врагом? Или его лучше назвать другом, благожелательным царем, находящимся под защитой договора, и другими титулами, какими обвинители украшают тирана, хотя обе стороны согласны в том, что не иначе можно отличить друзей от врагов, как только по результату их дел и по доброй или злой их настроенности.

Если мы доказали, что Губаз огорчился нашими победами и радовался, если случалось по нашей вине какая-либо неудача, то зачем же варвары ссылаются на римские законы, по предписанию которых мы привыкли наказывать или, если нужно, даже уничтожать колеблющихся хотя бы частично государственный порядок или причиняющих ему вред?

Но если кажется лучшим оставить догадки и предположения и рассмотреть исключительно голые факты, то куда это рассмотрение нас приведет? Персы занимали укрепление Оногурис, выделенное из Археопольской области. Позорно, что неприятельские войска прочно утвердились в нашей стране, в наших стенах. Военачальники твердо решили двигаться на них всем войском, истребить или изгнать тех, кто нам был наиболее враждебен, кто подготовлял против нас всякие козни. Для этого предприятия необходимо нам было войско колхов не только потому, что, знакомые с местностью больше, чем мы, помогли бы нам своими советами, но и для того, чтобы объединить с нами свое войско и свои силы, так как нам пришлось бы сражаться против тяжеловооруженных, засевших в укрепленном месте, и против тех, кто, вероятно, пришел бы им на помощь из Мухиризиса. Что нужно было сделать военачальникам при таких обстоятельствах? Нужно было встретиться с вождем племени и просить его о союзе, объяснив ему справедливость просьбы. И, действительно, встретились и объяснили нужное. Он же, как будто убедив себя, что он и в самом деле царь, и что ему, следовательно, позволено и действительно жить по своему произволу, не захотел не только соединить свое войско с нашим для штурма укрепления, но даже присутствовать при нем. При этом он не дал даже никаких объяснений, хотя бы и мало удовлетворительных, но представляющих какой-нибудь благовидный предлог для отказа. Вместо этого он отказал в нашем требовании самым грубым образом, надменнее, чем подобало наемнику и подданному. Сверх того, упорствуя в своей ненависти против военачальников, он, как враг, обрушился на них с оскорблениями, считая это храбростью, приличествующей царям. Конечно, при этом он совершенно определенно проявил бесстыдство в давно задуманном преступлении. Разве можно было при таких обстоятельствах медлить дальше, ожидать более веских доказательств, показывать императорские письма, в которых от него требовали отправиться в Византию, когда он не хотел проделать и весьма короткого пути внутри своей страны? Как мы могли попытаться послать его, пропитанного к вам такой враждебностью, в Византию? Какое беспримерное смятение, сколько внутренних смертоубийственных столкновений мы возбудили бы этим! Скорее всего мы дали бы толчок к открытому отпадению и непрерывным вторжениям персов, когда этот враг бесстыдно противился нам и 80 всем сильно противодействовал, когда и без того весь народ этот весьма склонен к возмущению, склонен более, чем другие варвары, к изменению существующего строя, в особенности когда поблизости есть желающие принять их под свою защиту. Мы же, умертвив вождя возмущения, таким образом легко предотвратили целую цепь подобных бедствий, уже назревавшую и рождающуюся, предотвратили настолько легко, что теперь даже открыто отказываются верить, действительно ли что-то подготовлялось.

10. Поэтому пусть, судья, не предъявляют писем и не осуждают нас в том, что мы совершенно

нарушили инструкции. Кому не было очевидно, что предписание о необходимости ему идти в Византию было только пробой и испытанием, подчинится ли он добровольно предписаниям и будет ли с ними считаться должным образом. А так как вам были хорошо известны упрямство и наглость его души, почему он отказался от меньшего, то каким образом его можно было побудить к большему, не придя тотчас же к великому кризису? А мы пришли бы к нему неизбежно, когда и без того много зла произошло в то время. Кто пренебрегает благоприятным моментом и не хватается сейчас же за то, что нужно делать, напрасно дальше будет призывать упущенную возможность. Оставалось, быть может, как говорят обвинители, начать судебное дело против Губаза и вызвать в суде пустое словопрение, предпочитая безопасности надутые речи, но этого не позволяли уже имевшиеся налицо персы, представляющие самую реальную угрозу и готовые к нападению на всю область колхов по его наущению и при его содействии. Теперь, когда мы всесторонне показали, что Губаз одновременно и враг и предатель, помыслы которого были направлены к тирании, какую разницу думают видеть колхи в том, был ли он умерщвлен нами или другими? Чувство любви к отечеству рождается и упрочивается не у одних только полководцев или лиц, облеченных властью, но у каждого, желающего жить свободно, является соответствующая забота о государстве, в котором он занимает какое-нибудь место, и желание всеми силами способствовать общественному благоденствию. Хотя они называют нас проклятыми и достойными презрения, однако на самом деле мы – вернейшие подданные императора и римские патриоты, не позволяющие злоумышлять против него. Если нужно к этому еще что-либо прибавить, то знай, судья, твердо, что это правильное и справедливое, выполненное по необходимости деяние, совершено с одобрения Мартина!

11. Когда эти закончили речь, Афанасий прежде всего обратил внимание на речи Рустика. Дважды был судебный допрос, все обстоятельства были точно разобраны и исследованы, было установлено отсутствие какой-либо измены или стремления к тирании со стороны Губаза, а [как выяснилось] имело место незаконнейшее и низкое убийство. Если он отказался от совместного похода к Оногурису, то причиной этому было не его отпадение на сторону мидян, но его негодование на начальников войска за то, что укрепление это было потеряно вследствие их безрассудства и небрежности. Когда все это судьей было установлено, то он решил сообщить, что Мартин принимал участие в подготовке этого злодеяния, довести до сведения императора. Им же, неопровержимо уличенным в убийстве, он вынес приговор, в котором предписывал подвергнуть их немедленно смертной казни путем отсечения головы. Их провозили по общественным дорогам, посаженных на мулов специально для колхов, что было для них предметом любопытного зрелища и напоминанием о необходимости величайшей осмотрительности. Особенно их поражал голос герольда – глашатая, кричавшего громко и пронзительно, призывавшего бояться законов и воздерживаться от несправедливых убийств. Когда же у них были отрублены головы, все прониклись состраданием, забыв об оскорблении. Этим закончился суд. Колхи же снова почувствовали величайшее благорасположение к римлянам, восстановив старые к ним отношения.

12. После этого римское войско зимовало в городках и укреплениях, как каждому было указано. В это время люди, имеющие наибольшую власть у мисимиян, пришли в Иверию к Нахогарану и объявили ему, что они сделали с Сотерихом. Истинную причину они дипломатично скрыли, сказали только, что когда они в течение долгого времени стояли на стороне персов, их обливали грязью колхи и римляне и считали их самыми опозоренными людьми. Напоследок же явился к ним сам Сотерих на словах якобы для распределения денег союзникам, а на деле для того, чтобы уничтожить и погубить весь народ. «Итак, нам надлежало, – говорили ораторы, – или совершенно погибнуть, или, предупредив римлян, заслужить у кого-либо славу необдуманности и с их стороны подвергаться осуждению, но сохранить наш старый образ жизни и принять о делах, нас касающихся, наиболее полезное решение. Мы избрали лучшее и более соответствующее человеческим нравам, мало заботясь о брани и упреках, а выше всего ставя наше спасение. Поэтому мы умертвили Сотериха и тех, кто явился с ним для указанных целей, чтобы отомстить за нанесенную нам обиду и, этим дав залог крепчайшей верности персам, перейти к ним с наибольшей славой. Поскольку за все это и в особенности за отпадение на сторону персов римляне не перестанут нас преследовать своим гневом и весьма скоро нападут, чтобы перебить нас всех, насколько это от них зависит, то подобает тебе, военачальник, принять нас благосклонно, защищать нас и заботиться о сохранении страны, как своей собственной, подчиненной вам, не пренебрегать народом, которому угрожает смертельная опасность, не малым и не темным, но могущим принести величайшую пользу персидской монархии. Ибо вы легко убедитесь, что в военном деле мы опытни и, по заключении с вами союза, будем сражаться весьма храбро и у вас будет местность, расположенная внутри самой территории колхов, – безопасный стратегический пункт, весьма удобный для совершения набегов и являющийся как бы бастионом против врагов». Нахогаран, услышав это, принял их весьма радостно, похвалил за

отпадение и приказал возвратиться домой в уверенности, что в нужный момент они получат персидскую помощь. Послы, вернувшись домой и рассказав обо всем, внушили народу величайшие надежды.

13. Весной римские военачальники собрались и решили идти на мисимиян. Бузе же и Юстину было приказано остаться у Острова для охраны этого пункта и для заботы обо всем. Послано было против неприятеля около четырех тысяч пехоты и конницы, среди которых были и мужи, пользующиеся величайшей известностью, и среди них – Максенций и Феодор, вождь отряда цаннов, оба воинственные и таксиархи. Так они начали поход. Предполагалось, что немного позже к ним присоединится и Мартин как будущий военачальник, чтобы поход даже на короткое время не был лишен вождя. Начальство над всеми войсками, пока они будут проходить через подвластную территорию, было передано армянину Боразу и Фарсанту – колху, которые ни военной доблестью, ни другими достоинствами не превосходили прочих участников, но некоторым даже уступали, ибо Бораз числился в разряде лохагов, другой же был вождем служившей при императорском дворце тагмы колхов, звание [его] – магистр, название же тагма получила по имени служивших в ней варваров. Но он не имел ни такого благоразумия, ни такого авторитета, чтобы управлять уверенно римским войском.

Итак, это войско с наступлением лета пришло в страну апсильцев. Когда оно хотело продвинуться дальше, то препятствием ему явился персидский отряд, там собранный. Ибо, узнав о приготовлениях римлян и о том, что они идут на мисимиян, персы, выступив из Иверии и городков, расположенных вокруг Мухиризиса, двинулись на римлян, предупредив их в занятии местности, чтобы оказать там помощь мисимиянам. Поэтому римляне, находясь в укреплениях апсильцев, старались протянуть время, пока не истечет срок жатвы; идти же в боевом строю против персов и соединенных с ними мисимиян считали неосмотрительным и даже весьма опасным. Итак, каждое войско оставалось на месте; ни одно из них не делало даже попытки продвинуться дальше, но они взаимно наблюдали друг за другом и выжидали, кто двинется первым. Были у персов также вспомогательные войска из гуннов савиров. Этот народ, и величайший и многочисленный, весьма жаден и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу присоединяясь в качестве участника войны и опасностей то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим. В прежней войне они сражались против персов, когда в ночном бою истребили большое число напавших на них дилимнитов, как об этом я выше рассказал. Когда же военные действия были закончены, они были отпущены римлянами, получив условленную плату, и перешли на сторону тех, кто немного раньше были их ожесточенными врагами, те ли самые или другие, но во всяком случае из этого народа, посланные в качестве союзного войска.

14. Из них около пятисот савиров помещались на каком-то возвышенном пункте, далеко отстоящем от остального войска. Когда Максенций и Феодор хорошо разведали, что они, отложив оружие, находятся в беззаботном состоянии, то тотчас послали против них триста всадников. Окружив незаметно стены (они были не очень высоки, так что можно было видеть лицо стоящего внутри всадника), подойдя, как я сказал, к стенам со всех сторон, они стали поражать варваров метательными копьями, камнями, стрелами и всем, что попадалось под руку. Те, вообразив, что врагов больше, чем было на деле, пораженные неожиданностью, даже не думали о защите. Не было возможности и для бегства, так как они находились внутри стен. Итак, все находящиеся там были быстро перебиты. Только сорок человек чудесным образом, при помощи рук и ног взобравшись на стены, бросились в разные стороны и скрылись в ближайшем дремучем лесу. Но римляне и там не прекращали их преследования. Как только об этом были извещены персы, тотчас они послали отряд всадников в две тысячи человек в безукоризненном боевом порядке. Римляне же, уступая им в численности и как бы удовлетворенные совершившимся, поспешно отступили и оказались в безопасности в укреплении, из которого вышли, гордясь славным деянием и скорбя только о Максенции, так как он был весьма тяжело ранен каким-то варваром, скрывшимся в лесу. Положенный на носилки, он был спасен сверх ожидания. Тотчас же после ранения спутники, подняв его, быстро унесли оттуда, прежде чем враги нагрянули массой. Когда же те явились и напали, тогда римляне убежали по какому-то другому пути, увлекая за собой преследователей, и дали [другим римлянам] возможность, хотя с трудом, доставить его до укрепления.

15. Между тем Юстин, сын Германа, послал одного из своих таксиархов, гунна по происхождению, по имени Эльминзура из Острова в Родополь с двумя тысячами всадников. Этот Родополь был городком колхов, а в то время занят был персами. Взят он был гораздо раньше Мермероем, который поместил в нем персидский гарнизон. Я обхожу молчанием, каким образом это произошло, так как

это ясно описано Прокопием. Когда Эльминзур туда явился, ему помогла счастливая судьба. Персидский гарнизон в то время случайно находился вне города; большинство же жителей рассыпалось по разным местам. Войдя в него без всякого труда и подчинив город своей власти, он произвел разведку окружающей местности и истребил до одного всех встретившихся персидских солдат. Что же касается местных уроженцев и обывателей, то, так как он знал, что они скорее благодаря внешнему давлению, чем по собственному вероломству перешли на сторону персов, то он позволил им жить в отечественном городе, ради большей гарантии взяв заложников, и урегулировал там все должным образом. Так, Родополь был возвращен в прежнее состояние, вернулся к отечественным правам и подчинился римскому императору. Этим летом не произошло больше ничего, достойного упоминания. Когда наступила зима, персы, тотчас же снявшись с лагерей, отступили снова в Котаисий и Иверию с целью там зимовать, отказавшись тем самым на длительное время от помощи мисимиянам. Ибо отечественными установлениями и нравами у них не допускается предпринимать зимой продолжительные и трудные заграничные военные походы. Римляне же, освободившись от преграждающих путь персов, продолжали свой поход в сторону мисимиян. Когда они дошли до так называемого укрепления Тибелия, отделяющего страну мисимиян от апсильцев, прибыл Мартин, чтобы принять команду и руководить всем войском. Но некая приключившаяся с ним там тяжелая болезнь помешала осуществлению его намерения. Поэтому он остался там, чтобы немного позднее возвратиться в страну колхов и в ее крепости. Войско же тем временем продолжало продвигаться вперед, руководимое прежними командирами. Прежде всего оно решило еще раз испытать настроение мисимиян, не возвратятся ли они добровольно к более благоразумным намерениям, признав своих прежних правителей, не раскаются ли они в совершенных ими преступлениях, сдавшись римлянам без боя и возвратив все деньги, похищенные у Сотериха. Итак, отобрав, насколько это было возможно, самых разумных людей из апсильцев, [римские начальники] посылают их в качестве послов. Мисимияне же были далеки от того, чтобы отказаться от своего упорства и новыми деяниями загладить безрассудство старых. Мало того, эти преступные люди, обремененные злодеяниями, находящиеся во власти злого демона, заслуживающие всякого бранного наименования, которое им могло присвоить справедливое негодование, отбросив и нарушив общечеловеческие законы, немедленно убили послов, хотя они были апсильцами, их соседями, близкими им по образу жизни, хотя они и не знали и не принимали участия в том, в чем те обвиняли одинаково римлян и Сотериха, но желали только сделать дружеский без всякого упрека совет, могущий принести им выгоду.

16. Итак, начав по своему безумию с нечестивых дел, они продолжали упорствовать в прежних и даже еще более нечестивых преступлениях. Хотя они знали, что персы ушли и не придут, как было условлено, на помощь, но, полагаясь на трудно проходимые места и надеясь, что римляне их никогда не перейдут и не преодолеют, совершили еще более жестокие преступления. Есть в этой стране гора, привлекающая внимание, не слишком высокая и возвышающаяся не намного над местностью, но чрезвычайно крутая, перпендикулярно поднимающаяся вверх, со скалами, обрывающимися во все стороны. Посредине была тесная, плохо протоптанная дорога, трудно доступная даже для одного бесстрашного человека, так что если бы один человек, стоящий на вершине горы, препятствовал проходу, то враги, даже весьма многочисленные, легко вооруженные и такие же ловкие, как исавры, никогда не смогли бы пройти. Полагаясь на эту местность, они пришли к крайнему безумию. Римляне, когда им стало известно об ужасном злодеянии мисимиян, были охвачены бешеным негодованием. Когда варвары медлили и на горе не была еще установлена охрана, римляне, предупредив их, заняли вершину и, овладев ею без всякого сопротивления, рассыпались немедленно по более плоской и доступной для лошадей местности. Мисимияне же, лишившись этой надежды, тотчас сожгли многие ненужные им укрепления, так как не в состоянии были защищать их и все собрались в одном, которое казалось им наиболее укрепленным. С древних времен оно называется Тцахар; называют его железным за его неприступность и крепость. На маленькую кучку римлян и не больше чем сорок всадников, собравшихся вместе (они, однако, были не из рядовых, но отборные и принадлежали к начальникам), когда они продвигались вперед отдельно от остального войска, напало шестьсот мисимиян пеших и конных, полагая, что, окружив их, легко перебьют благодаря своей численности. Но те, имея опыт в военном деле и быстро заняв какой-то холм, показали доблестные дела. Завязался ожесточенный бой, шедший с переменным успехом. Они пытались окружить римлян. Римляне же то бросались на них сомкнутым строем, чтобы прорвать и привести в расстройство весь варварский строй, то отступали и возвращались в безопасное место. Между тем остальные римские войска внезапно показались на одной возвышающейся над местностью горе. Варвары, подозревая засаду и хитрость, тотчас обратились в поспешное бегство. Римское же войско (ибо все перемешались между собою) ожесточенно преследовало врагов, пока не истребило их множество, так

что из всего количества врагов только восемьдесят человек остались невредимыми в этом железном укреплении. Я не сомневаюсь, что если бы римляне одним дружным натиском напали на это укрепление, то враги, потрясенные только что понесенным поражением, могли бы быть взяты с первого приступа и в тот же день война была бы закончена. Но так как римляне лишены были надлежащего вождя, который обладал бы властью и благоразумием, но были все между собою почти равны и, взаимно упрекая друг друга, отдавали противоречивые приказания, и каждый слушал только самого себя, то действия их остались незаконченными и не заслуживали одобрения. Так как они приходили к разным решениям и предлагали один одно, другой другое, то не делалось ничего из того, что они затевали. Каждый, негодуя, что его мнение не принято, приступал к делу небрежнее и нерадивее и больше радовался неудачному исходу, чтобы в дальнейшем хвалиться и говорить своим, что он не может указать никакой другой причины неудачи, кроме той, что не последовали его личному мнению.

17. Находясь в таком состоянии, они разбили лагерь дальше от врага, чем полагалось при осаде. Затем выступили около рассвета, не произвели должной разведки, но, охваченные косностью и медлительностью, считали безделицей серьезные и весьма благоприятные обстоятельства. Позже, чем подобало, произвели нападение на врагов; раньше, чем следовало, вернулись обратно. Узнав об этом Мартин немедленно послал к ним в качестве вождя и руководителя каппадокийца по происхождению, уже давно почтенного полководческим достоинством, имя которого было Иоанн, а прозвище ему дали Дакик. Он прислан был к колхам немного раньше императором, имел полномочия Рустика, а именно обо всем происходящем тщательно осведомлять его, а отличившихся воинов награждать императорскими дарами. Итак, этот Иоанн, придя в страну мисимиян и став во главе римского войска, тотчас расставил всех вокруг укрепления и начал осаду, одновременно производя нападение на оставшихся вне и стремясь расстроить все их дела. Большинство жилищ не было окружено стеной, но находилось в скалистой местности, расположенной вблизи. Утесы и обрывистые скалы, простираясь в длину, делали чрезвычайно трудным всякий доступ к нему и проход для всех незнакомых с местностью чужестранцев. Местные же жители, знавшие местность, с трудом спускались вниз по одной чрезвычайно узкой и скрытой тропинке в случае необходимости и снова взбиралась наверх. У подножия горы на влажном и плоском месте били ключом источники с питьевой водой. Там, спускаясь ночью (так как римляне за ними наблюдали и частично мешали), варвары черпали воду. Один исавр, по имени Илл, поставленный здесь на карауле, когда увидел множество мисимиян, поздно ночью спускающихся сюда [к источнику], не мешал этому, будучи скрытым и соблюдая тишину. Когда же они, наполнив сосуды водой, возвращались обратно, исавр тайно последовал за ними, одновременно с ними поднимался, пока не вззошел на вершину и внимательно не рассмотрел местность, насколько мог это сделать в темноте, и установил, что не больше восьми человек было поставлено для караула и защиты прохода. Выяснив все это, он тотчас спустился вниз и все доложил полководцу. Тот был весьма обрадован известием, и ближайшей ночью отобрал сто храбрых и ловких воинов и послал их к подъему разведать местность и произвести нападение, когда это позволит обстановка. Он приказал им, когда прочно закрепятся на вершине, подать знак трубой, чтобы и остальное войско произвело нападение на стены и враги со всех сторон были приведены в замешательство.

18. Илл, идя впереди, повел людей к подъему, уже им разведанному. За ним следовал Зипер, дорифор Маркеллина, за ним Леонтий, сын Дабрагеца, а за ним Феодор, таксиарх цаннов, а за ним по порядку следовали все остальные. Когда уже прошли половину пути, те, кто шли впереди, ясно заметили зажженный стражами огонь и что они лежат весьма близко к нему. Семь из них, очевидно, спали и лежали, растянувшись. Только один, облокотившись на руку, был похож на бодрствующего, но и он уже боролся со сном, опустив отяжелевшую голову. Однако было неизвестно, как дело пойдет дальше, так как он часто качал головой и снова ее поднимал. В это время Леонтий, сын Дабрагеца, поскользнулся в какой-то луже, упал и покатился вниз, сломав щит. Естественно, раздался сильный звук. Испуганные стражи пробудились и, сидя на своих ложах, обнажили мечи, поворачивали головы в разные стороны, но не могли понять, что произошло. Так как блеск огня ослеплял их глаза, то они не могли рассмотреть стоящих во мраке, и стук, происшедший во время их сна, не был вполне ясен и различим, как такой, какой мог быть произведен только поломкой оружия. Римляне же тщательно все наблюдали. Задержав шаг, они оставались спокойными и молчаливыми, как будто корнями вросли в землю; не было слышно никакого звука; ноги оставались неподвижными так, как они были поставлены, и застыли на остром камне или прижимая куст. Если бы дело не обстояло таким образом, какое-то сознание того, что делалось, дошло бы до стражей и они, конечно, сбросили бы какой-нибудь огромный камень, который, падая вниз, легко сокрушил бы всех, пытавшихся подняться. Поэтому римляне стояли молча и неподвижно, так что не слышно было даже их дыхания, зарождавшегося в

груди. И, разумеется, я удивляюсь им и хвалю их образцовый порядок, то, что они моментально, как будто по уговору понимая то, чего требовала обстановка, застыли в образцовом порядке, мысленно сообразив то, что время не позволило высказать. Варвары же, не заметив ничего угрожающего и опасного, снова возвратились к тому, что им было желательно, и сладко заснули.

19. Тогда римляне, напав на них, объятых сном, изрубили как других, так и этого полубодравшегося, как его кто-то назвал в шутку, и затем, неустрашимо продвигаясь вперед, рассыпались по улицам. Одновременно труба возвестила начало битвы. Услышав это, мисимияне были поражены и неожиданностью и познанием обстановки. Вскочив с постелей, они пытались собраться и соединиться, выскакивая из разных жилищ. Но римляне, встречая их при выходе и принимая их, так сказать, мечами, произвели страшное избиение. Одни, уже выскочившие, немедленно умерщвлялись, а за ними другие, третьи, так что не было никакого перерыва в избиении, производимом в общей свалке. Многие женщины, вскочив с постелей, с громким плачем высыпали на улицу. Но охваченные гневом римляне не пощадили и их. И они, жесточайшим образом изрубленные, явились искупительной жертвой за преступное бесстыдство своих мужей. Одна красивая женщина выскочила с зажженным факелом в руках и была хорошо видима, но и она, пронзенная копьем в живот, погибла самым жалким образом. Из римлян же кто-то, схватив факел, бросил огонь в жилище. Жилища, построенные из дерева и соломы, быстро воспламенились. Пламя поднялось так высоко, что возвестило о происходящем народу апсилийцев и другим, более отдаленным. Тогда, конечно, варвары стали погибать еще более страшным способом. Те, кто оставались дома, сжигались вместе с домами, или их давили обрушившиеся постройки. Над теми же, которые выскакивали из домов, нависала еще более верная смерть от мечей. Было захвачено много блуждающих детей ищущих своих матерей. Из них одних умерщвляли, жестоко разбивая о камни. Другие же, как бы для забавы подбрасываемые высоко и затем падающие вниз, принимались на подставленные копыя и пронзались ими в воздухе. И, конечно, римляне не без основания проявили величайшее озлобление против мисимиян как за убийство Сотериха, так и за преступное злодейство по отношению к послам, но, разумеется, не следовало по отношению к детям, которые отнюдь не являлись участниками злодейств их отцов, свирепствовать так жестоко. И этот проступок не прошел безнаказанно.

20. Вся ночь была проведена в этих ужасных делах. Когда уже все это место было разорено, пятьсот хорошо вооруженных мисимиян, выйдя из укрепления, на рассвете напали на римлян, которые даже не выставили караулов, так как считали, что одержали полную победу. Поэтому весьма многих из них убили, прочих же обратили в бегство, быстро выгнав их из поселения. Те беспорядочно бросились вниз, возвратились в лагерь с многочисленными и разнообразными ранами от неприятельского оружия и от сильных ушибов ног от частых падений на камни. Поэтому у них не было больше духа карабкаться на эту скалу, но предпочтительнее казался штурм стены в той части, где нападение было наиболее удобно, а ров засыпан. Сообразно этому построив несколько домиков и хижин как можно ближе к стене, они безопасно штурмовали ее, пользуясь одинаково и осадными орудиями, и метанием копий, и другими подобными способами, делая положение тех, кто был внутри, чрезвычайно тяжелым и даже невыносимым. Варвары от этого тяжело страдали, были весьма сильно теснимы, но не переставали защищаться. Некоторые из них, пользуясь черепахами, пытались наступать на римские сооружения, чтобы их разрушить. Но прежде чем они приблизились и должным образом прикрылись, некий Сваруна по имени, славянин по происхождению, метнул копье в не успевшего еще прикрыться и поразил его смертельно. Тотчас же черепаха дрогнула и, рассыпавшись, рухнула. Раскрылись и остались без защиты люди, которых римляне легко перебили, поражая копьями. Один из них, однако, спасся бегством и уже приблизился к укреплению, входил в ворота, но тут погиб, пораженный многими стрелами и, рухнув там, остался лежать на пороге ворот, растянувшись меньшей частью тела вне укрепления, а большей внутри. Мисимияне заметили это и истолковали, как неблагоприятное и печальное предзнаменование относительно будущего. Вообще они уже изнемогали от тягостей и желали вернуться к дружбе с римлянами, в особенности потому, что к ним не пришла, как было условлено, помощь от персов. Учитывая все это, взвешивая свои силы и то, что они не равны римским, понимая, что они не могут больше выдерживать войну, теперь только и с большим трудом они вернулись к более разумным мыслям, немедленно послали послов к Иоанну и просили не губить их поголовно, не уничтожать совершенно народ, уже с древних времен подчиненный римлянам, одной с ними религии, который, раздраженный многими несправедливостями, пытался им противодействовать, но делал это с варварским безумием. Они говорили, что все же они заслуживают сострадания и прощения, понеся столь тяжелое наказание и потерпев столь жестокие бедствия, как, например, сожжение всех окружающих укрепление построек, гибель не менее пяти тысяч мужчин цветущего возраста, и гораздо большего числа женщин и еще большего количества детей, так что немногого не достает, чтобы весь мисимийский народ был

уничтожен. Иоанн весьма охотно принял их просьбу, отчасти, чтобы не оставаться дольше с войском в пустынном месте и чрезвычайно холодном, а отчасти потому, что совершившие преступление действительно понесли достойное наказание. Итак, он получил заложников и все деньги, которые Сотерих принес с собой, все остальное его имущество и самое главное – императорское золото (было полновесной и неподдельной монетой двадцать восемь тысяч восемьсот номисм).^[62] Получив, повторяю, все это, прибавив к этому большую добычу, он разрешил им снова безбоязненно возделывать свои поля и восстановить прежний образ жизни, а сам возвратился в страну колхов, возвратилось и прославившееся своей храбростью войско, потеряв только тридцать человек.

21. После этого император Юстиниан совершенно отстранил Мартина от власти и назначил на его место Юстина, сына Германа, который начальствовал над всеми войсками в Колхиде и Армении с полной и абсолютной властью. Тому раньше было не очень приятно, что Мартин занимает первое место и повелевает всеми, действительно принимая немалое участие в интриге, веденной против Губаза. Но он держал все это про себя и скрывал до времени, полагая, что нельзя колебать или менять командование при такой запутанной военной ситуации, в особенности учитывая ту популярность, какой пользовался Мартин в войске как за опытность в военном деле, так и за умение правильно руководить отдельными операциями. Конечно, это обстоятельство и было, как я думаю, для того спасением, ибо иначе ему нужно было умереть вместе с Иоанном и Рустиком. Теперь же, из уважения к его победам и благоразумию, которое он проявлял в минуты опасности, [император], убавляя незаметно и смягчая чрезвычайную суровость и строгость законов, простил ему его преступление, но не позволил ему больше стоять у власти, а приказал жить частным человеком, считая достаточным наказать его атимией, даже если он и явился участником такого преступления. Итак поскольку персы сохраняли спокойствие, и положение дел напоминало перемирие, то он его снял с должности, а Юстину, связанному с ним близким родством и вообще человеку большого авторитета в то время, он передал власть, вызвав его в Византию, и снова отослал к колхам уладить там последовательно все дела.

В его свите был некто Иоанн по имени, африканец по происхождению, вначале человек незаметный и бедный, так что ради получения средств к жизни должен был даже служить за плату, сопровождать оруженосцев и переносить тяготы положения слуги, но немного спустя он достиг большого богатства и стал заносчивым. Изобретая разные махинации, имея успех в разных выдумках, он стал известен незадолго до этого Юстину, – этот наихудший коварнейший человек, который ради выгоды не отказывался ни от какого позорного и бесчестного предприятия. Теперь он просил у полководца определенную сумму денег, обещая по получении ее предоставить и ему самому, давшему эти деньги, в какое угодно время предметы продовольствия на выгодных условиях, затем всем его наличным слугам, рабам, свите, переводчикам, оруженосцам – снабдить их всех необходимым продовольствием. Он обещал, сделав это, не только сохранить все деньги и возратить столько же, сколько взял как взятые займы, но и прибавить известную сумму в качестве процентов. И, конечно, это казалось многим пустой похвалой, граничащей с загадкой. Юстин же, которому подобало бы возмутиться этими нелепыми предложениями африканца, так как он должен был понимать, что тот не сможет выполнить обещаний, не делая несправедливостей и насилий, не погубив разными противозаконными сделками всех, с кем ему придется иметь дело, все же принял предложение, выдал деньги и позволил ему делать что хочет для выполнения этих условий.

22. Тогда Иоанн, объезжая римские деревни, какие были на дороге, созывал жителей там, где не хватало быков, и заявлял, что войско нуждается в них. Показывая двадцать талантов, он говорил: «На эту сумму вам нужно доставить быков, отнюдь не на меньшую. Получите их, а мне как можно скорее доставьте быков». Они же просили его об освобождении от этого и клялись, что имеющихся у них быков не хватает даже для обработки собственных полей. Однако этот негодяй, сурово отказывая им в этом и угрожал строгими карами, если у полководца не будет возможности купить необходимые средства передвижения, и, притворно негодую, он так представлял дело, что те, продав самое ценное свое имущество и собрав столько денег, сколько могли, откупались от требований этого негодяя. Убравшись отсюда и появившись там, где даже не слышали названия верблюдов и мулов, он кричал, что прибыл для их покупки, и, пользуясь тем же способом, предъявлял деньги и уходил, получив отступное. Так, обходя повсеместно и ища того, чего не было, ничего не продав, ничего не купив, не заключив никакой сделки, он собирал деньги и взыскивал с тех, кому ничего не давал взамен, и благодаря этому очень скоро основная сумма налогового бремени удваивалась у налогоплательщиков. Когда он явился в страну колхов, он и там проделал то же самое. Сверх того, добыв, не знаю каким способом, грузовые суда, собрав всевозможными насилиями местные продукты, скупив многое за бесценок, он отправил все это и распродал в других местах. Естественно, что войско нуждалось в

самом необходимом, так что даже зелень покупалась. Этот же преступный спекулянт и перекупщик получил громадные прибыли. Из этих прибылей он возвратил с процентами Юстину взятые у него деньги и доставил ему в то же время продовольствие. Юстин, хотя и знал, что делалось, обращал мало внимания на плач и слезы ограбленных людей несмотря на то, что они постоянно приходили к нему, бросались к его ногам и заклинали избавить их от вымогательств. Так недостойным образом извлекал он выгоды из несправедливости и радовался этому, пользовался непокупным продовольствием и притом делал более увесистым свой кошелек. Со временем он должен был получить за это тяжелое возмездие. Хотя он вынес после этого бесчисленные тяготы и добился величайшей славы отражением варваров на реке Дунае, но несколько не смягчен и не покрыт был этим божественный гнев. Как полагаю, он оставался прочным, крепко запечатленным в памяти, хранимым до благоприятного момента. Не тотчас обычно ниспосылается наказание, как только мы согрешали, но большей частью спустя некоторое время, когда, быть может, мы уже забыли свой проступок, и потому скорбим о бедствиях, нас постигших, как будто мы страдаем от них безвинно и несправедливо и обвиняем зависть и вражду людей, как потерпевшие от них незаслуженное. Бог же, в чьих руках и под чьей властью мы находимся, знает, что надлежит и подобает каждому, и тем способом, какой ему угоден, преследует и отмщает за грехи, которые были совершены много раньше.

Впрочем то, что позднее случилось с Юстином, неожиданный конец его жизни и его счастья – все это будет мною рассказано подробно по порядку, когда рассказ, в соответствии с установленным планом, освещая непрерывную цепь событий, дойдет до того времени. Теперь же мне нужно возвратиться к предмету [повествования] и изложить непосредственно следующие события.

23. Когда в Лазике дела обстояли таким образом, и Юстин управлял всем войском, ни персы не собирались возобновлять войну, ни римляне не наступали, но обе стороны принимали меры предосторожности и взаимно, насколько это было возможно, изучали и разведывали планы противника. Никто не начинал военных действий, и обе стороны оставались неподвижными, как будто это было решено по взаимному уговору. Хосров же, персидский царь, как только узнал, что случилось у Фазиса, именно, что Нахогаран бежал с поля битвы, тотчас отозвал его из Иверии и предал по отечественным законам жесточайшей казни, ибо он считал недостаточным наказанием за трусость просто умертвить его, но, надрезав с шеи кожу, ободрал ее всю до обеих ног, отделил от тела, перевернутую внутрь, так что могла быть видны даже формы членов, и надутую слегка наподобие кожаного меха, он приказал повесить на скале, [устроив таким образом] жалкое и чудовищное зрелище. Впервые, полагаю, на это осмелился известный Сапор, царствовавший над персами гораздо раньше Хосрова. Болтают о Марсии-фригийце, как у него произошло состязание с Аполлоном из-за флейт и искусства игры на флейте, что Марсий был совершенно побежден, и вполне справедливо, что тот, кто осмелился, чтобы не сказать слишком глупо, состязаться с собственным богом в игре на флейте, потерпел от победителя такое наказание за свое безрассудство: с него была содрана вся кожа, и он был повешен на дереве. Но все это рассказы, сказки и забавы поэтов, не имеющие в себе ничего истинного и правдоподобного. Если, как говорят, Аполлон сделался игроком на флейте и, состязаясь в искусстве, дошел до такого гнева после победы, что придумал бесчеловечное и безумное наказание побежденному, то каким образом ему могло служить утешением висящее на дереве свидетельство его жестокости! Об этом поют старые поэты и новые подпевают, заимствовав от них. Среди них и Нонн, уроженец египетского Пана, в одной из своих поэм, которые называются Дионисиевы, сказав немного об Аполлоне (не припомню предшествующих слов), затем продолжает: «[Он] повесил на дерево раздутую ветром кожу побежденного Марсия, желающего состязаться с богами». Итак, с того времени позорное преступление это никогда не было известно человеческому роду. Об этом свидетельствуют очевидные доказательства, достаточные для тех, кто привык правильно наблюдать и изучать древнейшие события, а не увлекаться поэтическими сказками и вымыслами. Сапор же был весьма несправедлив и кровожаден и скор на гнев и жестокость. Было ли им совершено по отношению к другим такое жестокое деяние – не могу утверждать, что же касается того, что он подверг этой каре Валериана, римского императора, в то время воевавшего против него и затем побежденного и взятого в плен, – это удостоверяют многие исторические сочинения.^[63] И действительно, первые из тех, кто по уничтожении парфян получили персидское царство, Артаксар, как я говорю, и Сапор были оба преступнейшими и неправосуднейшими; первый из них, убивший своего господина, завладел царством силой и тиранией, второй же явился изобретателем такого жестокого наказания и нечестивого преступления.

24. Когда мой рассказ, всегда отвлекаемый в сторону разными событиями, снова вернулся к Артаксару, своевременно теперь выполнить ранее обещанное и вспомнить о последующих царях. Что касается его, то откуда был родом, как и каким образом он надел кидар, об этом мной уже рассказано

подробно. Прибавлю только одно то, что Артаксар указанным выше способом овладел персидским царством спустя 530 лет после великого Александра Македонского, в четвертый год царствования другого Александра, сына Маммеи, и владел им в течение пятнадцати лет без двух месяцев. Ему во власти наследовал этот проклятый Сапор и пережил его [Александра] на полных тридцать один год, причинив римлянам величайшие бедствия. Умертвив их царя и считая, что у него уже нет никаких препятствий, он продвинулся дальше и опустошил Месопотамию и затем, вторгшись в соседние области, ограбил киликийцев и сирийцев и, дойдя вплоть до Каппадокии, совершил безмерное количество убийств, так что впадины и пропасти, ущелья в горах заполнял трупами убитых и отстоящие друг от друга и возвышающиеся друг над другом холмы уравнивал так, что мог проводить конницу по трупам, а хребты гор переходил как равнину. Когда он возвращался домой, злоупотребляя безбожно приобретенным и превозносясь великой гордыней, его заносчивость немного спустя усмирил известный Оденат, пальмирец, муж не именитый и неизвестный вначале, а потом достигший высшей славы поражениями, нанесенными Сапору, деяниями, учиненными над ним, и сделавшийся знаменитым, [как сказано] у многих из древних историков. Когда же Сапор умер, его сын Гормисдат получил царство, но пережил его на очень незначительное время. Ибо пользовался счастьем один год и десять дней, не совершив ничего, достойного памяти, так же как и его преемник Вараран, царствовавший в течение 3-х лет.

Сын его был одинакового имени с родителем, но оставался у власти в течение семнадцати лет. Третий же Вараран только в течение четырех месяцев пользовался царской властью. Он был назван Сегенсаа не случайно, думаю, и не по безрассудству, но унаследовав это имя по древнему местному обычаю. Ибо, когда персидские цари, победив какой-нибудь крупнейший соседний народ, займут его страну, то побежденных отнюдь не убивают, но налагают на них дань и позволяют тем заселять в обрабатывать поля захваченной (персами) страны. Только главных вождей [побежденного народа] уничтожают беспощадно, а своим детям дают название [завоеванного] княжества ради запоминания, что кажется самым правдоподобным, и ради лучшего прославления события трофеями. Так как племя сегестанов было покорено Варараном, его отцом, то по справедливости его сын был назван Сегенсаа. На языке греков это обозначает царь сегестанов.

25. Когда он скоропостижно умер, то царскую власть сразу за ним получил Карасе и держал ее в течение семи лет пяти месяцев. Ему наследовал сын Гормисдат, не только наследник отцовского царства, но сходный и по продолжительности [царствования]. Каждый может по справедливости удивляться, что у того и другого точнейшим образом совпадало количество лет и месяцев [царствования]. После них Сапор на весьма долгое время овладел царской властью. Он царствовал столько лет, сколько и жил. Когда мать его еще носила во чреве, закон наследования царского рода призывал к власти то, что еще должно было родиться. Не знали только, кто будет наследник – мальчик или девочка. Итак, первые люди государства предложили магам награды и дары за предсказание. Они вывели на середину кобылицу, уже близкую к родам, и потребовали, чтобы маги прежде всего предсказали относительно нее, что будет рождено от нее. Полагая, что немного дней спустя узнают, к чему приведет их предсказание, они рассчитывали, что подобный же исход будет и с тем, что они предскажут о человеке.

Я не могу точно ответить, что ими было предсказано относительно кобылы. Ничего мне не известно, кроме того, что все случилось так, как ими было сказано. Когда на этом все убедились, что маги прекрасно изучили искусство предсказания, то потребовали, чтобы они предсказали, что произойдет с женщиной. Когда же те ответили, что родится мужское потомство, то нисколько далее не медлили, но положили кидар на чрево, провозгласили зародыш царем, дали имя зародышу, уже настолько выросшему, как полагаю, что он внутри двигался и трепетал. Итак, то, что природа сделала темным и неясным, то они своей надеждой и ожиданием сделали известным и несомненным и не ошиблись в своей надежде. Она осуществилась даже в большем размере, чем ожидали. Немного спустя родился и Сапор, начавший сразу царствовать. В этом состоянии он вырос и состарился, причем прожил до семидесяти лет. Во 2-й Год его правления оказался во власти персов город Низибис, бывший в древности под властью римлян, а Иовиан, их император, его продал и предал. Когда Юлиан, бывший раньше римским императором, внезапно погиб во внутренних областях персидской державы, то [Иовиан] был провозглашен императором военачальниками, войском и прочим народом. Он только что получив власть внутри вражеской страны, когда дела, естественно, находились в запутанном состоянии, оказался не в состоянии устроить все постепенно и должным образом. Утомленный пребыванием в чужой, враждебной стране, желая как можно скорее возвратиться в свою страну, он заключил постыдный и позорный договор с врагом, который и до сего дня римское государство ощущает как большое бедствие. Он сократил государство в его новых пределах и лишил прежней обширности. То, что произошло в то время, увековечили многие из

старых историков. У меня же нет времени останавливаться на этом: нужно продолжать начатое.

26. После [смерти] Сапора Артаксар, его брат, завладев царской властью, пережил его на четыре года. Сын же его, также называвшийся Сапором, процарствовал всего пять лет. В два раза больше и сверх того год царствовал его сын Вараран, называвшийся также Кермасаа. Причина же этих названий мною выше указана. Керма, – должно быть, название страны или народа, покоренного отцом Варарана. Естественно, сын получает и название, как раньше у римлян один [император], например, назывался африканским, другой германским, третий по имени другого какого-нибудь побежденного народа.

После них получает верховную власть у персов Исдигерд, сын Сапора, популярный и хорошо известный у римлян. Говорят, что император Аркадий, находясь при смерти и, как свойственно людям, делая накануне смерти распоряжение о своих делах, назначил его хранителем и попечителем ребенка Феодосия и всего Римского государства. Это известие передается из древности потомкам главным образом устным путем и до настоящего времени популярно и у людей ученых и у народа. В письменном же виде я его не нахожу ни в книгах историков, ни у тех, в частности, кто писал о смерти Аркадия, за исключением Пронация ритора, и в этом, я думаю, нет ничего удивительного, так как он был весьма учен и, так сказать, перерыв всю историю, очевидно, нашел и это известие, записанное когда-то другим. Я же его нигде не мог найти, зная очень немного, о если бы я знал даже немного! Но в особенности считаю достойным удивления, что, говоря об этом, он не просто рассказывает, какое решение было принято, но хвалит Аркадия и превозносит, как принявшего наилучшее решение, ибо говорит, что он в других делах не привык быть осмотрительным, а в одном этом деле показал себя и мудрым и благоразумнейшим. Мне же кажется, что тот, кто восхищается этим, судит о его правильности по исходу дела, а не по смыслу. Ибо каким образом можно говорить о благоразумии и правильности поступка – передать драгоценнейшее свое достояние человеку чужеземному и варвару, царю враждебнейшего народа, о котором не было достаточно известно, почитает ли он верность и справедливость, и который, сверх того. [принадлежит к] чуждой и ошибочной вере.

Если же тот не совершил никакого проступка по отношению к вверенному ему ребенку, а, наоборот, его государство даже тогда, когда он кормился грудью, весьма надежно прикрывалось, защищалось и охранялось попечителем, то за это скорее нужно хвалить его благородство, чем поступок Аркадия. Но об этом пусть каждый судит, как ему заблагорассудится. Исдигерд же в течение двадцати одного года своего правления никогда не предпринимал войны против римлян, не совершил никакого другого неприязненного действия и навсегда остался благожелательным и миролюбивым; [неизвестно], произошло ли это случайно или действительно из уважения к общечеловеческим нормам и к опекаемому.

27. Когда он умер, Вараран, сын, став у власти, выступил против римлян, но так как полководцы, бывшие на границах, приняли его дружественно и кротко, то он тотчас отступил, не начав войны с пограничными жителями и не причинив никакого вреда их полям. После двадцатилетнего царствования он передал власть Исдигерду, одному из своих сыновей, который правил семнадцать лет и четыре месяца. После него был объявлен царем Пероз, муж безрассудно смелый и воинственный и к тому же тогда исполненный горделивыми мыслями. Суждениями осмотрительными и осторожными он отнюдь не обладал, но больше было в нем заносчивости, чем благоразумия. Он погиб в походе против эфталитов не столько, полагаю, вследствие силы врагов, сколько вследствие собственного безрассудства. Когда ему подобало осторожно продвигаться по неприятельской стране, предвидя скрытые засады и заранее остерегаясь их, он, пренебрегая этим, быстро попал в засаду, в ямы и рвы, которые были вырыты на равнине на огромном пространстве и предназначены для засады, и бесславно окончил свою жизнь на двадцать четвертом году царствования, побежденный гуннами (ибо эфталиты – гуннское племя).

Пришедший к власти его брат Валас не совершил в войнах и сражениях ничего достойного упоминания, не только потому, что он был кроток и мягок нравом и не очень приспособлен для насильственных нападений и организации враждебных действий, но также и потому, что пережил его на короткое время. Его царствование продолжалось только четыре года. После него Кавад, сын Пероза, завладев властью у персов, провел много войн против римлян, получил много трофеев [в войнах] против соседних варваров, проводя все свое время в тревогах и опасностях. По отношению к подданным он был суров и несговорчив, весьма склонен к ниспровержению установленного, к изменению образа жизни и ниспровержению старых обычаев, говорят, что им был издан закон, по которому устанавливалась общность жен для мужчин, не по идеям, как полагаю, Сократа и Платона и не по задуманному ими общественному идеалу, но чтобы каждому было позволено иметь дело с какой захочет и пользоваться ее благосклонностью, даже если она обвенчана и вышла замуж за другого.

28. Итак, он часто в этом незаконно погрешал: естественно, сатрапы открыто негодовали и считали этот позор нетерпимым. Это обстоятельство явилось причиной заговора и лишения его власти. Организовав заговор и восстав поголовно, они лишили его царской власти на одиннадцатом году правления и бросили в крепость забвения, а царскую власть передали Замасфу, который также был сыном Пероза и пользовался репутацией кротости и справедливости. Поэтому они решили, что все у них хорошо устроено и что в дальнейшем в общественной и частной жизни они будут жить легко и удобно. Но Кавад немного спустя убежал или, как говорит Прокопий, вследствие хитрости, примененной женой, предпочитавшей самой умереть вместо него, или использовав другой способ; так или иначе, он вырвался из тюрьмы и убежал к эфталитам в качестве просителя их царя. Тот, взвесив мысленно различные внезапные превратности судьбы, принял его весьма благосклонно, не переставал его утешать, устраняя подавленность духа прежде всего ласковыми словами, соответствующим убеждением направляя его мысль к лучшему, к этому добавляя роскошную трапезу, часто провозглашая здравицу в честь его, одаряя роскошными одеждами и выполняя все обязанности гостеприимства. Немного спустя даже дочь его вышла замуж за гостя. Дав ему войско, достаточное для похода, отослал к своим, чтобы он восстановил прежнее свое благополучие, уничтожив противников. Людские дела обычно расстраиваются происшествиями, противными задуманным планам. Нечто подобное случилось и теперь. Участь Кавада колебалась между различными, самыми противоположными крайностями и притом в достаточно короткий промежуток времени. Ибо из царя он сделался сначала подсудимым узником, а когда ускользнул из темницы – беглецом и просителем, из просителя же и чужестранца – зятем царя и его интимнейшим другом. Скоро, вернувшись к отечественным обычаям, он возвратил [себе] верховную власть без труда и опасностей, как бы никем не занятую и переходящую по наследству, как бы никогда ее не лишаясь. Ибо Замасф добровольно оставил царский трон и предпочел оставить верховную власть, пользуясь ею в течение четырех лет, отказаться от роскоши и честолюбия, предпочитая власти частную жизнь, соединенную с безопасностью, и, таким образом, предупредил неизбежность [добровольным решением]. Кавад же, сделавшись могущественнее прежнего, был верховным властителем еще 30 лет сверх одиннадцати, так что он правил, облеченный царской властью, в течение сорока одного года.

29. Все, что с ним случилось в первый и последующий периоды его царствования, обстоятельно изложено в исторических трудах древними учеными. А то, что пропущено древними, а я считаю достойным знания и упоминания, хорошо будет добавить. Каждый может удивляться, что в это время у римлян и персов происходило нечто одинаковое, как будто бы случайно в каждом из государств неблагоприятный поворот судьбы поразили государя. Очень незадолго до этого и Зинон Исавриец, римский император, называемый раньше Тарасикодиссой, вследствие заговора, организовавшего против него Иллоном, Василиском и Кононом, а в особенности благодаря поддержке его Вериней, был лишен власти, изгнан и с трудом спасся в Исаврии. Но затем снова возвратился на царский трон, умертвив Василиска, который был тираном не более двух лет. Отняв у него знаки царского достоинства, снова возвратил императорскую власть и, управляя всем не очень долгое время в этом [достоинстве], покинул жизнь. В то же самое время Непот, император Запада, был поражен подобными и еще большими несчастьями, ибо, обманутый Орестом, он бежал из Италии, сбросив пурпур, никогда его уже не надевал и погиб, живя частным лицом. Так неожиданные перемены постигали в то время могущественнейших властителей. Пусть причины этого вскроют те, кто привык исследовать скрытые начала неизвестного, и пусть скажут, что желают. Мне же нужно возвратиться туда, откуда я начал. Когда умер Кавад, в пятый год царствования Юстиниана, пресловутый Хосров, который пользуется у нас величайшей известностью, получил отцовскую власть и совершил многие великие дела; некоторые из них описаны Прокопием; об остальных я частично уже говорил. А чтобы непрерывная последовательность времени соблюдалась точнейшим образом, я скажу сейчас только то, что в сорок восемь лет своего правления он прославился многими победами и показал себя таким, каким не был никто из бывших раньше царей, если сравнить его с ними, даже если вспомнить о Кире, сыне Камбиза, или Дарий Гистаспе, или о том Ксерксе, который сделал море проходимым для лошадей, а горы – для кораблей. Однако каким бы он ни был, конец его жизни был бесславным и жалким и конец его жизни совершенно не походил на прежние его деяния. В то время он находился около гор Кардухов и перешел в селение Таману по причине жаркого времени и тамошнего умеренного климата. Маврикий же, сын Павла, назначенный Тиверием Константином, римским императором, главнокомандующим восточными войсками, внезапно вторгся в Арахианскую землю, бывшую соседней и пограничной с данным селением, и непрерывно все опустошал и грабил. Перейдя же течение реки Сирмы, продвинулся еще дальше и все встречающееся разграблял и сжигал. Итак, когда Маврикий все до основания ниспровергал и опустошал, Хосров (он находился недалеко и настолько недалеко, что мог видеть поднимавшееся пламя) не вынес вида неприятельского огня, как

будто никогда раньше его не видел. Пораженный одновременно стыдом и страхом, он не вышел навстречу, не защищал своего, но скорбел о случившемся сверх меры и, как бы оставив всякую надежду, вследствие своего горя впал в тяжелую неизлечимую болезнь. Доставленный на носилках с большой скоростью в Селевкийские и Ктезифонийские дворцы, причем его отступление напоминало бегство, немного спустя он умер.

30. Не знаю, какой охвативший меня порыв речи, вдохновленной, как полагаю, достопримечательностью события, привел к такому безрассудству, что, оставив описание очередных событий, я начал вспоминать о гораздо более отдаленных.

Поэтому, когда теперь сознаю, куда пришел [я в своем описании] и с чего начал, должно быть опущено то, что опишем в свое время. Возвращаясь к последовательному непрерывному описанию последующих событий. [Я дал] последовательность персидских царей, количество лет [их царствования], одним словом, все, мною обещанное, я уже выполнил. И, я думаю, это описание представляет совершенную истину и тщательно выполнено, как заимствованное из персидских летописей. Когда переводчик Сергей был там и настойчиво просил начальников и хранителей царских летописей передать ему записи, касающиеся этого (ибо часто я просил его об этом), то он указал, что не ради чего другого добывается этого, а только для того, чтобы и у нас были обнародованы их летописи и то, что у них почитается. Они, правильно поступив, быстро удовлетворили его просьбу, считая дело небезвыгодным, но относящимся к славе их царей, если и у римлян будет известно, кто они, сколько их было и каким образом сохраняется наследование в их династии. Итак, Сергей получил [документы] об их именах, хронологических данных важнейших событий, совершенных ими, и, переведя это искусно на греческий язык (он был лучшим из переводчиков, которому удивлялся сам Хосров, как первому по знаниям в обоих государствах и, естественно, сделал перевод наилучшим образом), принес мне все добровольно и дружественно и просил выполнить дело, ради которого он приобрел их. И вот теперь это выполняется так, что если у Прокопия ратора нечто совершившееся при Каваде и рассказывается другим образом, то мы следовали персидским летописям и придерживались того, что они писали, как более верного. Так как этот труд нами полностью закончен, то возвращаемся к продолжению истории, которая была прервана на рассказе о событиях в Лазике.

31. Таким образом, Нахогаран за свое безрассудство и за то, что он потерпел полное поражение от Мартина и римских войск и за постыдное бегство в Иверию, был предан жесточайшей смерти, как выше было мною сказано. Хосров же убедился, что он не в состоянии воевать против римлян в Колхидской земле, так как они, владея морем, легко посылают туда все, в чем нуждаются, он же вынужден с величайшим трудом длинными и пустынными путями посылать в свои лагеря даже небольшое количество продовольствия при помощи носильщиков и вьючных животных. Поэтому он решил заключить мир повсеместно, чтобы он не был частичным и неполным, ограниченным только определенной местностью, и поэтому шатким, но таким, какой одинаково везде был бы прочным. В силу этого он посылает с посольством некоего перса из лиц наиболее авторитетных, имя которого было Зих. Когда тот явился к императору Юстиниану и много говорил ему о настоящем положении вещей, много и выслушал от него в ответ, то они, наконец, сошлись на том, чтобы римляне и персы сохраняли в Лазике все, что получили по праву войны, будь то города или укрепления. В то же время обе стороны обязывались сохранять спокойствие и воздерживаться от войны, пока оба правительства не договорятся о более прочном и совершенном мире. Таким образом Зих, выполнив свои поручения, вернулся домой. Когда об этом были осведомлены военачальники, оба войска надолго прекратили военные действия. И то, что раньше произошло самопроизвольно, теперь было закреплено договором.

КНИГА ПЯТАЯ

1. Так величайшие и соперничающие между собой народы согласно договору отложили оружие, в течение очень длительного времени оставались спокойными и ни одна сторона ничего не замышляла против другой. В это время цанны, северное племя, которые с древних времен были подданными римлян, обитающие вокруг Трапезунда, – одни сохраняли старые договоры и не проявляли дерзости, другие же, оставив прежний образ жизни, начали жить по подобию разбойников и предпринимали вражеские набеги на местности, прилегающие к Понту, опустошали поля, нападали на путешественников и даже, совершая набеги на Армению, уносили оттуда, какую могли, добычу и вели себя не иначе, как если бы они были открытыми врагами. Против них посылается Феодор, их соотечественник, считавшийся одним из первых римских таксиархов. О нем я часто упоминал

раньше. Прекрасно зная родную страну, он [понимал], куда лучше всего вторгаться, где наиболее удобно разбить лагерь и как разведать врагов. Поэтому, справедливо, по императорскому приказанию он был отправлен на это дело. Выступив из Колхидской земли с соответствующим войском и перейдя ее границы по ту сторону Фазиса на западе, он тотчас же вторгся в неприятельскую страну. Расположившись лагерем около города Феодориады и так называемого Ризея, он обнес лагерь валом, пригласив цаннов, которые были еще спокойны и дружественны и еще не отпали. Он одаряет их подарками, восхваляет их благоразумие и умеренность; тех же, кто, нарушив договор, нагло отпал, готовится наказать как можно скорее войной. А они без всякого промедления подходят ближе к валу и, собравшись большими силами на ближайшем возвышенном месте, метают оттуда копья и стрелы в римлян, так что все войско было приведено в замешательство их неожиданной дерзостью. Многие же вырвавшись из-за вала, с большим воодушевлением бросились против врагов, но выступали нестройно, без всякого порядка и не намеревались вызвать их на ровное место, но, проникнутые гневом, в беспорядке, прикрывая головы перевернутыми щитами, немного наклонившись пытались подняться на высокий холм. Цанны же, быстро бросая с возвышенного места копья и скатывая камни легко их отразили и, сделав вылазку, убили около 40 человек, а остальных обратили в бегство. Когда дело неожиданно для них кончилось счастливо, варвары как можно ближе подошли к лагерю и там загорелась упорнейшая битва, причем одни стремились прорваться внутрь и все разграбить, а римляне считали для себя позором, если они не только не прогонят быстро врагов, но и совершенно их не уничтожат. Тесня друг друга и снова наступая, сражаясь в рукопашную, они отнюдь не теряли бодрости, но очень долго сражались с равным успехом. Все было наполнено сильным шумом и смешанным криком, в котором нельзя было ничего различить.

2. Феодор же, таксирх римлян, видя, что враги лишены руководства и выстроены далеко не в безопасной для них стратегической позиции, осаждают и штурмуют укрепление не с разных сторон, а с одного места, приказывает некоторым из своих оставаться на месте и сражаться с противостоящими, большую же часть своего войска посылает для нападения на врага с тыла. Те, выйдя самым скрытным образом и появившись в тылу, испустили громкий и пронзительный военный клич, так что испуганным цаннам не пришло в голову ничего другого, как обратиться в постыдное бегство. Когда они так бежали от страха и как бы потеряли рассудок, римляне их беспощадно избивали и две тысячи из них убили, а уцелевшие рассеялись по разным местам. Так Феодор совершенно усмирил весь народ, сообщил императору о случившемся и запросил, что он желает постановить о них. Тот приказал наложить на них определенную ежегодную дань, которую они платили бы в дальнейшем, чтобы они таким образом понимали, что являются подданными и данниками и полностью подчинены. Итак, они все были переписаны, и бремя подати на них было наложено, и до настоящего дня они платят дань римлянам. Император Юстиниан гордился этим, как великим деянием. Поэтому, перечисляя другие победы в одной из своих конституций, которые мы называем новеллами, одной из первых упоминает победу над этим народом.

Заносчивость цаннов получила такой конец и Феодор через страну лазов возвратился к стратигам.

3. Немного раньше этого в Византии было сильное землетрясение, так что едва весь город [Константинополь] не был повержен и разрушен. Было оно и само по себе величайшим и такого, полагали, никогда не было раньше по силе толчков и продолжительности колебания. Еще более страшным его сделали время и обстоятельства, при которых оно случилось. Ибо тогда уже кончилась осень этого года, совершались новогодние пиршества по римским обычаям. Наступила стужа, как это естественно, когда произошел зимний солнцеворот, и солнце вошло в созвездие Козерога и в особенности в восьмой пояс от Эвксинского Понта, как определяется знатоками. Тогда в среднюю стражу ночи^[64], когда горожане предавались сну и покою, внезапно на них обрушилось это бедствие. Все тотчас же было потрясено до самых оснований. Толчки, хотя и вначале достигавшие большой силы, все нарастали и нарастали, как бы равномерным увеличением направляясь к высшей точке. Когда таким образом все пробудились от сна, со всех сторон слышался плач, и вой, и мольба, обычно в таких случаях обращенная к богу. Равным образом какой-то глухой и страшный звук, как бы земной гром, посылался землей, сопровождая землетрясение и удваивая страх. Прилегающий к земле воздух затемнился дымным облаком, неизвестно откуда поднявшимся, и был какой-то мрачный и бурный. Люди, бывшие вне себя от страха и не знающие, что делать, выбегали из своих домов. И тотчас улицы и узкие проходы наполнились народом, как будто бы там они не могли погибнуть, если бы так случилось. Ибо всюду постройки (расположены) непрерывно и связаны между собою и весьма редко можно видеть постройку, находящуюся на открытом месте, свободную и совершенно не связанную с соседней. Направляя свои взоры ввысь, взирая на небо и так умиловляя бога, [люди] понемногу,

казалось, уменьшали свой страх и душевное смятение, но страдали от падающего небольшого снега и были мучимы холодом. И однако и в таком положении не входили под кровлю, разве только некоторые убегали в церковные святилища и преклонялись там. Многие женщины не плебейского сословия, но даже знатные, бежали вместе с мужчинами. Всякий порядок и почтение, преимущества и уважение к старцам по возрасту, которым они превосходили других, были потеряны. Даже рабы, пренебрегая своими господами, не повинаясь приказаниям, убегали в священные места, поддаваясь большому страху. Плебеи оказались в равном положении с архонтами ввиду нависшей общей опасности, – ожидания всеми скорой гибели. Многие дома в эту ночь были разрушены и особенно в Регию, приморской части города. Случились многие невероятные чудеса. В некоторых местах части кровли, сделанные из камня или дерева, разрывались, так что можно было видеть небо и звезды, как на открытом месте, а затем немедленно соединялись в прежнюю связь; в некоторых местах колонны, водруженные в верхней части домов, свергались силой удара и, перескочив ближайšie, неслись с высоты на более отдаленные дома, наподобие пращи, и все сокрушали. Кое-где происходили еще более страшные вещи, которые, конечно, и раньше случались и которые будут происходить и в дальнейшем, пока стоит земля и имеют место явления природы, но тогда в наибольшей степени все вместе совпало. Много людей погибло из толпы и неизвестных. Из динатов и записанных в сенаторское сословие погиб один Анатолий, человек, почтенный консульским достоинством, который раньше нес заботы об императорских дворцах и управлял дворцовыми имуществами. Римляне называют их кураторами. Случилось, что, когда этот Анатолий спал в своей опочивальне, мраморная фигура из тех, которые были вделаны в стены вблизи его ложа и которые в большом количестве обычно употребляются для украшения стен ради показа великолепия [людьми] сверх меры услаждающимися этими излишними, отнюдь не необходимыми украшениями, оторванная силой сотрясения, обрушилась на его голову и разбила ее. А он пережил этот удар ровно столько времени, чтобы издать глухой стон, и пал замертво на свое ложе.

4. Когда наступил день, с великою радостью смотрели друг на друга встретившиеся друзья и родственники, обнимаясь с плачем, целуясь, одновременно радуясь и не веря [тому, что они спаслись]. Когда же несли и погребали Анатолия, люди из народа повсеместно говорили, что он наказан поистине справедливо, что он был самым несправедливым человеком и у многих своих близких отнял их собственность, что к этому концу привели его каменные доски с судебными постановлениями и пурпуровые флаги, которые он неоднократно накладывал на имущества богатых, добиваясь благоволения императора, и таким образом все присваивая себе, насилуя и бесстыдно нарушал волю умирающих, совершенно игнорируя законы, которые требуют, чтобы дети наследовали имущество своих родителей. Об этом шептали в толпе и, казалось, причина случившегося вполне обнаружена. Я же в этих делах сильно сомневаюсь и не могу утверждать, каким образом они происходят. Конечно, землетрясение было бы желанным приобретением и достойным большой похвалы, если бы могло отделить худых от добрых, и одних губило бы злою смертью, а других щадило бы и к ним снисходило. Допустим, что он действительно был несправедлив, но были и другие очень многие в городе ему подобные, даже более несправедливые, а между тем внезапно был похищен смертью он, а они остались не наказанными. Поэтому неясно и нелегко понять, почему умер из всех один Анатолий, когда даже по учению Платона более жалкими и несчастными являются те, которые после весьма дурной жизни, не искупив наказаниями грехов в этой жизни, или насильственной смертью, или каким-либо другим образом уходят из нее как рабы, клейменными клеймом преступлений, прежде чем [преступления] будут искуплены. Так что, если принять это положение, более счастлив пострадавший, чем спасенные. Но весьма желательно, чтобы это учение было внедрено в души людей. Быть может, некоторые нечестные люди, боясь погибнуть злою смертью, возвратятся к справедливости. Во всяком случае, вполне очевидно, что если кто будет жить очень долго и будет жить беззаботно и счастливо, то этого не будет достаточно для подтверждения его справедливости; и если кто умрет даже жестокой смертью, то это не будет прочным доказательством его крайней несправедливости. Но самым истинным образом мы узнаем, каково воздаяние и награда за эту жизнь, когда придем туда.

Итак, пусть говорят об этом одни одно, другие другое. Я же возвращаюсь к прерванному рассказу.

5. После этого и в дальнейшем в течение весьма многих дней происходило сотрясение земли, не сильное и не такое, как вначале, но достаточное, чтобы разрушить сохранявшееся. Тотчас в народе появились разные безумные предзнаменования и предсказания, что немедленно должен погибнуть и весь мир.

Различные обманщики и как бы добровольные прорицатели блуждали, предсказывая что ни заблагорассудилось, и еще более устрасали толпу, легко восприимчивую вследствие уже перенесенного ужаса. Они же, искусно притворяясь безумными и одержимыми демоном, предвещали

еще более страшное, как научившиеся предсказывать будущее на основании происходящих событий и неумеренно хвастаясь этим своим свойством. Другие же, наблюдая звезды в их движение, истолковывали их и предсказывали большие несчастья и чуть ли не общую гибель всего существующего. Обычно в трудные времена всегда появляется множество таких людей. Но каждое подобное предсказание было вредно для общественного блага. По-моему, следовало бы привлекать за нечестие подобных толкователей снов, не оставляющих для бога никакого более глубокого знания будущего. Однако никого не было в то время, кто бы не был сильно охвачен страхом и смятением. Поэтому ежедневно давались обеты и совершались моления, причем все собирались в одно место. И то, что на словах легко восхвалялось, а делами редко подкреплялось, тогда делалось с большой готовностью. Все вообще стали справедливыми во взаимных обязательствах. Начальники, отказавшись от наживы, судили по законам и прочие динаты, живя скромно и тихо, придерживались правды и справедливости и воздерживались от позорных деяний. Некоторые же, совершенно изменив образ жизни, избрали одинокую жизнь, уединились в горах, отказавшись и распроставшись с богатствами, чинами и всем, что людям наиболее дорого. Весьма многочисленные пожертвования делались храмам, а по ночам наиболее богатые граждане, обходя площади, одаряли обильным питанием и одеждой бедных и находящихся в самом жалком состоянии изуверченных людей, которые в большом количестве валялись на земле, выпрашивая подаяние. Все это имело место в течение некоторого времени, пока страх был еще свеж и силен.

Но как только бедствие ослабело и прекратилось, тотчас большинство возвратилось к привычному. Такое движение может быть названо не истинной справедливостью и благочестием, одинаково прочным и действенным, которое обычно создается правой верой и постоянным усилием, но какой-то беспорядочной уловкой и весьма ненадежным торгом для обмана и чтобы избежать настоящей беды.

Таким образом, добрыми делами мы пользуемся только по необходимости, пока давит страх.

6. Снова в это время выставлялись и отбрасывались многие учения об испарениях и часто упоминали Стагирита^[65] на собраниях, одни, утверждая, что он весьма правильно учил о землетрясениях и установил их причины, другие, – что он совершенно расходился с истиной. Некоторые, желая подкрепить его учение, что дымные и тяжелые испарения, скопляющиеся в недрах земли, вызывают подобные толчки, в подкрепление этого учения выдвинули прежнее изобретение Анфимия. Отчеством ему являлся город Траллы, специальностью – изобретение машин для механиков, которые, переводя линейный рисунок на материал, фабрикуют некие подражания и изображения существующих вещей. Он был лучшим в этом искусстве и дошел до вершин математических наук, так же как брат его, Митродор, в так называемых грамматических и я бы назвал счастливой их мать, произведшую на свет потомство, преисполненное такой разнообразной учености; ибо она породила этих двух мужей и Олимпия, прославленного знанием законов и опытною в ведении судебных дел, и, кроме того, Диоскора и Александра, обоих опытейших во врачебном искусстве, из которых один жил в отечестве и дал прекрасные доказательства своего искусства, другой жил в древнем Риме, приглашенный туда с большим почетом. Когда молва о Митродоре и Анфимии распространилась повсеместно, она дошла до самого императора. Поэтому они пришли по приглашению в Византию и провели здесь остальную часть жизни, причем каждый из них оставил величайшие доказательства своего искусства. Один из них обучил многих юношей из знати и приобщил их к прекраснейшей из наук, так что внушил всем, насколько мог, стремление и любовь к наукам и красноречию. Другой воздвиг удивительные строения как в столице, так и повсеместно, которые, думаю, если бы о них и ничего не говорили или не писали, пока они стоят и сохраняются, сами по себе достаточны, чтобы снискать ему бессмертную славу.

Я сейчас скажу, почему упомянул об этом муже. Есть в Византии некий человек, по имени Зион, записанный в списки риторов, чрезвычайно красноречивый и большой любимец императора. Жил он по соседству с Анфимием, так что, казалось, они обитают в одном жилище и заключены в одних пределах. С течением времени у них возникли споры и раздоры или вследствие вида [постройки], необычного раньше, или вследствие новой, неумеренно поднятой в высоту и загораживающей свет, или из-за чего другого, так как естественно, что у слишком близко друг от друга живущих возникают споры.

7. Тогда Анфимий был побежден противником-обвинителем, так как не в состоянии был противопоставить одинаковое ораторское искусство. Но он в свою очередь поразил его своим искусством следующим образом. Зион приобрел отличный дом, очень обширный и красивый, изысканно изукрашенный, в котором он и сам обыкновенно пребывал и угощал друзей. Нижние помещения были с одной стороны близки к дому Анфимия, так что общая крыша соединяла потолок одного и часть постройки другого. Здесь, в различных частях помещения он разместил много сосудов,

наполненных водой, обтянул кожаными крышками, снизу широкими, чтобы охватить сосуды, затем они суживались наподобие труб, прикрепил концы их к доскам и балкам и тщательно закрыл все отверстия, так что весь пар, сколько его содержалось в кожах, не улетучиваясь и не проходя наружу, свободно поступал вверх, поднимаясь по полым трубам, пока не достигал крыши. Приготовив все это скрытным образом, он подложил сильный огонь под основание сосудов и развел сильный пламя. Тотчас из кипящей воды поднялся вверх пар, сильный и одновременно густой. Так как он не имел возможности распространиться, то он несся по трубам и, сжатый теснотой, с большой силой стремился вверх, пока непрерывным потоком не ударялся о крышу и всю ее сотрясал и приводил в движение, так что бревна сильно тряслись и скрипели. Бывшие у Зинона были охвачены страхом и ужасом и высыпали на площадь, пораженные бедствием, стена и призывая на помощь. Он же отправившись в императорскую резиденцию, спрашивал знакомых, как у них произошло землетрясение и какой они потерпели убыток. Когда же они отвечали: «Говори добрые слова, друг», и «прочь», и «пусть никогда этого не будет», и к тому же еще гневались на него, как болтающего такие несуразные с дурным предзнаменованием слова, он не знал, что и подумать. Он не мог отнять у самого себя веры в то, что, как он знал, недавно с ним случилось, и в то же время стыдился дольше спорить со столькими людьми, притом его так порицавшими.

8. Этими аргументами, главным образом, пользовались утверждающие, что испарения и выделения пара порождают землетрясения. Они говорили: «Так как этот изобретатель машин знал причины, отчего бывает сотрясение земли, то он и произвел подобное и своим искусством подражал природе». Они, вероятно, говорили не все, что думали. Мне все же это кажется вероятным и остроумно изобретенным, но отнюдь не представляется достаточным доказательством того, что так происходит в природе. Из того, что эти «мелитенские собачки», взбега на крышу, двигают и сотрясают ее и это делают при легчайшем подъеме, никто не может вывести заключение, что это сходно с явлениями природы, и пользоваться этим, как достаточным аргументом. Однако эти шуточные изобретения отнюдь не должны рассматриваться как ничтожные и непристойные. Что касается происшествий в природе, то нужно (если только нужно) искать другие причины. И не только это Анфимий устроил Зинову, но одновременно бросил гром и молнию в его жилище. Он отполировывал диск, приготовленный наподобие зеркала, немного вогнутый, противопоставленный лучам солнца, и различными способами направлял на дом Зинона сильный свет так, что тот ослеплял взоры всех, на кого попадал и заставлял шуриться. Кроме того, конгломератом различных звучащих предметов, приводимых в движение, он производил сильный гул, напоминающий гром, способный привести всех в ужас, так что Зион, когда с трудом, наконец, понял откуда все это происходит, бросился прямо к ногам императора и обвинял соседа, как злого и преступного человека. Вне себя от гнева он высказал и нечто похвальное для того. Так, подражая поэтическим изречениям, он вскричал в сенате, как бы с иронией, и насмешкой, что он – простой человек, и ему не по плечу бороться одновременно с Юпитером, пускающим громы и молнии, и с Нептуном, потрясающим землю. Прекрасны, конечно, эти проявления искусства, даже если они представляют забавы. Нет, однако, необходимости, чтобы природа следовала за ними и равнялась по ним. Но пусть каждый держится об этом такого мнения, какого желает. Мне же нужно вернуться к прерванному рассказу

9. В таком положении оказался в эту зиму город [Константинополь], а жителям еще многие дни представлялось, что почва сотрясается, и это тогда, когда сотрясение уже прекратилось и установилось спокойствие. Внедрилось в души людей это бедствие и подозрение сохранилось, затемняя рассудок. А император старался восстановить многие дома, некоторые из которых оказались поврежденными и потерявшими устойчивость, а другие – совсем разрушенными. Особенно же он заботился о величайшем храме божием. Когда он был раньше сожжен народом, он восстановил его совершенно заново от самого основания и создал весьма замечательный и удивительный, отличающийся громадными размерами, красотой формы и разнообразием металлов. Построил его из жженого кирпича и извести, повсеместно соединив железными скобами и совершенно не пользуясь деревом, чтобы он не загорелся легко. Именно Анфимий, о котором я упоминал раньше, составил план для всего сооружения и его выполнил. Тогда император восстановил снова среднюю, самую высокую часть купола, обрушившуюся от землетрясения, [сделав] ее более прочной и подняв на большую высоту. Анфимия тогда уже не было в живых. Молодой же Исидор и другие техники, рассмотрев сами прежнюю форму и сличив с сохранившимся и поврежденным, и изучив, каково было [повреждение] и в чем причина падения, восточную и западную апсиду оставили в прежнем состоянии на месте, северную же и южную над сводами протянули внутрь и несколько расширили, чтобы они более гармонично соответствовали другим, и вместе представляли форму равностороннюю. Таким образом была сокращена чрезмерная обширность пустого пространства и прикрыта некоторая часть пространства, поскольку была создана форма иного вида. Итак, ими был

создан возвышающийся в центре или круг, или полушарие, или фигура, называемая другим именем. И [купол] сделан был тогда действительно более прямым, легко обозреваемым, геометрически круглым, несколько, правда, более тесным и сдавленным, который не так прельщал красотой зрителей, как раньше, но был гораздо более прочным. Итак, то, что следовало в истории сказать о храме и к чему пришла, развиваясь, сама последовательность рассказа, это мной достаточно подробно изложено. Восхвалять же в отдельности все то, что в нем достойно удивления, и показывать в своем изложении представляется излишним и не приличествует этой работе. Если же кто, быть может, проживающий вдали от столицы, пожелает отчетливо узнать все, как бы присутствуя и смотря, пусть прочитает то, что Павел, сын Кира Флора, описал в гексаметрах. Он, состоя примыкирием императорских силенциариев,^[66] украшенный славой своего рода и унаследовав от предков большое богатство, много уделял времени науке и красноречию и этим еще более прославлялся и украшался.

И он написал очень много и других поэтических произведений, достойных памяти и похвалы. Написанное же им о храме представляется мне сделанным с наибольшим старанием и искусством, поскольку и тема наиболее увлекательна. Ибо найдешь в нем полностью и гармонию целого, и тончайшим образом исследованную природу материалов, и изящество, и значение вестибюлей храма, и его величину, и высоту, и узнаешь, каковы изображения, помещенные в высоту, круглые и протянутые в ширину. Из стихотворного описания также узнаешь, как недоступный для непосвященных алтарь украшен самым дорогим способом – сплавом золота и серебра. Отдельно описывается место, предназначенное для таинств, и какие там есть другие большие и малые украшения – не хуже, чем если бы кто в нем часто бывал и все рассмотрел лично. Итак, спустя немного времени было произведено второе исправление и восстановление этого храма.

10. В том же году с началом весны чума, которая никогда совершенно не прекращалась, снова обрушилась на город. Как я указал, в первый раз около пятого года правления Юстиниана она обрушилась на наш мир, потом часто перемещалась с одного места на другое и опустошая одни местности, другим давала как бы передышку. Теперь же опять возвратилась в Византию, как будто раньше чем-то обманутая и раньше времени ушедшая оттуда.

Итак, умирали многие внезапно, как будто пораженные сильной апоплексией. Те же, кто был наиболее вынослив, не переживали пятого дня. Течение болезни имело много сходства с предшествующей эпидемией. Горячки с нарывами были продолжительные, а не однодневные. Они несколько не ослаблялись и прекращались только со смертью того, кого они захватили. У некоторых не было ни лихорадочного жара, ни другого заболевания, но, занятые обычным делом, и дома, и на площадях, принуждаемые необходимостью, они падали и быстро становились бездыханными, как бы нерадиво относясь к смерти. И поражался всякий возраст без различия, а в особенности люди цветущего возраста и молодые, среди них больше всего мужчины. Женщины далеко не терпели подобного. Древнейшие оракулы персов и искуснейшие в изучении небесных движений у персов говорят, что в бесконечном времени происходят смены периодов то добрых и счастливых, то несчастных и неблагоприятных, причем настоящий период признается одним из самых худых и имеющих дурное предзнаменование. Ибо теперь начинаются и усиливаются повсеместно войны и возмущения; в городах удерживаются в течение долгого времени и нарастают смертельные болезни. Другие же причиной гибели выставляют небесный гнев, который наказывает за грехи человеческого рода и уменьшает население. Мне же не подобает рассуждать об этих мнениях и определять более достоверное из них, потому что не знаю, а если бы и знал, то отнюдь не считал бы необходимым и соответствующим настоящему труду, а если я коротко упомянул о случившемся, то этим удовлетворил требование истории.

11. Когда это случилось, произошли в столице и другие события, наполнившие ее шумом и смятением, и не менее тягостные, чем те, о которых я рассказывал. Я сейчас изложу, каковы они были, а раньше коротко упомяну о более раннем.

Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, и жил севернее реки Танаиса, как и другие варварские народы, которые обитали в Азии за Имейской горой. Все они назывались гуннами, или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались котригурами, другие – утигурами, некоторые – ультизурами, прочие вуругундами. Спустя много столетий они перешли в Европу, или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым, и, распространившись по чужой территории, причинили ее обитателям величайшие бедствия своим неожиданным нападением.

Таким образом, изгнав прежних обитателей, они заняли их страну, но, кажется, в ней не очень долго прожили и, как говорится, погибли поголовно.

Ультизуры и вуругунды считались могущественными и были знамениты во времена императора Льва и живших в то время римлян. Мы же, живущие ныне, их не знаем и, думаю, никогда не узнаем или потому, что они, может быть, погибли, или же переселились в отдаленнейшие местности. Однако в тот год, когда моровая язва напала на город (Константинополь), некоторые племена гуннов оказались существующими и к тому же весьма страшными. Гунны все-таки спустились на юг и обитали недалеко от берегов Дуная, там, где им было это желательно. Когда наступила зима, река, как обычно, покрылась льдом и замерзла на такую глубину, что могла быть перейдена и пешими и конными войсками. Заберган, вождь гуннов, называемых котригурами, переведя значительное конное войско [по реке], как по суше, очень легко вступил на территорию Римской империи. Найдя тамошние местности лишенными обитателей, он без всяких препятствий проник внутрь [страны] и, быстро пройдя Мизию и Скифию, вторгся во Фракию. Там он разделил войско и одну часть его направил в Грецию, чтобы она произвела нападение на все незащищенные гарнизоны места и их опустошила. Другую же часть войска послал во Фракийский Херсонес.

12. Части Херсонеса, обращенные на восток, юго-восток и юг, протянулись вдоль Геллеспонта. Он обтекает его почти весь и тот почти окружается его изгибами, соединяясь с континентом только небольшим перешейком в 40 стадий, мешающим ему стать островом. Через этот перешеек проведена стена, доведенная с той и другой стороны до моря. Внутри за ней размещены Ародимада, Тескос и Киберис. В самом отдаленном от них пункте, у самого пролива и морских изгибов, расположен Сест, город, часто упоминаемый в поэзии и знаменитейший, думаю, не по какой другой причине, как только по причине светильника Сестской горы и любви и смерти Леандра.^[67] Недалеко от него расположен и другой городок, незначительный, некрасивый и ничем не привлекательный, по имени Каллиполь. Окрестности его украшают поля, гавани, обилие древесных зарослей и текучих вод. Земля хорошо орошаема и плодородна, изобилует продовольствием. Эти городки и обширную площадь ограждает стена, чтобы помешать проникновению туда врагов. Тогда Заберган, преисполненный надеждами, замыслил разрушить стену, проникнуть внутрь и подчинить себе даже море. Он строил мечты, что там у него будет множество кораблей, и что он отправится в Азию через очень узкий пролив, весьма удобный для переправы и не тревожимый сильными волнами, и что он тотчас же разорит Абидос и тамошнюю таможню, где взимают десятину. Охваченный такими безрассудными помыслами, он послал в Херсонес войско, достаточное для этого предприятия. Сам же с семью тысячами устремился прямо на Константинополь, опустошая поля и покушаясь на города, везде внося хаос и замешательство. Настоящая причина похода была варварская несправедливость и страсть к обогащению. Предлогом же и прикрытием он выставил вражду против утигуров. Ибо некто по имени Сандилх, гунн, вождь этого племени, был другом римлян и их союзником. Поэтому император относился к нему с благосклонностью, почитал его и часто посылал ему подарки. Котригуры же, как обойденные и оскорбленные явным пренебрежением и очевидным презрением, решили предпринять этот поход, чтобы показать, что и они умеют внушать страх и достойны внимания, показать, что и они не спустят обидчику.

13. Так как никто им не выступил навстречу и не оказал сопротивления, то они опустошили страну, подвергнув ее жестокому разграблению, награбили большую добычу и захватили множество пленных. Жесточайшим образом похищались и многие благородные женщины и даже ведущие непорочную жизнь подвергались величайшему бедствию, становясь жертвой разнузданной страсти варваров. Некоторые еще с детства отказались от брака, мирских желаний и забот этой жизни, проживали в удаленных, посвященных божественному богослужению помещениях, вели с величайшим усердием уединенную жизнь, свободную, без всякого общения с мужчинами. Даже над этими, вырванными из священных убежищ, девами надругались враги, подвергая их позорному насилию. Многие же другие не отказывались от общения с мужчинами и были захвачены беременными, когда уже настала необходимость родить, рожали детей в дороге на открытом месте, не имея возможности даже прикрыть стыдливость родов, ни обрядить, как подобало, и взять с собой новорожденного младенца, но их [матерей] тащили дальше в таком состоянии, причем им не позволялось даже, страшно оказав, скорбеть об этом. Несчастные же новорожденные бросались одинокими на растерзание собакам и плотоядным птицам, как будто они только для этого и были произведены на свет и напрасно познали начало своего бытия. К такому жалкому состоянию были приведены дела римлян, что даже в окрестностях столицы они терпели столь жестокие бедствия от варваров, к тому же весьма немногочисленных, но их дерзость не ограничилась даже этим. Пройдя дальше, они легко преодолели длинные стены и подошли к укреплениям, расположенным внутри. Вследствие старости и заброшенности великое укрепление во многих местах рухнуло и распалось. Некоторые же части они сами разрушили, притом так легко и беззаботно, как будто разрушали жилые

дома, так как не было никого, кто бы сопротивлялся им. Не было там никакого военного гарнизона, никаких орудий для отражения врагов. Не было и тех, кто использовал бы и привел в действие эти орудия. Не слышно было даже лая собак, а если и был, то не больше, чтобы не показать слишком смешное, как в свинарнях и овчарнях. В действительности римские войска были уже не таковы, как при древних императорах, но сведенные к ничтожной части, далеко не соответствовали величине государства. Ибо все римское войско должно было насчитывать шестьсот сорок пять тысяч вооруженных людей, а в то время оно едва составляло сто пятьдесят тысяч и из них одни были размещены в Италии, другие в Ливии, третьи в Испании, некоторые у колхов, в Александрии и Фивах египетских. Небольшая часть была расположена и на границах персов. Там не было нужды в больших силах, благодаря договорам и прочно установленному перемирию. Так нерадением властей многочисленные войска были сведены к незначительному количеству.

14. Император раньше покорил всю Италию и Ливию, провел успешно эти величайшие войны и первый, так сказать, среди всех царствовавших в Византии показал себя не на словах, а на деле римским императором. Но эти и подобные деяния были совершены, когда он был еще молод и полон сил. А теперь, в конце своей жизни, уже и состарившись, он, казалось, отказался от трудов и предпочитал скорее сталкивать врагов между собою, смягчать их, если необходимо, подарками и таким образом их кое-как сдерживать, чем доверяться самому себе и постоянно подвергаться опасностям. Поэтому он легко переносил ликвидацию легионов, как будто в них в дальнейшем совершенно не было нужды. Это нерадение охватило и тех, которые занимали вторые должности в управлении государством, на обязанности которых лежало обложение подданных налогами и снабжение войска необходимым. Они часто открыто обманывали [воинов], часто выплачивали содержание гораздо позднее, чем должно. Затем, эти люди, искушенные в обманном по отношению к народу крючкотворстве, пересматривали списки и требовали обратно уже выплаченное. Честь и достоинство их заключались в том, чтобы возводить на воинов одно обвинение за другим и отнимать у них пропитание, и, как будто в приливе и отливе вод, то же количество, которое было доставлено воинам из податей, не знаю каким способом, выливалось обратно и возвращалось, откуда пришло. Так пренебрегали защитниками и борцами, и те, теснимые нуждой, покидали военное поприще, в котором были воспитаны, и расходились по разным местам, избирая другой образ жизни. Большая часть средств, предназначенных для войска, разбрасывалась бесчестным женщинам, возницам цирка и людям мало пригодным для полезных дел, но зато преданным удовольствиям, занимающимся с каким-то безумным усердием и дерзостью только внутренними смутами и цирковыми спорами и другим, еще более бесполезным, чем эти. А следствием этого было то, что вся Фракия и местности, прилегающие к столице, были лишены войск, беззащитны и поэтому были проходимы и легко доступны для варваров.^[68] И те дошли до такой наглости, что раскинули лагерь около селения Мелантиады, отстоящего от столицы не больше чем на 140 стадий. Его обтекает река Атирас, которая немного выше поворачивает на северо-восток и вливается в Пропонтиду, откуда и находящийся у побережья реки порт носит то же название. Когда враги, таким образом, появились в самой непосредственной близости, тотчас в Византии толпа горожан преисполнилась страхом и ужасом, и им грезились ужасы, не только бывшие перед глазами, но и гораздо большие. Им мерещились осады, пожары, голод, разрушение стен. Поэтому по большим улицам часто можно было наблюдать беспричинное бегство, беспричинную панику и толкотню, как будто варвары уже ворвались внутрь. Сильное смятение подымалось в лавках при каждом сильном стуке. Скорбь и страх проникли не только в массы простых людей, но и распространились на всех должностных лиц. Полагаю, что и сам император ничуть не пренебрегал случившимся. Священные здания, находящиеся вне города на европейской стороне побережья, которое начинается с так называемых Влахерн и Золотого Рога и тянется до Эвксинского Понта, с его разрешения были лишены своих украшений. Те, кому это было поручено, унесли из них ценные предметы и весь прочий инвентарь, погрузив все на повозки, часть поместили внутри города, а часть, сложив в лодки и переправив через пролив, доставили на противоположный материк. И тогда в тех местах можно было видеть священные здания, лишенные своих украшений, как будто еще не освященные и недавно начавшиеся строиться.

15. Казались несомненными такие страшные и величайшие опасности, что на стенах, в Сикке и так называемых Золотых Воротах были действительно расставлены лохаги, таксиархи и многие воины, чтобы мужественно отражать врагов, если нападут. На самом деле, однако, они были небоеспособны и не были даже достаточно обучены военному делу, а были из тех воинских частей, которые назначались держать караулы днем и ночью, которых называют схоляриями. Они назывались воинами и были записаны в военные списки, но большей частью были горожанами, блестяще одетыми, но подбиравшимися только для увеличения достоинства и великолепия императора, когда тот выступал

публично. Некогда в их число можно было принимать только тех, кто был опытен в военном деле. Поэтому они не платили никаких денег за включение в военные списки, но даром, без всяких издержек, достаивались этой почести, полученной в награду за прежние подвиги.

Зинов же Исавр после возвращения к власти, кажется, первым зачислил в эти отряды многих своих соплеменников, доблесть которых никак не проявилась в сражениях или другим путем, но только известных ему и верных. А затем с этого времени было допущено и принято, что не только за труды и храбрость, проявленные в сражениях, как бы в виде награды зачислялись достойные, но и совершенно несведущие в военном деле [допускались] не по заслугам, а в виде милости. Когда, я говорю, началась такая практика, из этого, естественно, разлилось принятие даров [за зачисление] – обстоятельство, как кажется, более могущественное, чем все остальное, и, наконец, вакансии стали прямо продаваться, так что отнюдь нельзя было желающим зачисляться в это войско каким-нибудь другим образом, кроме уплаты определенного количества денег. А выполнив это, они немедленно зачислялись без испытания и причислялись к остальным воинам, даже если были совершенно несведущи в военном деле. При таком пренебрежении отбором, они, естественно, меньше всего принуждались к военным занятиям и как приобретшие покупную должность, тем более покупали свободу праздности. Эти-то люди, за недостатком опытных в военном деле расставленные по стенам, делали вид, что охраняли их. Уже много дней столица пребывала в таком смятении, и варвары не переставали опустошать все им попадавшееся. Тогда только полководец Велизарий, уже одряхлевший от старости, по приказанию императора посылается против них. Итак, он снова надевает уже давно снятый панцирь, а на голову шлем, и возвращается к привычкам, усвоенным им с детства, возвращает память о прошлом и призывает прежнюю бодрость духа и доблесть. Закончив эту последнюю в своей жизни войну, он приобрел не меньшую славу, чем тогда, когда одержал победы над вандалами и готами. Ужас настоящего и безнадежность будущего делали его деяние еще более значительным и блестящим, а победу более радостной. И я расскажу подробно, как все это произошло.

16. Выйдя на небольшое расстояние из города и разбив лагерь в местности деревни Хетта, он показал величайшую опытность и храбрость, значительно превышавшую его возраст. Он был уже стар и, естественно, весьма слаб, но отнюдь не казался подавленным трудами и не жалел нисколько своей жизни. За ним следовало не более 300 оплитов – сильных людей, потрудившихся с ним в боях, какие он вел на Западе. Прочая толпа была почти безоружна и необучена и по неопытности считала войну приятным занятием. Она собиралась скорее ради зрелища, чем ради сражения. Сбежалась к нему из окрестностей и толпа сельских жителей. Так как поля у них были опустошены врагами, то, не имея пристанища, они быстро собрались вокруг Велизария. Присоединив к своим силам толпы крестьян, он воспользовался ими умело, обнес лагерь широким рвом и часто посылал разведчиков, поручив им, насколько это было возможно, наблюдение за неприятельскими силами, определение их численности и собиранье других сведений, которые удастся получить.

Так он проводил время, все узнавая и обдумывая. С наступлением же ночи он зажег много костров, разбросанных на большом расстоянии по долине, чтобы враги, увидев их, считали по количеству зажженных огней римское войско очень многочисленным и испытывали пред ним страх. И они действительно так думали и, опасаясь его, оставались неподвижными. Впрочем, они все же не долго были обмануты этой воинской хитростью. Вскоре они узнали, что римское войско весьма немногочисленно и не способно к борьбе с ними.

Тем не менее, воины Велизария были настроены весьма бодро, презирали неприятеля, даже если бы он совершил нападение большими силами, в особенности полагаясь на свою воинскую доблесть и на то, что они – римляне и имеют громадный опыт в военном деле и перенесении величайших опасностей.

Велизарий, заметив их бодрость и [то], что они больше, чем следует, хвастаются прежними деяниями, а настоящие презирают, опасался, чтобы они не дали излишнего простора своим надеждам, которые незаметно увлекут их, куда пожелают, опасался, что они будут представлять слишком легкими трудности, с которыми столкнутся. Чтобы этого не случилось, собрав всех воедино, как будто уже угрожал сражением, выступив на середину, он сказал следующее:

17. «Не из страха, о мужи, и не из желания побудить вас к бодрости, как это обычно делается перед битвами, пришел я, а чтобы выступить с соответствующим словом. Я бы казался забывшим то, что мне известно по опыту, если бы перед римскими солдатами, испытанными в постоянных боях, которые разрушили, можно сказать, государства величайших народов, теперь бы стал выступать с какими-то увещаниями, призывая отбросить страх перед бродячими бандами и притом гуннами и котригурами. Но так как вижу в вас больше, чем подобает, высокомерия и самоуверенности, то счел я не бесполезным напомнить вам о вашей прежней скромности. Всякая чрезмерность должна быть избегаема разумными людьми, даже если она направлена к похвальной цели. Превозноситься в такой

степени прежними подвигами и в дальнейшем себе обещать всегда такой же успех, значит изгонять благоразумие и склоняться к заносчивости. А тем, кто дойдет до такого безумия, что не допускает в душе никакой умеренности, даже если речь идет о почтении к божественному промыслу, нужно, однако, обратить внимание и на то, что хотя варвары воинской храбростью и доблестью далеко ниже нас, однако они превосходят нас числом. И если взвесим преимущества каждой стороны, то различие придет к равенству. Поэтому разве не позорно для нас, сражающихся в равных условиях, проявлять такое безрассудство и несдержанность и не считаться ни с временем, ни с порядком, ни с внезапными капризами судьбы? Никто, как полагаю, не победит врагов физической силой, если нет налицо разумного плана и обдуманности. Каким образом я, дошедший до такой седины, что по старости уже не пригоден к военному делу, могу принимать участие в стычках и сражениях, если не буду поддерживаем правильностью своих решений и благоразумием? Поэтому, если помощь старости укрепляется разумным и направленным на должное решением и приводит к полезному, восполняя благоразумием недостатки возраста, то разве эти качества не будут тем более полезны вам, присоединяясь к юности и телесной силе? Несчастья, происходящие от какой-либо случайности или ошибки, могут быть исправлены правильным размышлением, которое помогает приспособляться к обстоятельствам и исправлять ошибки. Если же несчастье произойдет по ошибочности нашего замысла, благодаря тому, что мы взяли за дело менее обдуманно, чем надлежало, откуда, я спрашиваю, искать лекарства и спасения, если начало, порождающее обычно все остальное, нас обманывает? Но, быть может, кто-нибудь будет удивляться неожиданности моего выступления. В то время, как подобает возбуждать и укреплять вашу уверенность в себе и бодрость духа, я, наоборот, подрываю и уменьшаю их, навязываю вам обдумывание, страх и делаю надежды сомнительными».

18. Но мне то и приятно, и подает добрые надежды, что я иду в сражение с такими людьми, которых если смогу убедить немного умерить свой пыл, то, думаю, должен считаться искусным оратором. А каждый из вас пусть убедится в том, что всякие попытки и действия, лишённые благоразумия, не должны считаться храбростью, но дерзостью, безрассудством и нарушением долга. Поэтому душевная бодрость пусть остается у вас и расцветает еще больше, но умеренная и улучшенная рассудительностью и ограниченная пределами должного; чрезмерная же дерзость с сопровождающей ее заносчивостью пусть будет отброшена. Размышление и обдумывание, каким образом использовать настоящую обстановку, не влечет за собой страха и трусости, но достоинство и уверенность. А когда будет установлен полезный план, тогда, несомненно, последует разумное дерзновение, которое не безрассудно испытывает превратности судьбы, но закрепляется расчетом как несомненное. Но, вероятно, кто-нибудь на вас скажет, что не может благородная натура, разумно возбужденная и готовая на всякий подвиг, воздержаться от задуманного и принуждаться к спокойствию и хладнокровию, промедлению и обсуждению дольше, чем того требует обстановка, в особенности когда варвары так вызывающе надругаются над нами, грабя бесстыдно все, осмеливаясь даже угрожать самой столице. Дело обстоит именно таким образом и самым опытом подтверждается, что вы справедливо воспламенены гневом против врагов. Они неумеренно пользуются тем, что им было даровано раньше. Но я считал бы весьма легким для людей благоразумных отделить гнев от ярости, беспорядочности и необдуманного порыва в делах, которые нам предстоят, сохранить только величие духа и твердое намерение противостоять врагам. Из душевных же стремлений необходимо и должно держаться тех, которые чисто и искренне совпадают с честью и долгом. Теми же, которые стремятся и направляют к противоположному, не всегда должно пользоваться, а только тогда, когда они приносят пользу. Я полагаю, вы не станете отрицать, что благоразумие есть чистое и неподдельное добро. В гневе порыв похвален: дерзость же должна быть избегаема, как невыгодная. Поэтому, избирая то, что в гневе является лучшим, и умеряя благоразумием то, что нам желательно выполнить, мы пойдем на врагов с уверенностью, так как нами ничего не упущено из должного. Нужно только, чтобы мы сознавали, что нам предстоит сражаться с людьми – варварами, которые привыкли нападать на манер разбойников и пользуясь тайными засадами, в открытом же сражении не очень испытаны и не приучены к стойкости в сражениях. Видя же теперь, что против них приготовлена упорная оборона и укрепления, и стены для отражения и защиты, они, вероятно, отбросят старую свою привычку и будут принуждены к тому, чтобы вступить с нами в регулярное сражение, подойти близко и сражаться врукопашную. К этому их побудит необходимость. Если вы будете разумно вести дело, соблюдая отечественные порядки и дисциплину, будете идти на бой обдуманно, то они узнают на самом деле, во сколько раз превосходит приобретенное нашим упражнением, волей и желанием сделанное на скорую руку и вынужденное.

19. Это сказал Велизарий. Римляне же, изменив свое настроение к лучшему, сохранили по-прежнему свою храбрость и вместе с тем приобрели больше осмотрительности, чем им присуще было, и меньше кичливости и преисполнились такой отвагой, соединенной со скромностью, что

совершили такой подвиг, какой, говорят, сравнивая малое с великим, совершили в древности македоняне с Леонидом в Фермопилах, когда наступал Ксеркс. Но те погибли поголовно, прославившись только тем, что погибли не напрасно, но раньше убили многих персов. Бывшие же вместе с Велизарием римляне проявили спартанскую доблесть, обратив всех врагов в бегство, и весьма многих истребили, не понеся притом сами никаких потерь, заслуживающих упоминания. Ибо когда из варварского войска были выделены две тысячи как бы для того, чтобы без труда истребить противника, и разведчики объявили Велизария, что они немедленно явятся, он вывел против них свое войско, замаскировав его и искусно скрывая, насколько возможно, его малочисленность. Отобрав двести всадников, щитососцев и копьеметателей, он поместил их в засаде с обеих сторон дороги там, где ожидал нападения врагов, приказав им немедленно броситься на врагов, метая копья, как только услышат сигнал, чтобы силой натиска те были сбиты в кучу и их многочисленность оказалась бы бесплодной, так чтобы они не могли расширить и раздвинуть свой строй, но были все опрокинуты друг на друга. Крестьянам же и лицам из гражданского сословия, пригодным к бою, которые следовали за ним, он приказал выступить с сильным криком и стуком оружия. С остальными же стал в центре, чтобы принять грудью натиск врага.

Когда варвары уже появились и, продвинувшись вперед, большая часть их попала в засаду, Велизарий с теми, кто за ним следовал, быстро произвел сильнейший натиск на противостоящий ему вражеский строй. А крестьяне и прочая толпа криком и стуком кольев, которые они для этого несли с собой, прибавляли бодрости нападающим. По данному сигналу выскочили и сидевшие в засаде с той и другой стороны [дороги] и бросились против неприятеля. Поднялся крик и шум, больший, чем можно было ожидать от размера боевых операций.

Тогда враги, поражаемые со всех сторон дротиками, опрокинутые друг на друга, сдавленные теснотой, как это предусмотрел Велизарий, не могли сражаться и обороняться. Они не могли ни удобно стрелять из лука, ни метать копья. Всадники не могли ни руководить вылазкой, ни окружать неприятельские фаланги. Казалось, что они окружены и замкнуты в круг многочисленным войском. Ибо и находящиеся сзади с большим шумом и криком теснили их, возбуждая страх, а поднимающаяся вверх пыль мешала установить численность нападающих. Велизарий первым перебил и обратил в бегство многих противников, а затем, когда и остальные напали со всех сторон, варвары, повернув назад, обратились в беспорядочное бегство, не оставив позади себя никакого арьергарда, а быстро убегали, куда кому заблагорассудится. Римляне же преследовали их, оставаясь в строю, и весьма легко истребляли отставших. Произошло большое избиение убегающих в беспорядке варваров. Они и поводья лошадей бросили, и частыми ударами бичей ускоряли их бег. От страха их покинуло даже то искусство, которым они привыкли гордиться. Обычно эти варвары, быстро убегая, поражают преследующих, поворачиваясь назад и стреляя в них. Тогда стрелы сильно поражают намеченную цель, так как с большой силой посылаются в преследующих, а те, устремляясь с противоположной стороны, натываются на стрелы, причиняя себе большие ранения своим разбегом и ударом стрелы с самого близкого расстояния.

20. Но в то время все казалось гуннам безнадежным и им не приходил в голову какой-нибудь способ отражения врага. Из них было убито около 400 [человек]; из римлян никого, немногие были только ранены. С трудом и хан гуннов Заберган, и бывшие с ним добрались, к своей радости, до стоянки. Римские лошади, утомленные преследованием, явились главной причиной спасения гуннов. Иначе они были бы перебиты в тот день поголовно. Когда в большом беспорядке гунны ворвались в свою стоянку, то привели этим в замешательство все остальное войско, как будто ему угрожала неизбежная гибель. Слышался сильный вой варваров: они резали себе даже щеки ножами, выражая тем, по обычаю, свою горесть. Римляне же с Велизарием возвратились к своим, закончив дело успешнее, чем надеялись, причем успешный исход дела зависел от мудрости вождя. Варвары же после поражения тотчас снялись с лагеря и начали поспешно отступать из Мелантиады. Велизарий, хотя, несомненно, и мог нанести им больший удар и даже добить их, преследуя людей, уже охваченных паникой, так как их отступление напоминало бегство, тем не менее тотчас же после победы возвратился в столицу, и не по своему желанию, а по приказанию императора. Когда распространилась весть об этой победе и весь народ воспевал его и превозносил на собраниях всеми похвалами, как спасенный им самым очевидным образом, то это уязвило и оскорбило многих из начальствующих, охваченных завистью и враждой – этими ужасными пороками, всегда уничтожающими самое лучшее. Поэтому они клеветали на этого мужа, обвиняя его в заносчивости и в том, что он добивается популярности толпы и имеет в виду другие надежды. По этим причинам очень скоро [дело] дошло до того, что он не был увенчан полной славой и не был удостоен должного почета за свои славные деяния. Вся слава победы у него каким-то образом выскользнула из рук, осталась без награды, навсегда преданная молчанию. Уже древними мудрецами было показано и доказано, какой ущерб наносится государству, когда

ослабляется предприимчивость лучших умов, когда они не получают похвалы и должного почета, когда недооценивается и пренебрегается [все выдающееся], будь то воинские подвиги или литературные дарования, или что-либо другое имеющее величайшее значение. И каждый легко может убедиться в этом из ежедневных фактов. Гунны же вначале опасались преследования и в большом беспорядке выбрались за так называемые длинные стены. Когда же они узнали, что Велизарий отозван и никто другой их не преследует, то отступали уже медленнее.

21. Между тем, другая часть варварского войска, направленная к Херсонесу, часто нападала на стены, придвигая лестницы и другие осадные орудия, но постоянно была отбиваема находящимися внутри римлянами, оказывающими ожесточенное сопротивление. Возглавлял их Герман, сын Дорофея, еще совсем юноша, едва достигший возмужалости, но отличающийся военачальническим духом, и приобретший опыт, далеко превышающий его возраст. Он родился в иллирийском городе, называемом некогда Бедериана, а затем названный Первой Юстинианой. Император Юстиниан, появившийся в нем на свет, естественно, украсил родной город разными сооружениями и из неизвестного сделал его счастливым и дал ему собственное имя. Происходивший из этого города Герман был ему весьма дорог. Когда [Герману] было восемь лет от рождения, Юстиниан привез его в столицу и окружил величайшими заботами, так как тот посещал и школы грамматиков, и другие училища, приобрел и латинское образование. Когда же достиг возмужалости, тотчас послали его в Херсонес начальствовать над расквартированными там войсками, чтобы у него порывы и подвижность юности и стремление к славе с самого начала реализовались в достойных, соответствующих и общественно необходимых делах, а не направлялись на нелепые порывы, волнения димов и конские ристания, различаемые цветами, куда большей частью направляется юношество и там развращается, если не будет занято каким-либо более полезным делом.

Когда в это время гунны осаждали и беспокоили Херсонес, этот юноша неустанно работал над отражением их нападений и изобретал всякие способы для отражения врага. И сам он по своим природным способностям очень удачно находил полезное и очень легко внимая совету находящихся при нем испытанных в боях воинов, подсказывающих ему то, что нужно было делать. Когда у варваров уже ничего не оставалось, чтобы они могли предпринять как для осады, так и для штурма стен, они решили испытать еще один способ – смелый, безрассудный, полный опасности, и, таким образом, или быстрее овладеть местностью, или же отказаться от дальнейших попыток и возвратиться к своим. Они собрали огромное количество тростника, самого длинного, крепкого и широкого и, окропив стебли и увязав их веревками и шерстью, изготовили множество плотов. Сверху поперек они наложили прямые деревянные бревна, как скамьи для гребцов, но не везде, а только по краям и по середине. Скрепив их самыми крепкими узлами, они соединили и связали между собой как можно прочнее так, чтобы три или четыре образовали один плот, имеющий достаточное пространство для помещения четырех гребцов, и чтобы они способны были выдержать тяжесть помещенного там груза и не затонули вследствие недостаточной величины. Таким образом они построили не менее 150 плотов. Чтобы увеличить их плавучесть, передние их части немного округлили и загнули назад наподобие носа, и, подражая бортам корабля и парапетам, они приладили с каждой стороны колки для весел и устроили нечто вроде передней и задней частей корабля, где не было весел и скамеек для гребцов.

22. Все это, насколько было возможно, они устроили основательным образом, а затем скрытно спустили в море, около западного берега залива, который весь поворачивает к городу Эпосу. На эти плоты взшло 600 воинов, на тростниковые основы набросали как можно больше соломы и, неумело гребя, далеко отделились от земли, весьма хорошо вооруженные и готовые к бою. Они надеялись, незаметно выплыв в море, легко преодолеть пространство, обогнуть край стены, протянутой до моря, и в дальнейшем уже безбоязненно добраться до внутреннего пространства, не защищенного ничем, кроме Геллеспонта. Когда Герман узнал через разведчиков, что этот тростниковый флот скоро появится, он посмеялся, естественно, над безрассудством врагов, но очень обрадовался, так как это могло ему принести несомненную пользу. Тотчас же двадцать легких кораблей с многочисленными веслами, с двойной кормой он наполнил воинами, одетыми в панцири, со щитами и луками, вооруженных крюками, посадил на них гребцов и рулевых и скрыл их за мысом, выдвигающимся в море, поместив их в засаде, чтобы они не могли быть замечены издалека. А когда варвары прошли и обогнули выдающуюся в море и прилегающую к морскому берегу часть стены, повернули внутрь и быстро устремились вперед с большой самоуверенностью, тогда и римские суда были спущены и двинулись им навстречу и, так как течение им способствовало, при быстром движении они носами обрушились с большой силой на камышовые плоты, а те, отброшенные большой силой течения назад, носились и крутились по волнам, так что гребцы не могли на них удержаться.

Многие, выброшенные в волны, погибли; другие же, по необходимости оставшиеся на них, не

знали, что предпринять. Те, кто удерживался на них, были чрезвычайно тревожимы силой морского течения, которое было умеренно и невелико для судов и лодок, но было чрезвычайно сильно для тростниковых плотов вследствие их легкости. Когда волны поднимались высоко, они взлетали с ними, когда же они опускались, то и они вместе с ними увлекались вниз. Поэтому люди на них даже не пытались сражаться, а только старались удержаться и устоять. Когда варвары находились в таком критическом положении, римляне использовали это благоприятное обстоятельство, нападая и наскакывая на неприятелей как в морском сражении. Таким образом они сбросили многих врагов в море, сами прочно удерживаясь в своих судах, многих избили, поражая врукопашную мечами. Когда плоты от них отделились, тогда напали на них с длинными копьями, рассекая по очереди носами и гарпунами все связи, соединяющие тростник, и распуская все соединения. Как только связи тростника рассекались, он беспорядочно разбрасывался морем, плавая по разным направлениям. Гунны же, лишаясь дна в своих суденышках, во множестве погружались в бездну и погибали от непривычной стихии. Так они погибли все. Никто из них не возвратился на землю.

23. Римляне, тотчас же собрав оружие врагов, какое еще плавало на поверхности, и, возвратившись на прежнее место, доставили всему войску величайшее наслаждение и радость, празднуя счастливый успех. Поэтому все, собравшись вместе, решили использовать для дальнейшего благоприятную перспективу этого успеха. Спустя немного дней, с оружием в руках они произвели внезапную вылазку за стены и напали на остальную толпу варваров, огорченную и подавленную недавним поражением. Тогда Герман, как юноша, который не мог еще вполне владеть собой и обуздывать порывы своей природы, охваченный сверх меры жаждой славы и героизма, не заботясь о благоразумии и безопасности, неустрашимо напал на неприятелей и подвергался опасности, сражаясь как рядовой солдат, а не как полководец, воодушевляя и приказывая, так что был ранен стрелой в бедро, и немногого недоставало, чтобы он был вынужден удалиться из боя. Но требование момента и значение предпринятого им дела заставили его преодолеть боль, и он только тогда прекратил и сам сражаться, и воодушевлять других, когда причинил врагу громадный урон и перебил многих из них. Тогда только закончилась битва и римляне возвратились в свои укрепления, не считая ни разумным, ни безопасным надолго затягивать рукопашное сражение с врагом, сильно уступая ему в численности. Варвары тем не менее были приведены в такое замешательство – частью видом обломков своих судов, бросаемых волнами, частью неожиданной вылазкой, произведенной римлянами, что в тот же день очистили местность, прилегающую к Херсонесу, и присоединились к Забергану и его войску, побежденные к побежденным. Те же, которые раньше были посланы в Грецию, также не совершили почти ничего достойного упоминания, не только не произведя нападения на Истм, но даже не смогли перейти Фермопилы, так как их занимал римский гарнизон. Поэтому и они отступили и направились во Фракию, чтобы здесь присоединиться к своим соотечественникам и вместе возвратиться домой. Тем не менее Заберган и его войско похвалялись, что они уйдут только тогда, когда получат от римлян такое же количество золота, как и утигуры. Они грозили немедленно перебить пленных, если те в ближайшее время не будут выкуплены родственниками. Император послал им столько золота, сколько считал достаточным для выкупа пленных и для того, чтобы они мирно очистили территорию. Варвары действительно возвратили как многих других, так и стратига Сергия, сына Вакха. Был захвачен даже он вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств и находился среди пленных.

Так они с трудом прекратили свой грабеж и направились домой, соединившись немного спустя с пришедшими из Греции.

24. Столичным жителям такое соглашение казалось низким, позорным и недостойным свободных людей. В особенности казалось нетерпимым то, что враги, подойдя так близко к столичному городу и насмеявшись над ним, не только не были истреблены поголовно, но даже унесли с собой золото, как благодарственный дар, как будто мы сами провинились. Замысел же императора предусматривал нечто большее, как показали события, развернувшиеся немного позднее, так что обвинявшие его раньше потом осыпали похвалами, удивлялись ему, как самому предусмотрительному и сообразительному [правителю]. Ибо он решил всеми способами добиться того, чтобы поссорить и столкнуть врагов между собою, чтобы они уничтожили друг друга. Чтобы это скорее произошло, пока Заберган совершал медленный путь со своими, он послал письмо к Сандилху, другому гуннскому вождю, своему федерату и наемнику. Содержание его было следующее: «Если ты, зная замысел котригуров, сознательно бездействовал, то я, естественно, по справедливости удивляюсь как твоему вероломству, так и самому себе за то, что недостаточно распознал твои замыслы и ошибся в суждении о тебе. Если же ты действительно до настоящего времени не знал, то это простительно. Но ты нам докажешь свое незнание предшествующего единственно тем, что не будешь проявлять небрежности в дальнейшем. Ибо они пришли сюда не с тем намерением и целью, чтобы опустошить мои владения (хотя, быть может, это и было побочной задачей похода), но желая доказать на деле, что мы

обманулись, пренебрегая ими, предпочтя довериться тебе, хотя они имеют преимущество и более храбры. Они считают нетерпимым, если кто-либо будет считать себя равным или соперником утигуров или только их немного превосходящим; с трудом соглашаются на свое очень значительное превосходство над ними. Поэтому они прекратили опустошение Фракии только тогда, когда унесли золото, которое мы ежегодно обычно жаловали тебе в качестве субсидии. И нам легко было или совершенно их уничтожить, или по крайней мере отправить домой без удовлетворения их домогательств. Но мы допустили и то и другое, чтобы испытать тебя. Если ты человек разумный и действительно храбрее их и не уступишь похищающим твое добро, то хоть теперь не будь ниже себя. Теперь представляется благоприятная возможность заставить врага ответить и, одержав победу, получить причитающееся тебе вознаграждение, как бы доставленное тебе им самим. Если же ты предпочтешь спокойствие, получив такое оскорбление, из-за боязни, как полагаю, или будешь предаваться постыдному бездействию, то ты, добрый человек, будешь лишен субсидии. Мы ее будем давать ему и на дальнейшее отложи свои помыслы и научись уступать более храбрым. Да будет тебе известно, что договоры, заключенные с тобой и твоим народом, будут перезаключены с ним. Было бы безрассудством входить с побежденными в сообщество бесчестия, когда подобает сближаться с победителями».

25. Прочитав это письмо при помощи переводчика, Сандилх пришел в ярость и не мог сдержать своего гнева, но в тот же день бросился мстить котригурам за причиненное ему оскорбление. Да и каким образом заносчивая душа варвара, всегда стремящегося к наживе, могла равнодушно отнестись к таким словам? Подняв свое войско, он сначала внезапно напал на неприятельскую территорию, поразив неожиданностью нападения ее обитателей, и обратил в рабство большое количество захваченных им женщин и детей. А затем неожиданно встретил возвращающихся из Фракии и только перешедших Дунай и, перебив множество, отобрал все деньги и всю добычу. Те же, которым удалось ускользнуть, когда с трудом добрались до своих и присоединились к ним, вступили в войну с ним. И затем в течение долгого времени были заняты взаимной борьбой, усиливая вражду между собой. То делали набеги и захватывали добычу, то вступали в открытые бои, пока почти совершенно не уничтожили друг друга, подорвав свои силы и разорив себя. Они даже потеряли свое племенное имя. Гуннские племена дошли до такого бедствия, что если и сохранилась их часть, то, будучи рассеянной, она подчинена другим и называется их именами. Такую жестокую кару они понесли за прежнее свое вероломство.

Впрочем, окончательное крушение и гибель этих племен произошли позднее, и об этом мною будет рассказано в надлежащем месте ради соблюдения последовательности событий. Когда же борьба еще свирепствовала и о ней стало известно Византии, тогда только там узнали и громогласно объявили о благоразумии императора и правильности его решения. Когда варвары истребляли друг друга, он, сам не прибегнув к оружию, победил их только своей мудростью при любом исходе борьбы и лишил их всякой надежды на будущее. Когда они страдали, поглощенные внутренними бедствиями, то, естественно, уже и не помышляли о походах против римлян, а большинство последних даже не знало, в какой земле они оказались.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Сноски

Примечания

1. Замолксис – гет (скиф или фракиец) – был рабом у Пифагора на Самосе. Получив свободу, он возвратился на родину, где старался распространить свое этико-религиозное учение, особенно о бессмертии, и свои политические взгляды. Рассказы о его жизни баснословны (Strab, Geogr ed. G. Kramer. 1844, 7, p. 297; Diod. Sic., Biblioth.hist ed. Dindorf. 1866, I, p. 94).

2. Платон.

3. Magister Scriniorum. В Византии от времени Римской империи сохранилось три императорские канцелярии: memoriae, epistolarum, libellorum. Вторая канцелярия имела два отдела: один для латинской и другой для греческой официальной корреспонденции. Начальники их имели право

непосредственного доклада императору. (Bury. History of the later Roman Empire, 1. London, 1889, p. 29).

4. Мугина – укрепленный портовый город на западном берегу Мисии. Ныне, вероятно, Сандарлык.

5. По.

6. В 511 г.

7. Хлодомер умер в 529 г

8. В 534 г.

9. Зубр.

10. В 548 г.

11. Павел Дьякон [Pauli Historia Langobardorum (Mon. germ. hist.), 1884, 2, 1] приписывает инициативу похода королю франков.

12. Азиний Квадрат – историк III в. н. э., автор истории парфянской войны и римской истории.

13. По греческим мифам, Eryō Bellona, Эннона – кровавая богиня войны и разрушительница городов, которая неистовствует в борьбе, сопровождая Арея, Атэ – богиня, олицетворявшая собой ослепление, ведущее к греху и к гибели. Эрида – богиня ссоры, раздора и битвы, сестра и спутница Арея в битве.

14. Кумы – крепость в Кампании близ Неаполя – защищалась Алигерном.

15. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. С. П. Кондратьева, IV, 34, М., 1950.

16. Таксиарх – командир небольшого отряда, таксиса или сотни. Сотня состояла из двух полусотен, или 4 systaseis или 16 lohoi и заключала и себе не ровно 100 человек, а 128. Таксиарх соответствовал приблизительно ротному командиру. В VI в. таксиархи командовали и более крупными отрядами.

17. Стратиг – военачальник восточноримского войска.

18. Реформы Диоклетиана и Константина привели к созданию двух различных армий: пограничных войск (limitanei), которые должны были защищать границы и комплектовались на месте, и подвижной армии (comitatus), которая заменила преторианскую гвардию и была расквартирована в Константинополе и соседних провинциях. В ее состав включалась и императорская гвардия (palatini). Этот порядок просуществовал до VII в., но со значительными изменениями в комплектовании и организации войска. Принцип обязательной службы, уже ослабленный в IV в., был заменен вербовкой свободных крестьян и поставкой колонов владельцами крупных имений. При Юстиниане основным источником комплектования армии была добровольная вербовка, причем предпочитали брать варваров. С V в. разница между легионами, куда допускались только римские граждане, вспомогательными отрядами. Составленными из иностранцев, все более стиралась. (Mommsen. Das römische Militärwesen nach Diocletian. 1889). Самыми желательными рекрутами являлись представители наиболее отсталых народностей империи как, например, горцы Иллирика и Исаврии. При Юстиниане comitatus составлял особый корпус, хотя этот термин уже мало употреблялся и заменялся термином «стратиоты». Comitatus комплектовался по-прежнему на подданных империи, главным образом и фракийцев, иллирийцев, исавров (Bury. u. History of the later Roman Empire, II, London, 1889, p. 75-76), но уступал по численности другому войсковому разряду – федератам. Последние набирались путем добровольной вербовки, но исключительно из варваров, не являющихся подданными империи. Они находились под командой императорских офицеров, получали причитавшееся им содержание через оптионов (Cod. Just. IV, 65; Кулаковский. История Византии, III, Киев. 1915, с. 412) и служили в кавалерии. Они составляли главную часть экспедиционных войск. В VI в. большое значение приобрел и третий разряд военных людей – буккелларии. Это были солдаты на частной службе вождей армии и крупных земельных магнатов. Несмотря на императорские конституции, которые запрещали наем буккеллариев на частную службу, все военные вожди уже в V в. имели их при себе и притом в большом количестве. Велизарий, который сам вначале был буккелларием Юстиниана, во время своих походов имел на своей службе до 7 тысяч буккеллариев, делившихся на простых солдат, щитоносцев и дорифоров, представлявших командный состав и приносивших присягу в верности императору, что придавало им характер законного учреждения. Закон о запрещении иметь частных солдат в VI в. касался только гражданских лиц, но крупные землевладельцы почти никогда не соблюдали его. Продолжали служить в византийской армии и отдельные варварские отряды под начальством собственных вождей, носившие название союзников (socii). Таким образом, византийские армии VI в. были весьма пестры по своему этническому составу, и в них были представлены самые различные варварские племена Европы и Азии.

19. Чивита Веккия.

20. Волатерра находится южнее Пизы.

21. Каррара расположена севернее Пизы.

22. Фаэнца.

23. Так называемые боевые башни – изобретение Димитрия Полиоркета – отличались большими размерами, так что в них могли помещаться даже самые тяжелые метательные орудия. Позже это же название *Helepolis* получили и описанные Витрувием *testudines arietariae* (Amm. Marc., 23, 4).

24. Агафий приурочивает взятие Лукки к декабрю. По Agnelli Lib. Pontif. p 79, Лукка была взята в сентябре.

25. Оффиций – штат служащих, из которых состояло данное учреждение

26. Порт Равенны.

27. Прокопий иногда называет их варианами. Англы жили в Шлезвинге (Tacitl. Germania, p. 40), варины – в Голштейне (Прокопий. Война с готами. IV, 9) и, вероятно, были предками саксов. Отряд варинов участвовал в походе Нарзеса в Италию.

28. Военная пляска под звуки флейты. Платон (Leg., 7, p. 815) описывает пирриху как мимическую военную игру, в которой движениями тела выражали способы и приемы, употребляемые в сражении при нападении и обороне. Изображения этой пляски представляют два ряда вооруженных людей, которые размеренным шагом и стройными движениями устремляются друг против друга, то нападая, то отступая.

29. Левтарис погиб близ озера Бенака (Комо), между Вероной и Тридентом (Pauli Diaconi. Hist. Lang. 1884, 2, 2).

30. Волтурио.

31. Битва произошла в 554 г. В Хронике Мария из Авентина она записана под 555 г. Павел Дьякон называет битву при Касулино (Волтурне) битвой при Tannentum.

32. Барбитон – музыкальный, многострунный инструмент, похожий на лиру

33. Ср. Прокопий. Указ. соч, IV, 34.

34. Это неверно: бездетный Хильдигерт умер уже в 534 г., усыновив своего племянника Теодиберта. Верно то, что Хлотар наследовал его сыну, Теодибальду, и таким образом объединил под своей властью все франкское государство.

35. Асклепиад – потомок Эскулапа, врач. Гиппократ – знаменитый греческий врач с острова Коса, умер в Лариссе в Фессалии около 360 г. до н.э.

36. В связи с ослаблением в V в. Римской империи, раздираемой классовыми противоречиями, персидское влияние в Закавказье стало сильнее восточноримского. Утвердившись в Армении, персы решили прибрать к рукам также Албанию и Картли. Вскоре населению этих стран пришлось платить персам дань. Тяжело было грузинскому народу сносить персидское господство и платить непомерную дань. Со знатью же, азнаурами, персы быстро нашли общий язык. Полагая, что единая религия – залог единства государства и верности подданных, персидские шахи стремились обратить покоренные народы в персидскую веру – маздеизм – и отвлечь их от христианства, а когда это не удалось, они начали поддерживать враждебных империи монофизитов. Попытки восстания в Картли против персидского владычества в V – начале VI в. потерпели неудачу, а царская власть после восстания Гургена в Картли была отменена. Полное подчинение персами восточной Грузии заставило призадуматься правителей Восточной Римской империи, которые понимали, что персы попытаются проникнуть и в Лазику.

Среди плененных княжеств Колхиды самым могущественным было княжество лазов. Важнейшей частью этого княжества была Рионская низменность, носившая название Мухуриси. Это был самый богатый и плодородный район во всей Колхиде. Среди многих городов здесь пользовался известностью город Родополис (Вардцихе). С Мухуриси был связан также Фазис (Поти), значительный торговый город на Черном море, у устья реки Фазиса [Риона].

В IV в. владетельный князь лазов подчинил себе абазгов, апсиллов и другие более мелкие племена, а к концу IV в. и сванов. Так возникло новое царство, которое римляне называли Лазикой, тогда как коренное население продолжало называть его по-старому – Эгриси. От Эгриси происходит название мегрели. Царство Лазики начиналось от кавказского хребта и Бзыбского ущелья (в Абхазии) и простиралось до Аджары. Восточная граница проходила по линии Сканды – Шорапани; это были пограничные укрепления Лазики. Столицей Лазики был город Цихе-Годжи (на берегу реки Техури), который греко-римляне называли Археополисом.

Лазика была государством, давно связанным с Восточной Римской империей. Лазский царь по отношению к восточноримскому императору был обязан лишь военной службой. В то же время лазы вели с римлянами выгодную для себя торговлю. В 523 г. царь Лазики Цафий (Цатэ) принял христианство в Константинополе, а в Колхиде еще раньше появились восточноримские гарнизоны. В 523 г. персы вторглись в Лазику, но царь Цата с помощью византийцев изгнал их из своей страны, в 532 г. был заключен «вечный» мир между Ираном и Византией. Юстиниан увеличил византийские гарнизоны в Лазике и построил укрепленный город Петру (Цихисдзири, между Кобулетом и Батуми).

Торговая монополия, введенная страгигом Цивом. и другие притеснения византийцев побудили царя лазов, Губаза II, изгнать их из Лазики при помощи персов. В 542 г. Хосров с многочисленной персидской армией появился в Лазике и взял крепость Петру. Но персы вели себя в Лазике не лучше византийцев, и Хосров приказал одному из своих полководцев убить Губаза. Уведомленный об этом, Губаз обратился к Юстиниану, обещал перейти на его сторону, если он поможет изгнать персов из Лазики.

Юстиниан отправил в Лазикю новые войска. Военное счастье стало изменять персам. Этими успехами византийцы были обязаны сражавшимся за свою родину лазским войскам. Персы потерпели жестокое поражение в 549 и 550 гг.

Персидские войска теперь оставались лишь в крепости Петра. После этого персы нашли для себя более выгодным укрепиться в северной Лазике, т. е. в нынешней Абхазии.

В 550 г. Петра была взята византийцами. Чтобы восстановить свое пошатнувшееся положение в Лазике, Хосров послал из Картли новые войска, которые укрепили древнюю крепость Кутаиси и обосновались здесь, отрезав тем самым дорогу, соединявшую Лазикю с ее провинциями – Лечхуми и Сванети, а также с крепостью Ухимериони, имевшей важное стратегическое значение. Хотя царь Губаз оставался сторонником римлян, среди некоторых лазских азнауров усилилось тяготение к персам. Один из лазских азнауров, сторонник персов, передал им крепость Ухимериони, господствовавшую над дорогой в Сванети.

Такова была обстановка в Лазике в то время, к которому относится рассказ Агафия.

37. Лазы занимали плодородную и богатую долину Риона, где находилась лучшая область Колхиды – Мухириси. «Здесь и вино получается хорошее, и другие плоды произрастают хорошо» (Прокопий из Кесарии). В районе Мухириси было расположено большинство внутренних лазских городов – Родополис, Варцихе, Кутаиси и др., почему в древнегрузинской исторической литературе этот район обозначается как Самоколако (буквально – городской).

38. Diod. Sic., 1, p. 63; Strab., 15, p. 687.

39. В 553 г. бои происходили у сильно укрепленного города Телефиса в Несосе (ныне Исула), у крепости Оногур.

40. Название Телефис сохранилось и поныне на левой стороне Чхарулы, ниже Сканды, лежащей между Чхарулой и Зузой (Brosset. Histoire de la Georgie. 1-11, p. 104).

41. стадий – 184,97 м.

42. Войска под командованием Бессы и Юстина стояли поблизости от Телефиса в местности, называвшейся «Горшечный рынок», Агафий передает это название по-латыни словом Ollaria и по-гречески – Nitropolis. (Brosset. Histoire de la Georgie. 1-11, p. 10).

43. Докон – северный приток Фазиса, в нижнем течении сближается с последним; римляне выкопали канал в узком месте и образовали остров (Brosset. Histoire de la Georgie, 1-11 p. 100).

44. Центром Лазики был город на р. Техури, развалины которого под названием Нокалахеви сохранились до наших дней; греко-римляне называли его Археополис, а коренное население – Цихе-Годжи. Археополис находился на расстоянии, одного дня пути от Мухирисия (Прокопий. Война с готами. IV, 14).

45. Берос родился, вероятно, в царствование Александра Великого в Вавилоне, был жреческого рода и жил еще во времена первых селевкидов. Он написал «Вавилонские истории» в трех книгах, для составления которых пользовался древнейшими памятниками своего народа, почему и считался греческими историками крупным авторитетом, хотя и следовал совершенно другому летоисчислению.

46. Александр, по прозвищу Полигистор, из Минда (в Карма), получил образование в Пергаме; в качестве военнопленного был привезен в Рим и отпущен на свободу Корнелием Лентулом. Его грамматические и другие сочинения служили источниками для многих писателей, после него живших, но до нас не дошли.

47. Ктесий, современник Ксенофонта, родился в Книде, городе Карий, прибыл, вероятно, около 410 г. до н.э. к персидскому двору, сопровождал Артаксеркса Мемнона в походе против Кира Младшего и лечил царя, когда тот был ранен в битве при Кунаксе в 401 г., в 399 г. возвратился в свой город. Пользуясь большим почетом как врач царя, Ктесий употребил время своего пребывания в Персии для сбора точных сведений о быте и истории страны. Результаты этого изучения он изложил в обширном сочинении, состоявшем из 23 книг и носившем название Persica.

Здесь дается сначала история Ассирии, затем Персии до времени его возвращения оттуда, причем источниками для него служили, как он уверял, персидские летописи.

48. Кидар – высокая, остроконечная шапка персидских царей.

49. Демосфен.

50. Фукидид.

- 51.** Терсит – самый безобразный грек под Троей, согласно Илиаде дерзкий и злой крикун.
- 52.** Скептиками назывались философы александрийского периода, которые были последователями Пиррона Элидского, современника Аристотеля, признававшие только субъективные мнения и не допускавшие объективных истин. Среди младших скептиков особенно выделялся Секст (200-250 г. н. э.). Он был врачом, носил прозвище Эмпирика по школе, к которой принадлежал. Младшие скептики свои доводы «против» возможности точного знания старались обосновывать на формулах определенных доказательств.
- 53.** Дамаский был последним преемником, учеником александрийца Исидора, Аммония и афинянина Марина. Сохранившиеся произведения показывают, что он был видным философом и талантливым писателем. (W. Christ. Geschichte der Griechen Litteratur. II, S. 86). От Симплиция сохранились ученые комментарии к сочинениям Аристотеля, дающие ряд важных сведений по истории древней философии (ibid., II, S. 870). Прискиан так же, как и Симплиций, был учеником Дамаския. От него сохранилось два незначительных сочинения. Агафий имеет в виду закрытие афинской школы эдиктом императора Юстиниана в 529 г. (Jon. Malala, Chronographia. VIII, p. 18), причем было конфисковано имущество школы. Семь неоплатоников переселились в 531 или 532 г. в Персию. Когда в 533 г. был заключен мир между Хосровом и Юстинианом, который обеспечивал им терпимость в Византии, они возвратились обратно.
- 54.** В качестве основной базы для византийских военных сил в Лазике по приказу Юстиниана на берегу Черного моря повидимому, в устье Чороха или несколько севернее, между Кобулети и Цихидзири, был построен укрепленный город Петра, после долгой борьбы оставшийся за римлянами.
- 55.** О предшествующей деятельности Губаза см. Прокопий. Война с готами. IV, 16.
- 56.** Греческий миф рассказывает, что Фрикс, дружелюбно принятый в Фйе царем чародеем Айетом, сыном Гелия и Персеиды, принес в жертву золоторунного барана, на котором туда прилетел, а руно повесил в роще Аррея. Аргонавты за «поколение» до Троянской войны отправились за этим руном под предводительством Гелия.
- 57.** Крепость Оногурис находилась в Самтредском районе недалеко от Телефиса.
- 58.** Племя мисимиян, подвластное царю колхов, но имевшее свой особый язык и свои собственные законы, жило севернее апсилиев по верхнему течению реки Кодора.
- 59.** Ср. Прокопий. Война с готами. IV, 14.
- 60.** О предшествующей деятельности Бабаса. Прокопий. Война с готами. IV, 13.
- 61.** Согласно сведениям Страбона, Арриана и анонимного Перипла, римская крепость Фазис и одноименный эмпорий находились у устья Риона, с левого его берега. Но, чтобы эти свидетельства показали реальными, необходимо предположить, что остров на котором теперь расположена портовая часть города Потти, не существовал во времена, близкие к началу нашей эры, а представляет собой более поздний намыв, разбивший дельту Риона на два больших рукава.
- 62.** Номисма – византийская золотая монета. По расчету В. Г. Васильевского номисма стоит 5р. 58к. золотом (В. Г. Васильевский, ЖМНП. ч. 210, 1880, стр. 398).
- 63.** Во время войны против персов Валериан в 259г. из-за измены попал в плен.
- 64.** Ночная стража. Греки и римляне определяли ночное время сменами караулов. Первые делили ночь на три смены, или части, вторые – на четыре.
- 65.** Стагира на полуострове Халкидике известна как родина философа Аристотеля. Отсюда второе имя Аристотеля – Стагирит.
- 66.** Примикирий силенциариев – глава отдела придворных служащих, которые водворяли молчание по пути следования императора (Procopii. Bell. Pers., p. 243).
- 67.** Юноша из Абида в Троаде. Существует легенда, что он полюбил Геро, жрицу Афродиты в Сесте, и переплывал к ней каждую ночь, руководимый светом маяка на башне в Сесте. Но в одну бурную ночь свет погас, и он погиб в волнах. Когда Геро на другой день увидела его труп, она сама кинулась в море. Эта легенда была воспета в небольшом эпическом произведении Мусея «Геро и Леандр» (ed. Schwabe, 1879).
- 68.** Агафий подтверждает в этом вопросе обвинения Прокопия (Procopii. Historia arcana, Lipsiae, 1906, XXIV, 4-14).